

12
1967

У Р А Л Ь С К И Й
С л е д о п ы т

Приключения
и фантастика

Рассказы
бывалых людей

Мечты
современников

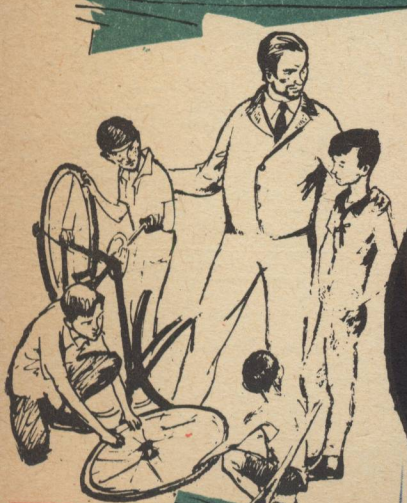
ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР,
СВЕРДЛОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ

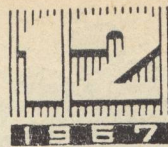
Занимательное
краеведение

Следопытские
дела

Даем адреса
романтикам

О подвигах,
о доблести, о славе

1957

ДЕКАБРЬ

ДЕСЯТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

ОНИ БЫЛИ ПЕР- ВЫМИ

**АЛЕКСЕЙ
СЕРЕБРЯКОВ**

Маленький уральский городок. Одноэтажные деревянные домики. Поросшие зеленой травой тихие улочки. Алапаевск. Здесь Алексей Серебряков родился. Здесь вырос. Отсюда ушел на войну. И вот в конце семнадцатого вернулся.

Еще перед первой мировой смекалистый, шустрый парнишка разбрасывал листовки, собирал деньги на партийную газету и в помощь семьям арестованных. А на фронте артиллеристы избрали его председателем солдатского комитета.

Алапаевские большевики были рады приезду Серебрякова.

В городе еще в ноябре организовался Социалистический союз трудящейся молодежи. Но из пяти членов правления союза один был меньшевик, двое — эсеры, один анархист, а пятый — «беспартийный». В одном доме с правлением размещались две контрреволюционные организации — «Комитет анархистов» и

вича Кушникова, комиссаром — Алексея Серебрякова.

О том, как сражался Алексей Серебряков и как погиб смертью героя, рассказывает Виктор Семенович Федотов, бывший его заместитель в комитете Алапаевского Союза молодежи.

Последняя ночь перед отправкой на фронт. Алапаевск давно спит. Только из открытых окон Союза молодежи доносится песня. Там — прощальный вечер. Прощаются парни с девушками. Прощается и Алексей со своей любимой — Агньюшей Малининой.

Удастся ли еще свидеться?..

Под Верх-Нейвинском отряд Кушникова попал в окружение.

Знойный летний день. Губы у бойцов потрескались, нестерпимо хочется пить. Но воды давно нет. Последнюю вылили в кожухи пулеметов. Осталась только во флягах у медсестер — для раненых.

Хлеба тоже ни крошки. Мутит от тошнотворно-сладковатого запаха разлагающихся трупов. Своих и чужих.

Уже кончаются патроны. Скоро нечем будет отбивать атаки белочехов и казаков. А счет им, атакам и контратакам, давно потерян. Связи со своими нет, и надо полагаться только на себя.

Кушников и Серебряков решили выходить из окружения любой ценой. В ударную группу отобрано две трети бойцов. Поведет их Серебряков. Пробиваться будут штыками и гранатами. Все патроны отданы группе прикрытия. Ее возглавит сам Кушников.

В назначенный час пулеметчики и стрелки Кушникова открывают бешеный огонь, отвлекая на себя основные силы белых. А в это время группа прорыва атакует ослабленную цепь противника. Первым поднялся Серебряков, за ним —

«Союз увечных воинов», в котором состояли далеко не увечные бывшие офицеры и унтеры.

Возглавлял «Союз увечных воинов» сын алапаевского полицейского пристава Путилин, офицер старой армии. «Увечники» и анархисты внушали молодежи, что ее союз должен быть вне политики, что его дело — защищать экономические интересы молодежи и заниматься ее досугом.

В такой сложной, запутанной обстановке Алексей Серебряков повел решительную борьбу за превращение Алапаевского Союза молодежи в истинно пролетарскую боевую организацию. Вскоре он стал председателем вновь избранного комитета.

Ряды Союза молодежи быстро пополнялись за счет новых членов — рабочих парней и девушек.

Недолгой была мирная передышка. Началось восстание чехословацкого корпуса. Его поддержала вся белогвардейщина России. Под угрозой оказался Екатеринбург.

Алапаевский комитет большевиков послал на помощь красногвардейский отряд. Командиром назначили рабочего, бывшего унтер-офицера Ивана Федоро-

бойцы. Хлопают выстрелы из наганов, рвутся гранаты. И вот сошлись в штыковую. Белые не выдерживают, бегут. Эх, огоньку бы! Красногвардейцы преследуют противника с криком «ура!».

Отряд вышел из окружения. Серебряков, встречая группу прикрытия, шутит: — Тихоходы! А мы уже думали, что вы уснули!

В ответ слышится:

— Хорошо вам с голыми-то руками, а у нас как-никак пулеметы, да и патронов осталось малость.

Бойцы хохочут. Даже раненые и те приободрились, улыбаются.

Когда Серебряков вернулся в захваченный белыми Алапаевск, подпольщики поручили ему связь с молодежью.

Среди хозяйничавших в городе кара-

телей самыми свирепыми были Белоусов и Большухин. Первый стал начальником карательного отряда контрразведки, второй — ее старшим агентом. Следственный отдел контрразведки возглавлял сын жандарма станции Алапаевск прапорщик Иван Обухов.

«Работы» контрразведке хватало. Каждую ночь на заводских и рудничных зданиях, на стенах домов, на заборах и телеграфных столбах появлялись листовки или написанные мелом призывы: «Бей белых гадов!», «Помогай Красной Армии, вреди белым везде и всем, чем можешь!», «Да здравствуют Советы!..»

И вот чьи-то руки разбирают рельсы на узкоколейке, и с насыпи валяются составы с рудой из Зырянки или углем с Мугая, между Алапаевском и станцией Ясашная под откос летит уже целый эшелон белогвардейцев.

За короткое время белогвардейцы схватили и расстреляли десятки партийных и беспартийных большевиков, в том числе старшего брата Алексея Серебрякова — Ивана. Но покончить с подпольем им не удастся.

Контрразведчикам явно не по себе.

...Кабинет начальника следственного отдела Обухова. Он сидит за письменным столом. Лицо осунувшееся, бледное. Левое веко дергается в нервном тике. Правая рука на перевязи. Перед ним — Белоусов и Большухин. Белоусов в форме прапорщика. Большухин в дорогом костюме.

— Распустили своих агентов и солдат! — кричит Обухов. — Они у вас только и знают, что пьянствовать! А как до стрельбы дойдет — по углам прячутся.

— Принимаем все необходимые меры, Иван Алексеевич, — оправдываются те.

Обухов машет рукой:

— Какие там, к черту, меры! Какой порядок! Меня, изволите видеть, в собственном кабинете ранили! Позор!

Большухин встает.

— Разрешите доложить. Покушение на вас организовано молодежной группой Алексея Серебрякова.

— Восхищен вашей проникательностью! Вы мне не доклады, а самого Серебрякова подавайте!

В тот же день палачи ворвались в дом Серебрякова и учинили расправу над его

матерью Екатериной Яковлевной. Ей прикладом разбили голову, сломали ребра и руку. Жестоко избили Нюру, сестру Алексея, и находившуюся у Серебряковых Агнюшу Малинину. Уходя, пригрозили:

— Дня через три зайдем. Если ты, старая ведьма, не одумаешься и не скажешь, где прячется твой бандит,— закажывай панихиду. И по себе, и по дочери!

Екатерина Яковлевна настояла, чтобы дочь и Агнюша не оставались с ней.

...В маленькой комнатке сгущаются зимние сумерки. Тишина. Слышно только тиканье стареньких ходиков да тяжелое хриплое дыхание Екатерины Яковлевны. Но вот скрипнула дверь в сенях. Кто-то вошел.

— Алешенька! Родной!... Да ведь за нашим домом следят. Загубят они тебя...

Алексей опустился перед матерью на колени.

— Мама! Голубушка...

Старушка заплакала.

— Кровинушка ты моя!.. Уходи скорее...

Но в дверь уже колотили.

— Отворяй!

Серебряков, выхватив наган, выскочил в сени. Тонкая дверь трещала под ударами прикладов. Когда грохот прекратился, послышался голос Белоусова:

— Серебряков, дом окружен! Сопротивление бесполезно. Сдавайся!

Алексей молчал. Тогда Белоусов приказал:

— Ломай!

Серебряков выстрелил. Послышалось падение грузного тела, брань и шаги сбегających с крыльца людей.

В кухне зазвенели стекла. Алексей бросился туда. В окно влезал солдат. Выстрел — и каратель повис на подоконнике. Закрыв на крючок дверь в сени, Серебряков выглянул в комнату. Туда, выламывая рамы, пытались забраться белогвардейцы. Выстрел, еще, и на минуту все стихло. Потом с улицы донесся голос Большухина:

— Серебряков, если сдашься, мы сохраним тебе жизнь.

Алексей крикнул:

— А ну, покажись, шкура!

Каратели пустили в ход топоры и оружие. Алексей отстреливался. Но вот он уже ранен в плечо и в ногу. С каждой минутой слабеет от потери крови. Кончаются патроны. Осталось их всего два.

Рухнула кухонная дверь. Алексей стреляет еще раз, а затем приставляет дуло нагана к своему виску...

...В эту же ночь у крыльца контрразведки был убит часовой. На листочках, приколотых к дверям и к груди убитого карателя, было написано:

«За убийство Алексея Серебрякова и его матери мы, красные мстители, именем трудового народа приговариваем к смерти белогвардейских палачей: Обухова, Белоусова и Большухина. Трепещите, гады!»

ЛУЧШИЙ ДОМ — ДЛЯ НАСЛЕДНИКОВ

Комсомольская организация Полевского завода возникла сразу после Февральской революции и была одной из самых крупных на Урале. В ней насчитывалось более двухсот человек. Четверо полевских комсомольцев, в том числе рабочий-электрик Петр Григорьевич Чирухин, были делегатами Первого областного съезда союзов молодежи

Урала, состоявшегося в Екатеринбурге в декабре 1917 года.

На съезде П. Г. Чирухин участвовал в выработке программы и устава Союза. Позже избирался секретарем первого Екатеринбургского райкома и заместителем председателя общегородского комитета комсомола. Вот что он рассказывает.

Начало полевской комсомольской организации положили обыкновенные самодельные кружки: хоровой, драматический, литературный. Руководили ими

свои же рабочие парни и девушки — Рипа Полежаева, Митя и Коля Медведевы.

Обычно оркестр и хор исполняли песни революционного подполья, чтецы — отрывки из произведений пролетарских писателей и поэтов. А чтобы сидящие в зале не оставались только зрителями, на сцену выносились щиты с написанным крупными буквами текстом песен. Во время выступлений хора и оркестра «артистам» подпевал весь зал. Часто в программу включались доклады по текущему моменту.

Наши самодеятельные вечера пользовались среди заводской молодежи большим успехом. Кружки быстро росли.

И вот однажды на общем собрании было решено считать всех кружковцев членами Союза молодежи. Избрали правление. В него вошли Рипа Полежаева, Володя Добрынин, Коля Медведев, Таня Чирухина и я.

Теперь помимо кружковой работы мы стали проводить молодежные собрания. Возникнет какой-нибудь вопрос — сейчас же напишем броское объявление и расклеим на улицах поселка. А вечером в зале уже полно молодежи. Собирались мы в зале мужской школы. Во время летних каникул занимали все пять классов и даже учительскую. Но в августе заведующий школой сказал:

— Прошу подыскать другое помещение, школу надо готовить к новому учебному году.

Что было делать? Товарищи поручили мне сходить к председателю Полевского комитета большевистской партии Ф. Я. Кикору. Он же был одновременно и председателем исполкома Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

С Фрицем Яновичем я познакомился еще в 1916 году, когда он после побега из сибирской ссылки поступил работать на медеплавильный завод.

— Пригляните себе помещение по вкусу, — сказал Фриц Янович, — а там посмотрим.

И вот мы с Петей Медведевым ходим по заводскому поселку, осматриваем пустующие дома. Нам очень понравился

дом, в котором прежде жил управляющий-англичанин. Там были паркетные полы, кожаная мебель, пианино. На нем и остановились.

— Ну, знаете, у вас губа не дура! — развел руками Фриц Янович. — Это же самое лучшее здание в поселке. — Потом подумал и сказал: — Вот что, ребята: я поставлю этот вопрос в Совете, а вы сами доказывайте депутатам свои права на этот дом, — и, хитро прищурившись, добавил: — Я, как смогу, буду вас поддерживать.

Вначале депутаты Совета нас подняли на смех:

— Ишь чего захотели, сорванцы: паркет им подавай!

Ф. Я. Кикор дал мне слово, и я сказал:

— Как же это так, товарищи депутаты! А вот лет через двадцать, когда мы будем сидеть на ваших местах, а вы придете просить помещение для престарелых...

В зале поднялся веселый шум:

— Вот шельмец, еще нас же и страшает!

И тут из-за стола поднялся Кикор.

— Ведь ребята правы: они — наши наследники. А кому же, как не наследникам, должен принадлежать самый лучший в поселке дом?

Авторитет нашей организации сильно вырос после того, как летом 1917 года мы добились сокращения рабочего дня для подростков. Сделать это было не просто, особенно в «горячем» прокатном цехе. Приходилось действовать явочным порядком.

Выполняли мы и многочисленные поручения партийного комитета большевиков. В 1918 году много комсомольцев из Полевского ушло на фронт с отрядом Ф. Я. Кикора. Около ста человек из них не вернулись домой.

Героически погибли Рипа Полежаева и моя сестра Таня Чирухина. Девушки участвовали в организации побега из тюрьмы семи приговоренных к смерти екатеринбургских большевиков, были схвачены колчаковцами и после пыток зарублены.

Рисунки Н. Мооса

Повесть

Самое начало семнадцатого века. Власть в России после внезапной смерти Бориса Годунова захватывает «боярский царь» Василий Шуйский. И вот уже новые налоги тяжким бременем ложатся на плечи закрепощенного крестьянства...

Растет народное недовольство. Растет и ширится, и летом 1606 года выливается в крестьянскую войну против бояр, за царя «народного», «доброего». Во главе восставших — бывший холоп князей Телятевских Иван Исаевич Болотников. В горячих схватках наносил он поражения царским воеводам, и вот уже к самой Москве подступило крестьянское войско...

Но крестьянское движение носило ярко выраженный стихийный характер. И когда, напуганные необычайным размахом крестьянской войны, от Болотникова отшатнулись вероломные его союзники — мелкопоместные дворяне, — успех покинул восставших.

В октябре 1607 года после четырехмесячной осады пала Тула, последний оплот восставших. А в марте следующего, 1608 года закованный в кандалы крестьянский вождь был сослан на север, в Каргополь...

На улице потревоженным косматым зверем ворочалась непогода. Она замела все пути-дороги, облепила снегом бревенчатые стены Каргополь-города. Вечером дворовая дежка Марфушка, пробегая из кухни в погреб, увязла в сугробе по пояс, набрала снегу в катанки и, вытряхивая его на кухне, говорила:

— Прогневил люди господа бога. Вот и удумал он завалить снегом всю земелюшку, чтобы не только человеку, а и лисице не пробраться...

В хорамах каргопольского воеводы Даниила Дмитрича Кобелева жарко. Топили березняком, дров не жалели. В спальне, отмахнув в сторону меховое одеяло, густо храпел Данила Дмитрич, утомленный дневными заботами. Рядом, разметавшись во сне, тоненько посвистывала носом его супруга Ульяна.

Перед иконой Спаса голубым огоньком теплилась лампада синего стекла. В покоях — ни звука. Глубокая ночь. Сон сморил всех. Хорошо спалось в тепле под завыванье метели.

На сторожевой воротней башне, завернувшись в овчинный тулуп, бодрствовал караульный стрелец, рослый мужичина с сивой бородой, по прозвищу Косой. Стрелец косил левым глазом — потому и прилипло к нему такое прозвище.

К перекладине под шатровой крышей башни подвешено на пеньковой веревке чугунное било на случай тревоги. Косой поглядывал в слуховое оконце вниз, на подъезд к воротам. Но кроме снежной круговерти ничего не было видно.

«Ни леший не придет в таку пору. Малость вздремну до смены!» — решил стрелец. Поставил в угол бердыш, сел на чурбан, плотнее запахнул полы тулупа и смежил веки.

Но скоро до чуткого слуха Косого донеслись топот копыт и щелканье кнута. Кто-то, подгоняемый ветром, мчался по дороге к крепостце. Стрелец высунул бороду в окошко, вгляделся во тьму. Внизу, в метельной кутерьме он разглядел промелькнувшую по мосту через скованный льдом ров тройку, запряженную в крытый возок. По бокам и сзади возка на усталых лошадах — пятеро ездовых стрельцов. Один из них, приблизившись к воротам, повернул коня боком и древком бердыша забухал по гулкому дереву.

Волоча полы тулупа по ступенькам скрипучей деревянной лестницы, Косой спустился вниз, открыл ставенек оконца-глазка в воротах, пошверлил правым глазом вершника¹ и спросил:

— Кто такие? Чего надобно?

— По делу государеву! Отворяй! — приказал вершник, нетерпеливо ударяя древком в ворота.

— Погоди, десятника кликну! — сказал Косой и дважды ударил в висевшую возле ворот чугунную доску. Звон понесся над сонной крепостцой.

Вскоре явился стрелецкий десятник. Он тоже спросил: кто приехал, да зачем, и только тогда отворил тяжелые ворота, окованные железом.

Возок въехал в крепость, за ним протрусили вершники. Заперев ворота, стрелецкий десятник стал показывать дорогу к воеводским хоромам.

¹ Вершник — ездовой стрелец, всадник.

Холоп воеводы Молчан, услышав стук в дверь, встал с рундука, застланного овчиной, и, накинув полушубок, вышел в сени.
— Воевода дома?— спросил вершник, спешившись и взойдя на крыльцо.

— Спит...

— Веди в дом, буди воеводу! Скажи: по делу государеву служилые из Москвы. Да скоро у меня!— прикрикнул приезжий.— Люди на улице мерзнут!

Молчан разбудил воеводу, и тот, не мешкая, вышел в переднюю, где, скинув шубу, грелся, прислонясь к печке, среднего роста, рыжебородый, сердитый на вид гость с красным от мороза лицом и потрескавшимися губами.

— Здоров будь, гостенек!— сказал воевода, поправляя подвернувшуюся полу полушубка.— Чем могу служить, ответствуй!

— Допрежь поведаю, кто я таков,— отозвался гость и полез за пазуху за письмом.— Я— стрелецкий сотник тайного приказа Илья Петрищев¹. А прибыл сюда по веленью пресветлого государя Василия Ивановича. Вот грамота.

Воевода, взяв грамоту, подвинул поближе подсвечник, оглядел сургучную печать, бережно сломал ее, развернул и стал читать бумагу. Потом поднялся, надел шапку из бобра:

— Значит, вора Ивашку ко мне доставили? А где я его содержать буду? У меня ведь доброй тюрьмы нету.

— А што есть?

— Съезжая. Хибарка об одно окошко. При нужде держим в ней куражливых питухов, кабацких затычек да татей. Окно, правда, забрано крепкой решеткой. Убежать нельзя, ежели при хорошем досмотре...

— Там сидит кто?

— Ни души. Взяли вчерась питуха Петруху Обросимова. На посаде в кабаке драться полез на целовальника... Держали до вечера, дали тридцать ударов вполплети и выпустили с миром. Не топлено в съезжей, сотник!

— Печь есть? Надо истопить. А как после быть с тем вором— то дело особое.

— Пойдем в съезжую!

Спрятав московскую грамоту в ларец, Данила Дмитрич повел гостя. За ними к съезжей тронулся и возок.

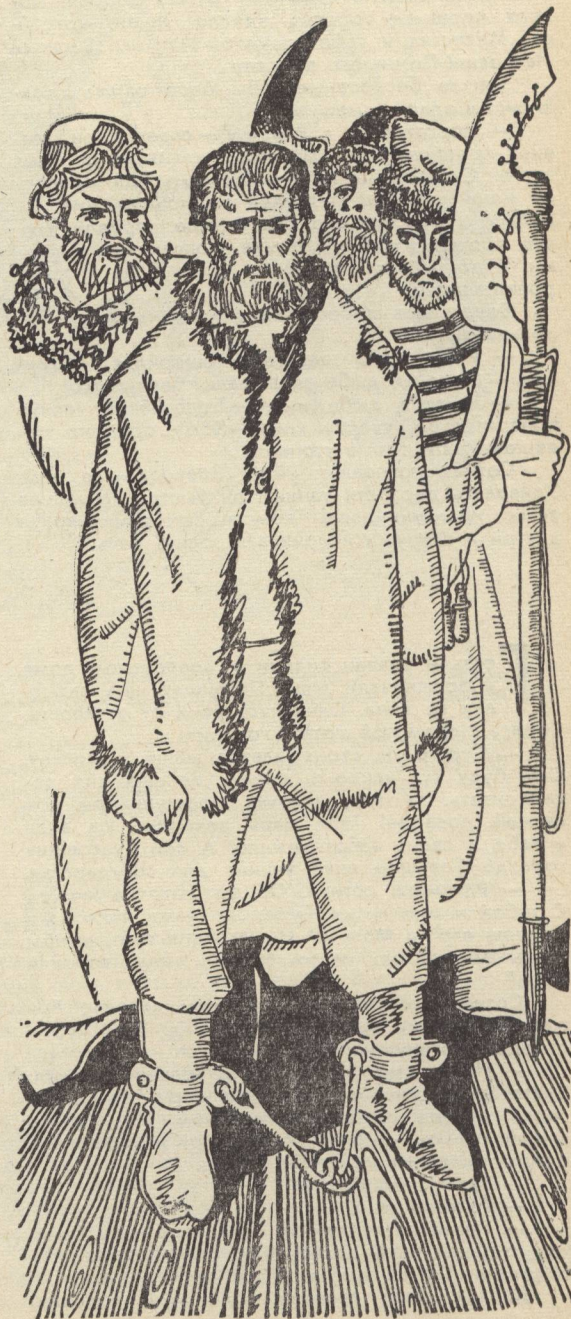
Заспанный сторож Ефимко Киса, он же, при случае, палач, загремел запором, ввел гостей в караулку. Запалил свечу. Москоский гость осмотрелся: скамья для охранника, сбитый из плах невеликий стол, закапанный воском, усеянный хлебными крошками. Напротив входа с улицы— дверь в комнату с квадратным окошком для досмотра за узниками. В караулку выходила топка печи.

Гость вошел в комнату. Зарешеченное оконце, выходящее на зады, к береговой стене укрепления, в углу— охапка соломы. И больше ничего, кроме коричневых задымленных стен, обиндевших углов да паучьих тенет под потолком.

Сотник обстучал, ощупал стены, рубленные из тесаных бревен, проверил, крепка ли решетка, и сказал:

— Добро! Отсель не убежит вор. Распорядись, чтобы караул хороший был да печь бы топили.

Стрельцы ввели измученного, озябшего узника, одетого в полушубок. На ногах у узника— порыжелые смерзшиеся сапоги, перехваченные у щиколоток кольцами кандалов. Цепь с мороза звенела визгливо, так, что свербило в ушах,

¹ За исключением Болотникова персонажи в повести вымышленные.

Узник стал посреди коморы, опустив руки в овчинных рукавицах, обвел усталым взглядом новое жилье. Был он роста выше среднего, плечист. Лицом светел, но бледен и изможден. Глаза большие, темно-карие, жгучие. Узник пронзительно глянул на воеводу, и тот, вобрав голову в плечи, подумал: «Ну и очи у вора! Разбойные, страшные! Тьфу, прости господи...»

Илья Петрищев, сделав широкий жест рукой, сказал, недобро улыбаясь:

— Вот тебе, вор Ивашко Болотников, хоромы. Нынче будешь обретаться тут. Хоромы истинно княжеские: печь с изразцами, окно наборное, цветного стекла. Ложе,— он показал на сложившуюся прелую солому,— перина добрая! Поверх перины — соболье одеяло. Живи, красуйся! Милостив к тебе государь-батюшка Василий Иванович! Помни его доброту.

Тонкие бескровные губы Болотникова скривились в едкой усмешке.

— Воротишься в Москву,— ответил он сотнику простуженным голосом,— кланяйся от меня царю. Скажи ему за его щедроты да милости от меня спасибо. И пускай он пошлет мне соболью шубу: холодно тут. А еще передай ему, что просил я тебя, сотника, попотчевать плетьюми. Худо ты кормил меня в дороге, да и заморозил вконец.

Болотников переступил с ноги на ногу, кандалы звякнули.

— Ишь, чего захотел!— ощерился Петрищев.— Мало на дыбе ты ломали, беспутного!

— И тебя дыба ждет,— Болотников глянул презрительно, сверху вниз.— Кому суждено повешену быти, тот не утопнет...

Сотник поспешил уйти. Воевода — за ним. Удивляясь дерзости узника, он быстро закрыл на засов крепкую дверь коморы, оставил караул внутри и снаружи и приказал топить печь.

Гость и хозяин сидели в воеводском доме и бражничали. Илья Петрищев чуть захмелел от вина. Слипались веки от усталости. Борясь с дремотой, сотник говорил:

— Стрельцов своих завтра ушлю в Москву. Сам буду тут какое-то время. Велено мне досматривать за государевым преступником. Не сердчай, воевода! Тебе царь доверяет, да ведь у тебя и своих забот немало. А сей бунтовщик гораздо большее лихо учинил для государства.

— Разумею, сотник. Обиды быть не может. С тобой и мне легче будет. А скажи, пошто не казнили его на Москве? Неужто для того, чтобы усечь ему голову, надо было к нам волокчи вора?

Сотник помотал головой, отгоняя сон. Рыжая борода его выставилась вперед. Взял кубок с медом, потянул из него.

— Не ведаю, пошто так. Только слышал, будто царь сулил помилованье вору, когда тот сидел в Туле со многим войском. На Москве ежели казнить — молва пойдет. Вот и убрали его с глаз подале. Надо, чтобы тайно...

— Тут казнить будем?

— Рано об этом.

— Так-так,— поддакнул воевода.— Ну што же, гостенек, мне досыпать некогда: ночь на утро оборотила. А ты ляг, выпись как следует.

Хозяин отвел гостя в отдельную горенку,

указал ему постель, а после поднял с рундука заспанного холопа:

— Молчанко! Стрельцам, кои на улице, отнеси штоф водки для сугреву. Тем же, кои в съезжей сидят, не давай хмельного. А колоднику дай штей горячих да хлеба. Поди, жрать хочет...

— Сполню, воевода,— отозвался Молчан и ушел.

Повеселевшие стрельцы проворней заходили вокруг съезжей, захопывали рукавицами.

...Скоро начнет светать. Над избами, над сумами по-прежнему скулит вьюга, перебивая дороги и тропы.

Воевода достал из ларца грамоту тайного приказа и еще раз перечитал ее:

«...и наказывает тебе государь Великий Василий Иоаннович плуце глаза беречь вора Ивашку Болотникова, бунтовщика и богохульника, чтобы он побегу не учинил, людшек боле не смутьянил, аще штоб о заточении у тебя того вора лишние не ведали. А вора держать в черном теле, давая ему ясти единый хлеб да воду ежедень трижды: об утре, о полдень и вечером, отходя ко сну... И как опосля быть с воров Ивашкой, тебе последует изустный указ.

И еще, воевода, чтобы ты слушался во всем сотника стрелецкого и дворянина Илью Петрищева — глаз и руки государевы в твоём остроге при сидении вора...»

Воевода спрятал письмо, запер ларец на ключ, задумался.

Данила Дмитрич слышал о холопском бунте, о том, что осенью прошлого, 1607 года сто тысяч восставших против царя осадили Москву. Шуйский в великой растерянности отсиживался в Кремле. И вел то сермяжное войско на столицу беглый холоп князя Телятевского Иван Болотников...

Крупную дичь отправил Шуйский в каргопольскую клетку, после того как хитростями взял ее в полон. Воевода встревожился, но тут же успокоил себя: «Добро, што тайный приказ послал своего доглядчика. По крайности, што случись — не одному мне в ответе быть. А хранить сию птаху надлежит zelo зорко. Тут уж я промашки сделать не должен».

Подумав так, воевода отправился в покои досыпать до света. Снял одежду, завалился под теплый Ульянин бок.

Жена проснулась, спросила:

— Чего стал середь ночи? Дня мало?

— Не скажу.

— А пошто не скажешь?

— Из Москвы вора привезли,— помолчав, не утерпел воевода.— Забота на мою шею... тьфу!

— А кто тот вор?

— Знать лишне тебе.

— А привез кто?

— Сотник стрелецкой. Дворянин.

— Каков он?

— Молодой. Борода лисая¹. Огнем горит.
— Баской?²
— Тьфу!.. Тебе што за корысть? Спи!
Ульяна вздохнула, улыбнулась и закрыла глаза.

2.

Эй, вор! Хлебай шти, покудова жив! — послышался окрик.

Иван Исаевич, неподвижно сидевший в углу, вздрогнул и открыл глаза. Темная фигура отошла от него, скрылась за дверью. Чья-то рука поставила на полку с той стороны зарешеченного окошка слюдяной фонарь. Стало светлее в коморе. На полу — глиняный горшок, деревянная обкусанная ложка и краюха хлеба на дощечке.

Один из караульчиков, приподняв фонарь, заглянул в окошко, потряс бородой, скаля зубы:

— Воевода жалует тя штями со своого стола!

Иван Исаевич взял горшок на колени и стал есть. Пусть смеются эти ублюдки. Ему надо набираться сил, чтобы вырваться на волю. Воля! Добудет ли он ее?..

Окончив еду, Иван Исаевич поднялся с соломой и, подойдя к окошку, попытался заговорить с караульщиками:

— Спасибо, брат!

— Леший тебе брат! — глухо донеслось из караулки.

— Не ведаю, куда меня привезли? Скажи, стрелец!

— Нам растабарывать с тобой не велено!

Иван Исаевич, волоча по полу цепь, прошел по коморе взад-вперед, погрел коченеющие руки о стену печки. Приблизился к оконцу, что выходило на улицу, оглянулся, потряс руками решетку.

— Решетку добрые мастера ковали! Не первый ты щупаешь, да зря! — из караулки в комору заглядывал стрелец, ехидно щурясь и елозя бородой по обоконью. Казалось, это стрелец сидит за решеткой, а не он, Болотников.

Иван Исаевич отошел от окна. Затекишие обмороженные ноги плохо слушались, подгибались в коленях. Снять бы сапоги, погреться у печи, да как снимешь, если ноги в железзах?

«Решетка крепка. Стены — тоже. Половицу не поднимешь, подкопа не сделаешь. Днем и ночью будут следить стрелецкие вороны... Головами, небось, отвечают за меня...»

Иван Исаевич попробовал еще раз угадать, куда его привезли. Но как ни напрягал память — напрасно. Ехали долго. Он потерял счет дням. В пути его почти не выпускали из возка. Лишь на двух неведомых ямах обогрели, накормили горячей пищей. А так — сунут под полог возка краюху хлеба да кувшин с водой, и все...

По приметам да обрывкам разговоров Иван Исаевич видел — везут куда-то на север. Мороз становился все лютее. «То ли Вологда? То ли Устюг Великий? Неведомо...»

И зачем его привезли сюда, в это, судя по всему, глухое место? Сохранил ли Шуйский, как обещал при переговорах под Тулой, жизнь ему и Илейке Муромцу? Эх, да чего стоят царевы обещания! Разве мало супротивников царских

болталось на виселицах, корчилось на кольях, обливалось кровью, четвертованными на Лобном месте?..

А тело все еще болит после пыток в тайном приказе. Трещали кости, терял сознание, но лишнего не сказал.

В памяти вставало недавнее.

Пытошная башня в Кремле. Горит очаг. Возле него — железные прутья да клещи. Пока они холодны. Царь запретил пытать Болотникова горячим, велел испробовать узника лишь плетью, чем немало озадачил дьяка тайного приказа Окольнищина. Неведомо было дьяку, что Шуйский решил отправить Болотникова в глухомань, и надо было, чтобы он имел силы не умереть в дороге.

— Все, што скажешь, милостью обернется для тебя, — предупредил дьяк, глянув на Болотникова и подвинув к себе бронзовую чернильницу с гусиным пером. — Утайки быть не должно! Великий государь должен знать правду! От языка твоего зависят твои суставы, кости да воровская спина!

Болотников молчал, опустив, расслабив связанные руки, но голову держал дерзко и прямо. Дьяк начал допрашивать:

¹ Лисая — рыжая.

² Баской — красивый.

— Што обещал князьям Мосальским да Долгорукому за измену государю?

Болотников подумал и ответил спокойно:

— Обещаний никаких не давал.

— Пошто тогда они к тебе пришли?

— То у них на уме и осталось, а мне не ведомо.

— Во лжи мало толку! — нахмурился дьяк. — Што сулил холопам в подметных письмах?

— В тех письмах говорил народу правду едину.

— За сколь золотых продал душу свою проходимцу Лжедмитрию — Мишке Молчанову? И за што купил ты Шаховской?

— С ними дела не имел. Во всем все от себя вершил.

— Опять ложь! — крикнул дьяк и дал знак палачу. Тот взмахнул плетью, ожег спину узника. Болотников от неожиданности вздрогнул, но устоял на месте.

— Умыслил Лжедмитрия посадить царем и получить от того себе выгоды? Так?

— Неправда это.

— Правда! Нам ведомо!

— А ведомо, так пошто спрашиваешь?

Дьяк взбеленился:

— Шкуру спущу!

— Тебе не привыкать то делать...

— Молчи! Говори дале: Прокопка Ляпунов што измышлял против государя?

— То — ему ведомо, а мне — нет...

— Тебе неведомо? Так... Клещи, вон, изготовлены! Паленое мясо с тебя полезет клочьями!.. Што хотел делать, ежели бы в Кремль вошел со своим вшивым воинством?

Болотников угрюмо молчал. Палач уже много раз прошелся по его спине плетью. Дьяк вцепился, словно борзая в оленя-подранка:

— Што бы стал делать на Москве? Што? Ответствуй!

Молчал узник. В пытошную вошли двое, развязали Болотникову руки, вдели их в ременные кольца дыбы, ноги притянули к тяжелому бревну. Что-то хрястнуло, заскрипело, как колодезный ворот, и Болотников повис на дыбе с вывернутыми суставами. Острая боль прорезала тело. На миг сознание помутилось, голова склонилась на грудь. В лицо плеснули водой, и он пришел в себя, замотал головой. Брызги воды летели на дьяка, тот посторонился, повеселел:

— Так-то толковать сподручней, — он подошел снова и как будто участливо заглянул в лицо узнику, а потом стал повторять те же вопросы.

Болотников молчал. Плеть снова и снова свистела в промозглом воздухе пытошной. Палач взопреп, утирал лоб рукавом рубахи. Дьяк настойчиво спрашивал:

— Государя Шубником звал пошто?

Молчит Болотников.

— Сколь войска собрал перед походом на Москву?

— Боле, чем у царя, — поднял голову Иван Исаевич. — И войско доброе! Не то, што ваши трусливые стрельцы да прелюбодейное боярство!

— Ах, ты вот как? — задохнулся от злобы Околыничин и сильно ударил узника по скуле. — Што бы стал делать в Москве?

Болотников собрался с силами и сказал, сверкая набрякшими кровью белками:

— Ближних бояр покидал бы с Ивана Ве-

ликого. Остальных развесил бы по стенам, яко крысы!

Дьяк злобно оскалится, подскочил к нему с новым вопросом:

— А што думал с государем учинить?

— Про государя ничего не скажу. А для тебя изладил бы добрый кол, вострой!

...Из пытошной Болотникова без памяти унесли в тюрьму.

Иван Исаевич чувствовал себя худо: ноги совсем отказывали, в голове будто кто бил в набат. Он поплелся в угол и лег на солому. Долго лежал неподвижно, потом стал сгребать к бокам солому, чтобы хоть немного стало теплее. Когда стал засыпать, услышал, как за дверью тихо говорили стрельцы:

— Кинуть ему, ай нет?

— Не велено!

— То так. Не велено... Но смерзнет вор.

— Смерзнет. Кинь, пожалуй.

— Ответ держим оба, коли воевода лаять-ся будет.

— Да уж так. Кидай.

Сквозь дрему Иван Исаевич слышал, как один из стрельцов вошел в комнату и набросил на него какую-то одежду. Стало теплее. Узника сморил сон, тревожный, глухой, как вьюжная ночь. Иван Исаевич будто провалился в пропасть.

А вьюга за стеной то улюлюкала, то выла по-звериному тоскливо и надсадно, и съезжий домишко вздрагивал от ударов ветра.

Стрельцы на улице, пока не пришла смена, продрогли до костей. И воеводская чарка не помогла.

На рассвете воевода поспешил к съезжей, проверить, не случилось ли чего ночью. Стрельцы, вытоптавшие торную тропу вокруг домишка, спросили:

— И днем тут стоять?

— Стоять. Смена будет! — ответил Кобелев.

Внутренняя охрана бодрствовала. Один стрелец мерял караулку шагами, другой за столом лепил безделку из хлебного мякиша.

— Как вор? — спросил воевода, заглянув в оконце.

— Шти ел. Спит. Вечор окошко щупал, решетку шатал.

— Шатал-таки? Ах, тать! Всяка тварь, попав в неволю, вырваться норовит...

— Будешь ли, нет ли ругать нас, — сказал стрелец, сидевший у стола, — мы ему попону кинули, не закоченел штобы.

— Ладно. Пушай. Ну, зрите в оба! Утеклем будет — ваши головы с плеч!

— Бдим, воевода!

— Штей ему дали единый только раз, впредь же кормить вора хлебом да водой. Молчанко будет еду приносить. Разумеете?

— Разумеем!

3.

Днем ворота старинной крепостцы отворяли настежь, чтобы стрелецкие жены, дворовая челядь воеводы и прочие люди могли пойти в посад, на торг, или в Христов рождественский собор к обедне.

Крепости-острожку уж более ста лет. Стены и башни изрядно подточены временем. Башен семь — одна въездная, «воротная», и шесть «затинных» с бойницами и чугунными пушками. В лихие времена за стенами укрывались от врагов посадские — купеческие да ремесленные люди, церковники. Крепость огрызалась пушечным да фужейным огнем, поливала незваных гостей со стен кипящей смолой, стойко выдерживала осаду и прогоняла недругов лихими вылазками.

Днем в башне дозорного не было. Стрелец-караульщик в овчинном тулупе и лихо заломленной шапке стоял у открытых ворот. В руке — бердыш, за кушаком — пистоль. Стрелец поглядывал на проходящих и проезжающих, а приметив подозрительных, загоразживал дорогу.

По склону земляного вала спускалась через ров узкая наезженная дорога в посад. Там, на базарной площади, перед гостиним двором, бывал, обыкновенно по понедельникам, торг или «сбор».

Вокруг площади — бревенчатые дома с высокими окошками, резными наличниками и подзорами. Здесь жили каргопольцы побогаче, а на задах в беспорядке — курные избы посадских: скорняков-белковщиков, бондарей, кузнецов, сапожников, катозалов.

За площадью белокаменной громадой высился собор. Неведомые зодчие построили его при Иване Грозном. Богомольцы шли сюда замаливать грехи, кланяться чудотворному образу казанской божьей матери.

Понедельник, как и предыдущие дни, был выжухий, серый. Побывав в съезжей, воевода направился домой.

Гость только что встал с постели и умывался на кухне под медным умывальником, подвешенным на витой цепочке.

Стряпуха Прасковья старалась накормить огромную жаркую печь с прожорливым устьем, без конца совала туда на деревянной лопате сляпанные из теста караваи. Пахло кислыми щами, обгорелым сосновым помелом и свежеспеченным хлебом.

На лавке у тусклого оконца Марфуша очищала большую жирную курицу, кидая перья в решето на полу.

Петрищев кончил плескаться водой. Стоявшая рядом Ульяна подала ему утиральник беленого полотна с вышивкой. Гибкая, будто без костей, спина хозяйки согнулась в полупоклоне. Праздничный сарафан колом стоял на бедрах.

Сотник принял утиральник, глянул на хозяйку, улыбнулся:

— Благодарствую, хозяйюшка! Добра водича с ледышками. Такой умываться шибко приятно. А принимать утиральник из твоих рук — много приятней.

Увидев вошедшего мужа, Ульяна чуть отошла от сотника и ответила степенно:

— Рады угодить тебе, гостенек. Пойдем-ка теперича к столу!

Петрищев похлопал Марфушку по плечу и сказал:

— Эх, младена! Тебя бы малехонько пощипать так-то!

Марфушка толкнула ногой решето под лавку, покраснела. Передник у нее холстинный, с лентами по подолу, кофтенка с заплатками на локтях. Лицо белое-белое, красивое, боль-

шеглазое. Матовая кожа словно бы светилась при золотистом утреннем луче, бьющем в окошко.

Сотник полюбовался девушкой и, довольный своей шуткой, пошел следом за хозяевами в покои.

В обеденной палате был щедро накрыт стол. Братины с медом, пивом, квасом, серебряный кувшин с редкостным белым португальским вином — дар купцов воеводе, всевозможные закуски. Все расставлено на тканой с набойчатыми рисунками скатерти.

— По столу видать — богато живешь, воевода! — одобрительно заметил сотник.

— Какое ноне житье! — ответил Данила Дмитрич, кося хитрыми глазами куда-то в угол. — На кормлении пробавляемся, скудно. Не прежние времена. Вот государевы наместники — те жили куда противу нас богаче!

— Ноне што-то бояре в наместники в ваши края боле не просят, — сказал Петрищев. — Али сии края зело оскудели?

— Оскудели, сотник! Ой, как оскудели. На торге окромя гошей говядины да ободранных зайчишек, почитай, ничего боле и нѣту. А по осени привозят мне мужики тож не больно приглядный харч... Ну, кушай гостенек, што бог послал! — воевода налил в кубки.

Обильно угощая сотника, Данила Дмитрич нетерпеливо поглядывал в окошко. Воеводе надо было дозарезу съездить на посад по своим делам. Он сидел как на иголках, беспокоенно ерзая на стуле. Гость это заметил.

— Чегой-то ты, Дмитрич, все ерзаешь? Уж не положила ли голуба Ульяна тебе горячих угольев, а?

Ульяна всплеснула руками:

— Што ты! Такого и в мыслях не держу, штобы горячих угольев своему муженьку насыпать!

Воевода опрокинул стопу меда и решился сказать прямо:

— Надо бы мне, дорогой гостенек, оставить тебя на время малое, отлучиться на посад по торговым делам.

— Ну, ежели так, то... — гость повел оком на хозяйку, — торговые дела промашки не терпят. Они яко железо в горне: перегорит — плохо, и недокалится — тож не ладно. Знаю, сам в Москве в суконном ряду лавчонку держу.

— На обратный путь для твоих стрельцов я сготовил все, што потребно.

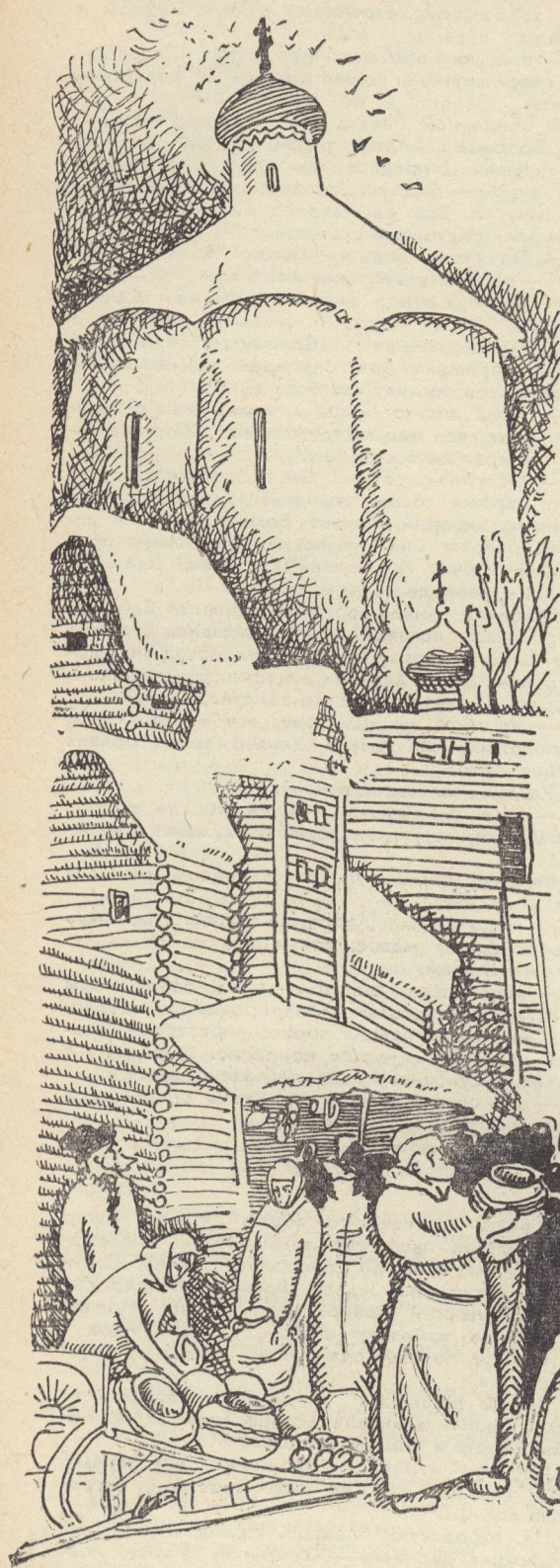
— Добро, добро!

Метель на какое-то время затихла. Ветер налетал лишь порывами. Ульяна выбежала на крыльцо, проводить мужа. Санки кресла давно уже ждали. Воевода тяжело сел на разостланный поверх сена ковер. Молчан на облучке взмахнул кнутом, Ефимко Киса с плеткой за поясом едва успел вскочить сзади на полозья.

Ульяна вернулась в дом, поеживаясь от стужи. Данила Дмитрич вскоре миновал крепостные ворота и помчал к торгу.

Сугробы курились дымными вихорьками, будто по ним, взметая пыль хвостами, бегали белые лисицы.

На городскую площадь прибыли подводы из ближних деревень — Калитинки, Гужова, Ловзанги, Надпорожья, Залесья. Андомские гонча-

ры выгружали из розвальней на утоптаный снег горшки, крынки, латки, масляники, цветочки. Подходили посадские хозяйки, смотрели товар, пробовали его на звон. Толстая старуха в овчинной шубе, с головой, закутанной черным полушалком, взяла на ладонь горшок, кознями постучала по его каленому боку, прислушалась: дребезжит или нет?

Баба в шубе-пятишовке разложила на рядне глиняные игрушки. Утушки, медвежата, коровушки — детишкам утеха. Возле бабы толпились замурзанные, посиневшие от холода посадские ребятенки, просили подудеть в утушки-свистульки. Товар у бабы шел не ходко: у покупателей в карманах — ветер. Она поглядывала только, чтобы игрушки не растащили.

Но вот подошла купчиха Серебряна — тощая, длинная, в лисьей шубе до пят и кашемировой цветастой шали. За руку она вела купеческого наследника лет семи от роду. У наследника румяные щеки, нос пуговкой, глазенки глуповатые, но живые. Белая шубка на нем, расписные катанки и лисья, как у стрелецкого сотника, шапка. Купчиха сказала:

— Выбирай, дитятко, што те по душе!

Мальчишка стал вертеть игрушки в руках, рассовывать их по карманам. Торговка угодливо подсовывала ему то медвежонка, то пастушонка с рожком. Набив карманы игрушками, наследник ухватился за материнскую шубу, опасно косясь на посадских детей. Купчиха отсчитала торговке деньги и ушла, бережно охраняя свое дитище.

Старик-бондарь степенно похаживал вокруг ушатов, треногов, колодезных черпал, схваченных железными обручами. По соседству с ним ловзангский мастер немало места занял полосьями розвальней, расписными дугами с кольцами для бубенцов, а подслеповатый старикашка-гузовец с поделками из сосновой драни — коробами, бураками, полубурачами — расположился на виду у всех, посередке базара. Но и его

товар шел плохо. Покупатели больше тянулись к хлебному ряду, где торговали ячменем, овсом, толокном, мукой, редькой, сушеной и пареной брюквой.

Людно было у рыбного ряда, где на прилавках груды лежали мороженные налимы да сига, а в плетеных коробах — тихмангский сушик да лекшмозерские ряпусы.

За всеми этими товарами расположились возы с говядиной, зайчатиной, битой дичью, домашней птицей. Мухортые мужицкие лошаденки обиндевели от хвоста до ушей.

Крестьянин из Гужова разрубал топором мерзлую коровью тушу. К нему подошел посадский в тулупе. Он был навеселе. Громко крикнул:

— Своей ли смертью умерла животина?

Из-за спины гужовца вывернулась бойкая женка в суконном полукафтаны:

— Чирей те на язык!.. Растелиться не могла коровушка. Прирезать пришлось!

— То-то и видно, што не могла. Синяя вся, как у дьячка Мигуева носина! — отозвался посадский.

— Сам-от ты синий! Отойти, греховодник! Посмеиваясь, посадский отошел.

В гостином ряду, в низеньких лавчонках с откинутыми ставнями, купчишки торговали мукой, сукнами, белеными холстами, солью и постным маслом. В особом ларе ошевенские монахи продавали салные и восковые свечи, кипарисные афонские крестики, медные литые складни. К ним подходили посадские женки, монахи. Поверх теплых полушубков черницы надели долгополые монашеские одежды и оттого были толсты и неповоротливы.

А в соборе, что на берегу Онеги, шло богослужение. Там кончалась заутреня. В сизой дымке тускловатого дня ярим огнем светились стрельчатые, забранные решетками окна.

Воевода подкатил к рыночной площади под зычное гиканье Молчана: «Эге-ей! Дорогу!» Народ расступался, шарахался в стороны. Воевода молодцевато выскочил из саней и пошел по рядам, орлино поглядывая на народ, расправляя плечи под крытой сукном дорогой шубой. По пятам за ним следовал Ефимко Киса, угрю-

мый, бородатый, в лисьем треухе. Он поглядывал по сторонам, поигрывал ременной плеткой, как бы высматривая, кого бы вытянуть ей по спине. Нос у Кисы побелел, и он украдкой от воеводы тер его шерстяной варежкой. Воевода дал знак Молчану следовать с санями за ним, а потом для порядку закричал на весь торг:

— Расселись, как курицы-паруны! Сколь говорить вам, чтобы всяк знал свое место? Гончары: штоб в едном месте, бондари — в другом, а убоину везли бы подале, к гостиному двору, да рубили бы не на плахах, а на дубовых чурбаках!

— Да ить все едино, воевода, што тут — што там! — бойко заговорил щуплый сизолицый мужичонка с парой деревянных грабель, купленных про запас, к лету. — Только бы товару поболее!

— Было бы все едино, так ходил бы ты не в штанах, а в бабьем сарафане, — крикнул воевода. Мужичонка прыснул в рукав и скрылся в толпе. Грабли поплыли над головами людей с базара к кабаку.

Воевода пошел к саям с битыми зайцами. Хозяин успел незаметно прикрыть товар рядом, но Данила Дмитрич бесцеремонно откинул рядом и стал бросать в свои сани заячьи тушки, выбирая покрупнее да помястее. Хозяин, переступив с ноги на ногу, не утерпел:

— Будя, Данила Дмитрич! Оставь для торговлишки. Мне надоть деньжонок выручить, обувку робенку справить. Да женке шаль кашемирову купить — наказывала...

— Купишь! Добра у тя зайчатина. В другой раз привози, уважь воеводу! — ответил Кобелев, направляясь к мясникам.

Подойдя к мужику с бычьей тушей на розвальнях, он показал, как отрубить кусище побольше, пожирнее, с сахарной костью. Молчанко подхватил отрубленный кус, унес к саям. А Данила Дмитрич уж двинулся к возам с битыми тетерками, рябчиками да курами.

Из-за возов показался пьяный Петруха Обросимов, тот, что сидел в съезжей избе и получил тридцать ударов вполплети. На нем лапти с серыми суконными онучами, драный, подпаленный с левого боку полушубок. Шапку Петруха потерял, и длинные спутанные волосы его поседел от инея. Завидев воеводу, Петруха завопил с притворным восторгом:

— И-и-их, боярин-воевода! Друг ты мой сердешнай!

— Цыц, пьянчужка! Опять в съезжую захотел? То место, на котором сидишь, уж не болит? Поправилось?

— Малость зажило! А съезжая у тя, баят, занята! Сажать тепериче некуда!

Из-за спины воеводы выдвинулся Ефимко Киса:

— Берегись! А то попотчую тя с правого плеча!

— Берегусь! Береженого бог бережет! — крикнул Петруха и убежал в сторону. Там, приплясывая на снегу под хохот толпы, запел хриплой кабацкую песню:

Ах, береза ты, моя береза!..

Все мы пьяны, ты одна твереза...

Петруху дергали за рукава, допытывались:

— Кто в съезжей ноне сидит?

— Баят, ночью кого-то привезли?

— Из самой Москвы!

— Скажи, Петруха, ежели знаешь!

Петруха перестал скоморошничать. Он вроде бы потрезвел и, воровато оглянувшись, зашептал:

— Бунтовщика привезли. Против царя шел! А кто по имени — не ведаю...

И исчез в толпе.

Мужики сбились в кучу, зашептались.

Молчан старательно укрыл мешковиной воеводин припас и следом за хозяином двинулся к гостиному ряду, к лавке купца Воробьева, с которым Данила Дмитричу предстояло решить одно коммерческое дело.

Обиженные воеводой крестьяне роптали вслед:

— Тать денной...

— Обьедало, опивало!

— Горло широко, брюхо прожорливо!

— Наел шею-то на наших хлебах...

Однако роптали так, чтобы воевода не услышал, — боялись.

4.

Съезжий домишко занесло снегом чуть ли не до крыши. Метель скреблась в слюдяное оконце, кидалась к углам, к стрехе, просилась в тепло.

Узник с головой укрылся рядом, что бросили ему стрельцы, подмал под себя всю солому, какая была. Его по-прежнему лихорадило, и он силился согреться своим дыханием, укрывшись с головой.

Стрельцы в караулке гоготали, беззлобно ругались, играя в козны. Стучали кости-бабки, что-то тоненько позвякивало стеклянным звоном. Тайком от разводящего десятника караульщики распивали полуштоф водки, закусывали ржаным пирогом с рыбой. Аппетитно чавкали, поводя по-песью по сторонам бородами.

А вьюга выла тоскливо, безысходно и, будто замерзающий бродяга, теперь уже ломилась в двери. Но нет ей ходу в тепло, и от лютой злобы она ярилась на людей, все закидывая, залепляя снегом.

Временами ночь, сжалившись, насылала на узника дремоту, и он забывался. И видел тогда ковыльное, иссушенное полуденным солнцем Дикое поле.

Тусклое, будто расплавленное стекло, знойное небо, марево, дрожащее у окоема.

Слышался топот казачьих скакунов, от которого тяжело стонала земля. Трепался на ветру атаманский бунчук, сверкали булатные сабли. Рты всадников чернели в едином крике: «А-а-а!..»

Вот налетели на татарскую конницу, сошлись в отчаянном бою. Падали головы с плеч. Пронзительно ржали лошади с опустевшими седлами, отбегали прочь от побоища. В месиве людей и лошадей хрястали сабельные удары, слышались предсмертные вопли. Казачьи и крымские кони, осатанев, грызлились, чуя непримиримую вражду своих седоков.

Иван Исаевич наотмашь ударил кривой и быстрой, как молния, саблей по голому плечу татарина. У того бешмет разорван в клочья, смуглое тело лоснится от пота. Татарин молча повалился с седла, и тут же кто-то со страшной силой вырвал из седла и Болотникова.

Шею его намертво схватил татарский аркан.

Крымец поскакал прочь, волоча за конем Ивана. Тот потерял сознание. Очнулся лишь в татарском стане, в плену.

А где же побратимы-казаки? Опять отступили перед тысячной татарской ратью, усеяв Дикое поле трупами, умножив число вдов и сирот?

...Вонючий и душный трюм турецкой фелюги. Ивана продали в рабство в Стамбул. Гребцом-колодником на галере богатого купца плавал он под палящим солнцем из Стамбула в Трапезунд и Каир...

А после — военный корабль. Фелюги турок схватились в морском бою с немецкими парусниками. Болотников попал в плен к немцам. Те увезли его в Венецию. Оттуда удалось выбраться в Германию, а потом в Польшу.

Впереди — возвращение на родину. А кем вернется? Прежним беглым княжеским холопом? И что его там ждет? Нападут на след, схватят, закут в кандалы. Жди тогда княжеской «милости»!

Нет, уж если вернуться, то так, чтобы богат и властолюбец князь Телятевский, бывший его хозяин и владыка, затрепетал от страха, услышав имя Ивана.

Много беглых холопов скрывается на Руси по лесам да понизовым донским станицам. Собрать вместе — сила. Да если еще чернососные пахари, да посадские люди, да казаки!.. Пойдет с ними Иван гулять по боярским усадьбам белой злой метелью, ледена жестокие княжеские душонки. Отплатит за все сполна. Глядишь, одолеет рати Шуйского и даст народу хорошего царя, своего, мужицкого, справедливого...

Он видел: Русь ждет. Она — как омет соломы: кинь клоч зажженной пакли — обернется таким пожаром, что не потушишь!

...Стучат костяшками сторожа, резвясь, как дети малые. Чуть захмелели от выпитого тайно зелена вина.

Забылся в тягостном, бредовом сне узник. Мнится ему, что в небе над ним ярко палит южное солнце. Скрипят тяжелые весла в уключинах галеры, лается, помахивает бичом надсмотрщик, чернобородый мускулистый турок со злыми глазами с красными прожилками в белках. Нестерпимо блестят в солнечных бликах волны. Волны теплого опалово-зеленого моря...

А воеводе на узника наплевать. В хоромах у Кобелева пир горой. Не уймется гость и хозяин, пока не упрутся в усмерть. Данила Дмитрич угощал московского сотника от всей широкой души своей: «Знай наших, каргопольских! И мы — не последняя спица в государстве Российском! И каргопольский воевода ни в хлебосольстве, ни в удале не уступит всем прочим!»

Петрищев сидел в красном углу, под божницей с образами и медными складнями. На нем — просторная рубаха с затейливой рязанской вышивкой. Огненно-рыжая борода золотится при свете свечей в шандалах. Рукава сотник засучил до локтей, чтобы сподручней было доставать с блюд закуски.

По правую сторону сотника — хозяин, тоже по-домашнему, в рубахе белого полотна. Ульяна — веселая, румяная — в дальнем конце сто-

ла, напротив сотника. Не уставала подавать мужчинам то одно, то другое кушанье. Когда же Петрищев испробовал, кажется, все, что было на столе, и почувствовал немалую тяжесть в животе, взгляд его упал на штоф зеленого стекла, наполненный чем-то непонятным.

— Што сие, хозяйюшка? — спросил он, указав на штоф.

— А сие рыжики. Неужто я тебя, гостенек дорогой, и не попотчевала ими? Ох, растапа! Забывчива стала.

Она торопливо схватила штоф и стала его трясти над глиняной глазированной тарелкой. Из горлышка посыпались мелкие, словно пугови, и красные, как сотникова борода, рыжики.

Сотник потянулся вилкой к тарелке. Хозяин удержал его:

— Рыжички, дорогой гостенек, идут только с чаркой, и не с малой, а большой. Нуко-ся!

У воеводы, когда выпили, занялся дух, и он поспешил хлебнуть квасу. А гость, отведав рыжиков, помотал от удовольствия головой, придвинул тарелку к самому носу и набросился на каргопольское лесное диво. И после мясного, рыбного, медовых пряников да масленых колобов пошли у него без задержки в утробу и рыжики. Сотник ел и жмурился от удовольствия:

— Мм-м-м... вот так харч! Вот так скус! На Москве не едал таких!

— Такие только в наших сосняках после дождя вылупливаются, — певуче тянула хозяйка, щуря, словно сытая кошка, хмельные глаза на гостя.

Воевода обернулся к двери, хлопнул в ладоши. Появился заспанный Молчан. Данила Дмитрич подал ему чару вина, кусок пирога. Молчан выпил, крикнул.

— Кличь песельниц! — приказал воевода.

— А не поздно ли? Уж спят, поди, девки!

— Кличь. Буди всех!

Молчан ушел.

Хозяйка стправилась на кухню и велела Марфушке, сидевшей за прялкой, принести из подклета холодного квасу, а после вернулась к столу и полюбопытствовала:

— А ты, гостенек, женку имеешь ли? И есть ли робята?

— Есть и женка и робята, — ответил Петрищев. — Оженил меня батюшко рано, еще и осьмнадцати годков не было...

Петрищев икнул, погладил себя по тугому, как бубен, животу и посмотрел на хозяина. Тот чуть-чуть покачивался на стуле.

— Огруз маленько, — оправдывался воевода, заметив взгляд гостя. — Ништо, пройдет. Холодного кваску изопью — пройдет.

— Хочу молвить тебе слово тайное, — признался сотник в приливе пьяной откровенности. Воевода махнул рукой жене:

— Поди, изладь постели.

Ульяна ушла. Воевода придвинулся вплотную к гостю, приготовился слушать.

Ш-ш-ш — шуршали на улице сухие снега. Перекати-полем метались они в потемках над стылой землей. Наружный караул возле съезжей не выдержал, покинул на какое-то время пост. Неуклюжие в овчинных тулупах, стрельцы забрели в сенцы, в заветерье. Тут потише.

На воротней башне стоял опять Косой. В слуховое оконце врвался ветер со снегом, ко-

торым залеплял стрелцу глаза, леденил щеки. Косому надоело вглядываться во тьму. Ворота заперты крепко-накрепко, вокруг стен ни единой живой души. Стрелец поднял клок пакли и заткнул им окно. Стало темно, как в чулане, и тихо. Косой сел было на чурбан вздремнуть, но пакля вылетела из оконца, будто кто ее вытолкнул. Следом ворвался снежный клубок, ударил в лицо. У Косого занялся дух. Чертыхаясь, он нашарил под ногами затычку и стал снова заделывать оконце. Успокоился, сел в обнимку с бердышом. «Хорошо теперича дома,— думал он.— Ониська, женка, и все пятеро чад забрались на теплую печь, укрылись шубными лопотинами и спят себе... А ты сиди тут, яко узник в темнице... Проклятая служба!»

Болотников очнулся, почувствовал, как оченеют руки и ноги, встал, сунул руки в рукава и заходил по коморе, звеня цепью. Стрелец, услышав шум, заглянул в окошко, посветил фонарем и встретился взглядом с узником. Тот смотрел не мигая, с неприязнью, хмуро. — Что не топите печь? Дров жалко?— спросил Болотников.

— А тута тебе не боярские палаты, шобы жарить печи,— стрелец попался сварливый, злой. Он и сам порядком зазяб, но возиться с печью ему было лень.— Звончей греми железами— теплей будет!

Иван Исаевич отвернулся, подумал: «Хоть бы соломы добавили! Проклятое отродье! Солому жалеют, или измыслили меня холодом сморить?»

Мерзко, знобко, голодно. Шумит в голове, все тело ломит. Болотников быстрее заходил по коморе, задвигал руками, запоев плечами. Кровь заструилась лучше, немного согрелся.

Что ждет его? Казнят? Бросят в монастырский застенок навечно?

Ничего не говорят.

Воевода молчит, только враждебно щурит свои нахальные глазищи. Московский сотник носа не кажет. Верно, уехал.

Здесь, по всему видать, долго не продержат. Либо увезут, упрячут подальше, либо... Иван Исаевич не мог примириться с мыслью о близкой смерти. Не то, чтобы боялся, нет! Не хотелось погибать в неволе. Душа тосковала по делу, по свободе. Пасть в ратном бою— святое дело. А так... зазря...

Может, завтра потащат к виселице либо на плаху... И никто не знает, что он здесь сидит. И он не знает, куда привезли, что это за место такое лютое, полуночное, выюжное... И стрельцы неповоротливы, языки суконны, мозги бараньи... Не то, что московские: те бойкие... Глушь, видно. Далекая, беспросветная глушь...

Как отсюда вырваться? Вернуться бы в леса под Рязань, собрать уцелевших друзей-товарищей. Скопить силы, оружие.

Один раз не удалось скинуть Шуйского— в другой попытать ратного счастья. Теперь он был бы поумнее. Опыт приходит с поражением... не только с победой.

Видней становится просчеты да промашки.

А были ли они? Из них ли дело? Может, еще не созрела Русь для того, чтобы скинуть боярское ярмо?

Снова вспоминается: летит он на белом коне Турке впереди тысячейкой своей рати на стрелецкие ряды, высланные царем под Кромь. Сле-

ва в обход идут, вырвавшись из леса, конники Илейки Муромца, справа— Истомы Пашкова. А позади бегут пешие воины— холопы, черносошные казаки, блестя тысячи копий, сабель, колышутся рогатины, вилы, самодельные пики, трезубцы, фузейные стволы...

Болотников врубился в стрелецкие ряды. Блестит острый хорезмский клинок, добытый в бою. Чувствует Иван Исаевич силу в себе неодолимо, крушит царевых приспешников.

Налетели конники войска Болотникова— и стрельцы дрогнули, смешались, рассыпались, показав спины.

Белый Турка мелькал после под Калугой, на вытопанных полях у реки Лопасни, подступал на нем Болотников к Москве. Она была уж близко, казалось, вот-вот ворвется его аргамак через ворота в Кремль...

И тут— измена. Прокопка Ляпунов да Истома Пашков почуяли силу на стороне царя, перекинулись к нему. И другие тульские да рязанские дворянщики стали посматривать в сторону.

Зачем тогда шли к нему? Хотели власти? Думали насолить Шуйскому? А потом спохватились, смекнули, что полетят их головы с плеч, и пошли к царю с повинной.

Их горстка, против всего войска Болотникова— капля в море-океане. А все ж таки... Измена— как червь, как змея ядовитая.

В ноябре на правом берегу Москвы-реки белый аргамак споткнулся, тяжелораненый в шею сабельным ударом, и Иван Исаевич пересел на каурого дончака. Вот тут-то Истома Пашков и повел свой отряд против Болотникова.

«Глупец!— корил себя в те дни Иван Исаевич.— Как ты мог надеяться на коварных дворяншек? Когда они держали свое слово? Да и в них ли сила, в них ли главная опора? Только простой народ не подведет, не выдаст!»

Почернел от недосыпания, от забот; сплотив поредевшее войско, снова кинул его в бой. Но пришлось отступить в Коломенское...

Как зерна на мельнице сыплются в постав днем и ночью, так и воспоминания текут бесконечной чередой. Многие передумал Иван Исаевич, шагая по коморе.

«Мало было сил, мало оружия. Войско не обучено. Готовиться к походу было некогда...»

Горько, тяжело. И ничем теперь дела не поправишь.

И все-таки он удивился могучей силе поставших. Как ураган, как мощная летняя гроза, потрясали они Русь, подминая под себя в начале похода царевы полки. Как близок он был к Москве!...

Может быть, потом кто-нибудь другой повторит, продолжит начатое им? Пускай сопутствует ему удача и ратное счастье!

И все-таки как-то бы выбраться на волю... Но как?

Петрищев, почти вплотную придвинувшись к воеводе, говорил внушительно:

— Вору Ивашке Болотникову должен быть скорый карачун. Разумеешь, Дмитрич?

Воевода молча кивнул.

— Государь-батьюшка Василий Иванович и допреж того хотел с ним свести счеты. Ведомо мне: позвал он лекаря, немца Фридриханда, и повелел ему тайно сего сермяжного бунтовщика зелием отравить, яко крысу амбарную. А немец тот, штоб ему леший все ребра переломал, свершить сие отказался и убог...

— Ах, немчура поганая! — вскинулся Данила Дмитрич. — Ах, ослушник! Четвертовать его мало!

— Да уж государь сослал его за ослушание в Сибирь. Пушай там, за Камнем¹ хорохорится середь медведей.

— И поделом!

— Тако вот...

— Ну, ежели кончать вора, то мы это в силах, — чуть заплетаясь языком говорил воевода. — Скажу слово Ефимку Кисе — и все. Хучь петлю на шею, да на осину, хучь нож под сердце, али голову под топор на плаху. Волю государю исполним не мешкая.

Марфушка в это время возвращалась из подклети со студеным шипучим квасом в кувшине. Приотворив дверь и услышав разговор, она затаилась: разбирало любопытство.

Илья Петрищев перешел на полусеппот:

— Петля, ножик — все лишне. Велено знаешь што с вором учинить? Глаза ему выколоть, штобы не зарился на цареву власть да добро боярское, а после — в прорубь. Живьем!

Воевода знобко передернул плечами. Марфушка обомлела и чуть не уронила тяжелый

кувшин. Набравшись смелости, она потянула на себя дверь. Та заскрипела. Воевода рывкнул:

— Кто тут?

— Это я, Марфушка, — пролепетала девушка. — Матушка боярыня Ульяна Петровна велела квасу холодного принести, дак вот он...

— Ставь на стол и убирайся! Не ко времени и не к месту шляешься тут!

Марфушка поставила квас и исчезла, как мышь. Воевода проверил, плотно ли заперта дверь, и сел на место. Из покоев вышла хозяйка. Медоточивым голосом, улыбаясь, сказала:

— Все излажено, муженек. И сennую девку не будила, сама взбила перины. Што дале велишь?

— Сядь! Налей нам португальского, заморского.

А потом Молчан привел песельниц — стрелецких женок да дочерей, живших в крепостце. Женщины были заспанны, недовольны тем, что их подняли с постелей в такую глухую пору. Однако, боясь перечить воеводе, стали полукругом в обеденной палате. Шуршали сарафаны, блестя кокошники да перевязки, унизанные бисером. Воевода, оборотаясь к ним, сказал:

— Потешьте, голубы, гостенька мово! Спойте ему про добра молодца! Да позвончей! Чаркой не обойду, серебром не обделю!

¹ Камень, Каменный пояс — Уральские горы.

Песельницы переглянулись. Из ряда вышла невысокая, толстая Онисска — жена Косого. Нос едва виден между круглых румяных щек, глаза голубые, большие, блестят под светлыми бровями.

Она и запела:

Вдоль по улице молодец идет,
Вдоль да по широкой удаля голова...

Хор подхватил голосами разной высоты:

На молодце синь кафтан,
Опоясочка-та шелковая,
На ём шапотка-то бархатная,
Опушечка черного соболя...

Песельниц отпустили лишь под утро, угостив пивом и медом и дав по серебрушке. Данила Дмитрич, отяжелев, прилег на лавку, застланную ковром, да тут и уснул. Ульяна сунула ему под голову подушку, накрыла шубой. Московский же гость едва не на карачках добрался до горницы и плюхнулся, не раздеваясь, на широкую кровать, на перину.

5.

Марфушка ощупью поднялась по приступкам на печь, где похрапывала стряпуха Прасковья. Девушка улеглась рядом, почувствовала приятное тепло горячих кирпичей, согрелась. Но в душе было знобко и жутко от слов московского гостя.

«Неужто узнику очи выколют и — в про рубь?.. Не жалко им будет учинить такое с человеком?» — думала она.

Долго ворочалась Марфушка на печи, уснуть не могла почти до рассвета. А на рассвете ее кто-то потряс за плечо. Открыла глаза — перед ней Молчан.

— Встань, Марфушка, божий дар! Приди ко мне, я те работу дам.

Молчан ушел. Марфушка сошла с печи, достала из закута теплые катанки, обулась, плеснула в лицо холодной водицы, заплела косу и прошла в коморку Молчана. Тот сказал:

— Возьмешь ведро с горячей водой, вехоть и пойдем со мной.

— Куда? — спросила девушка.

— Полы мыть в съезжей.

— Тамотка никогда не мыли полов!

— Велено! Ноне праздник — сретенье. Пресветлый день: зима с весной здороваются. Вот и велел воевода всюду порядок наводить с утра пораньше. И в доме мытье, и в конюшне чистка, и в овчарне... ну, и в съезжей тоже. Собирайся, не мешкая!

Долго ли Марфушке собираться? Наполнив деревянное ведро теплой водой из корчаги, стоявшей всю ночь в печи, взяла вехоть из сухой травы-осоки, голик и пошла следом за Молчаном. Тот нес в бурчанке речной песок-дресву.

Сретенье! Всегда в этот день бывает солнечно и весело. На улице у лужиц гомонят воробьи, по крыше крадутся коты, принюхиваясь к талому снегу, жмурясь от солнца. Но в этот год все иначе. На улице вьюжит, птицы куда-то попрятались, котов не видно — греют бока о кирпичи на печках в избах. Люди не вылезают из тулупов и полушубков.

Пробираться в дальний угол крепостцы, да

еще с ведром, было нелегко. Марфушка старалась ступать за Молчаном след в след, и все же набрала в катанки снегу. Сарафанишко пузырился от ветра. Однако добрались до съезжей благополучно.

В караулке на лавке дремали два стрельца. Свеча оплыла, фитиль коптил. Молчан, послушав палец, снял нагар, что-то шепнул стрельцам, те засуетились. Зажгли слюдяной фонарь, убрали со стола судки из-под еды, хлебные корки. Один из стрельцов отодвинул засов и, отворив дверь в комору, приказал:

— Выходи!

Узник неторопливо поднялся, спросил:

— Куда поведешь, стрелец?

— Не дале порога. Вымыть пол велено!

Узник удивленно приподнял бровь, вышел в караулку, гремя цепью. Другой стрелец с саблей наголо стал у выхода. Болотникову велели сесть на лавку, он сел и не без любопытства посмотрел на поломойку — юную девушку с большими испуганными глазами. Она украдкой тоже взглянула на узника и удивилась его тонкому белому лицу, ясному взору, доброй усмешке. Подумала: «Господи! Ничегошеньки-то он не ведает! Ведь эти глазыньки собираются выколоть! За што такая мука?»

Марфушка отвела взгляд, подняла ведро и вошла в комору. Молчан сгреб в охапку прелую солому, выбросил ее на улицу.

Девушка подметала пол березовым голиком и думала, что этот узник никак не похож ни на татя, ни на пьянчужку. И когда выносила мусор, то еще раз посмотрела на него, а он обдал ее теплом грустных и лучистых глаз, будто отец. И часто-часто забило сердце у девки-сироты, одинокой горюхи.

А потом, гоняя воду по шершавому полу, она плакала. Плакала горькими слезами от жалости к этому человеку. Иногда, распрямившись, утирала украдкой слезы рукавом, но как только наклонялась, они опять застилали ей глаза, и она плохо видела, где уже помыто, а где еще нет. Собравшись с силами, она перестала плакать и злым голосом крикнула стрельцам:

— Принесите еще воды! А эту вылейте!

Но стрельцам отлучаться было нельзя, и за водой к колодцу пошел Молчан. Марфушка вымыла пол; натерев его дресвой, притащила с улицы дров, затопила печь, укорив стрельцов:

— Лень вам топить, жидкобородые!

Молчан приволок в комору охапку свежей соломы. Стрельцы ввели узника и закрыли за ним дверь на засов. Узник выглянул в решетчатое окошко в двери, сказал Марфушке:

— Спасибо тебе, девица!

Стрелец захлопнул ставенек оконца и крикнул в сердцах:

— Разговаривать не велено!

— Пойдем, божий дар! Полы вымыла добро. Получишь за работу обновку!

И уже на улице, когда пробирались по тропке к воеводским хоромам, он наказал:

— О том, што ты была в съезжей и што там видела — молчи! А то воевода язык те вырвет!

Марфушка, вернувшись на кухню, залезла на печь и долго лежала неподвижно, глядя на закопченный потолок, по которому пробежали

тараканы. Стряпуха Прасковья тоже собиралась мыть пол на кухне. Марфушка решила немного отогреться, а потом пособить ей.

Ей было жалко узника. Она думала, как ему помочь, и ничего не могла придумать.

В тот день в съезжей хорошо натопили печь. Болотников удивился тому, что ни с того, ни с сего тут вздумали наводить порядок. Приход девчонки и мытье пола внесли какое-то разнообразие в томительное житье узника. «К чему бы это стрелецкие вороны вздумали заботиться о порядке? — размышлял Иван Исаевич. — Может, ждут знатного гостя, а может, завтра большой праздник?» Он плохо знал праздники и не мог вспомнить ни одного. Да и счет дням давно потерял. Все они были до отращения однообразны. Смена света тьмой и тьмы светом под улюлюканье вьюги...

Он выждал, пока солома нагреется, лег и закрыл глаза. Вскоре принесли еду. На этот раз к воде и хлебу добавили две ржаных шаньги, испеченных на конопляном масле. Болотников не притронулся к еде. Он неподвижно лежал в своем углу до вечера.

Метель за стеной по-прежнему шебаршила сухим снегом. Сменился караул. Новый стрелец заглянул в окошко: на месте ли узник? Стрельцы поговорили промеж собой, посмеялись, и опять стало тихо. Болотников явственно различал посвист ветра на улице, неторопливые шаги наружной охраны.

Тягостное, недоброе предчувствие с утра не покидало узника, щемило душу. Иван Исаевич немного отлежался, стало ему лучше. Очень хотелось снять кандалы, разуться, дать отдых ногам — с самой Москвы не переобувался. Он попробовал оковы, мертвой хваткой сжимавшие ноги у шиколоток, помрачнел и в приступе ярости стиснул зубы, лег ничком на солому.

В караулке послышался шум, разговоры. Дверь в комнату приоткрылась и вошел саженого роста мужик. Он опустил на пол мешок, в котором звякнуло железо. Следом другой внес небольшую походную наковальню. У дверей с плетью стал Ефимко Киса.

Мужик, что внес мешок, вытащил из него тяжелую толстую цепь с массивными оковами, изогнутыми будто на медведя.

— Ну-ко, подымись, человек! — сказал мужик. — Велено перековать тебя!

Болотников встал, прислонился к стене, с ненавистью глядя на мужика и на новые кандалы, которые по виду были много тяжелее старых.

— Бойтесь, што убегу?

— Не перечь. Воевода наказал перековать, — повторил мужик.

— Делай што велят! — прикрикнул Киса, зло блеснув глазами.

Болотников молча стоял. Киса отошел от двери. В комнату ввалилось двое широкоплечих молодцов в одних холщовых рубахах. Они проворно схватили узника, положили на пол. Он повел было плечами, но руки ему заломили, связали. Суставы хрустнули. Кузнец принялся за дело. Снял старые кандалы и, ловко орудуя молотом, набил новые. Потом сложил инструмент и старые оковы в мешок, сказал:

— Носи на здоровье! Век не сносятся. Обнова — што надо!

Кузнец, его подручный и Киса ушли. Молодцы в холщовых рубахах развязали узнику руки

и тоже вышли, беспокойно оглядываясь. Снова загремел засов. Иван Исаевич сидел на охапке соломы темнее тучи, весь охваченный колючей бессильной злобой.

Поздно вечером в съезжую пришли Ефимко Киса, пятеро стрельцов, воевода и сотник. Воевода и Петрищев пошатывались, от них пахло вином. Данила Дмитрич сам отодвинул засов и дал знак Кисе и стрельцам войти в комнату.

Болотников почуял недоброе, хотел вскочить на ноги, но не успел: навалились стрельцы. Он все-таки изловчился, сунул одному кулаком в челюсть. Стрелец лякнул зубами и упал к ногам воеводы.

— Руки, руки ему вяжите! — крикнул воевода.

Ему скрутили руки за спиной, придавили к полу плечи, ноги, голову — не шелохнешься. Кружка с водой опрокинулась, на хлеб кто-то наступил ногой...

— Добро! — сказал воевода. Фонарь в его руке покачивался. Из караулки в окошко заглядывал сотник.

— Что удумал, воевода? Какое злодейство? — хрипя выдохнул Болотников, все еще делая попытки освободиться. Ему зажали рот. На грудь навалился Киса, ощерившись злобно, по собачьему. Иван Исаевич увидел в руках Ефимки лезвие небольшого, узкого ножа, инстинктивно закрыл глаза. Но палач пальцами разомкнул ему веки...

— А-а-а! — прозвучал под низким закопченным потолком съезжей жуткий крик узника.

В тон ему с улицы отозвалась вьюга:

— У-у-у!..

Тяжело дышали стрельцы, стараясь не глядеть на лицо узника. Слово заганнанный волк озираясь Киса, и руки его дрожали. Воевода торопливо выбежал из комнаты. Следом за ним поспешили стрельцы и палач. Один стрелец придерживал рукой разбитую челюсть. Из рта у него сочилась кровь.

Все ушли. В съезжей остались только двое караульных — пожилой стрелец Иван и молодой — Яшка. Они посмотрели друг на друга и перекрестились. Иван шепнул:

— Господи, какая мука...

Яшка молчал. Он встал с лавки и опасливо посмотрел в окошко. Узник лежал навзничь, тяжело дышал. Яшка отошел от окна и шепнул.

— Жалко его...

— Жалко, — вздохнул Иван. — Все же человек, божья тварь.

— Силища у него — железная! Не стонет. Единный только раз крикнул.

— Такие стонать не обучены... Они, брат, все могут перенести, — тихо говорил Иван. — А дай-ко, поднесем ему водчонки! Все легче станет, ежели выпьет.

— Што ты! Убьет!

— Не убьет. Он ведь слепой. И руки связаны. Да и, поди, в чувство еще не пришел.

— Видал, как Тихона треснул? Верно, ни единого зуба во рту не осталось.

— Ничего. Поймет, что не худо делаем ему. Иван прислушался, запер дверь в сени на запор, вынул из-за пазухи полуштоф, оловянную чару и пошел к узнику. Яшка — за ним.

При свете фонаря оба разглядели на лице узника два темных пятна вместо глаз. По вискам струилась кровь.

— Ну, мастера заплечные, што дале будете делать? — глухо с ненавистью выдавил из себя узник.

— А развяжем тебе руки, чтобы легче было. Все ушли, остались только мы, караульщики. Зла тебе не учиним. Только ты не дерись, не все стрельцы одинаковы. Не всех бить можно. Не будешь драться? Водочки мы тебе нальем. Выпей — полегшает.

— Ладно, развязывайте руки... — сказал Болотников.

Он повернулся к ним спиной, и Яшка ножом перерезал веревку. Узник сел, чуть раскачиваясь, дыша трудно, с хрипением:

— Нет ли тряпицы какой?

Иван пошарил по карманам, потом выдернул подол своей нижней холщовой рубахи, отдрал от нее лоскут, подал узнику. Тот стал утирать кровь на лице, стараясь не затронуть пустых глазниц. Стрельцы с содроганием отвернулись.

Иван налил водки в оловянный стаканчик:

— Возьми чару, выпей!

— Что? — крикнул узник. — Зелье? Отрава?

— Да нет, господи спаси! Водка!

Узник помолчал, а потом протянул руку:

— Ладно, давай!

Он выпил водку, уронил пустую чарку на пол и лег. Немного погодя, заговорил глухо:

— Чую, вы люди не худые. Не всю душу

растёрjali на заплечных делах... Откроюсь вам, скажу вот што, — он с усилием приподнялся на локте, повернул к ним обезображенное лицо. — Передайте народу, што я — Болотников Иван... Исаевич, нахожусь тут. А пошто нахожусь — царю враг. Шел за правду народную, супротив его да бояр. Было у меня в прошлом году войско немалое из простых людей. Хотел воли для всех добиться. — Он повысил голос. — Думку имел сделать так, чтобы народу жилось лучше. Да вот... Пересилили меня бояре с царем. Схватили, пытали, сюда привезли... и глаза... глаза выкололи... Боятся, видно, моего взгляда. Все боятся! И царь, и воевода ваш, и московский сотник, што меня сюда вез... И в оковах я для них страшен!

Он опять лег навзничь — сидеть тяжело.

— И до сих пор не ведаю, как место, где нахожусь, зовется.

— Каргополь! — тихо сказал Яшка. — Город Каргополь, на Онеге-реке!

— А! Слыхивал... Спасибо, што сказал. А людям всем передайте, што я и перед смертью о них буду думать. О простом русском мужике, холопе, пахаре... Пушай не забывают меня.

Он умолк. Яшка, стоя на коленях на холодном полу, сказал узнику с дрожью в голосе:

— Передадим все, што ты просишь. Народ будет знать о тебе.

Стрельцы подобрали чару, обрывки веревки и поспешно вышли. Откинули запор на двери в караулке, закрыли ставеньком окошко в комору и стали шептаться.

— Видал? — сказал Иван Яшке. — Большой человек!

— Большой. Запомнить имя надо. — Яшка тихо повторил: — Болотников Иван Исаевич... Иван... Болотников. За народ шел... Всем буду рассказывать о том!

— Всем нельзя. Надо с выбором. Надо знать, кому можно открыть тайну, — предостерег Иван.

— И то верно. С выбором. Тем, кому доверять можно, — согласился Яшка.

Оба долго молчали. Со свечного огарка на стол капало растопленное сало. За стеной ворочалась метель. Иван зябко передернул плечами:

— Ему станет легче от вина.

— Только на малое время...

— А воевода велел нам всем молчать! Ко кресту подводил, клятву давали... — в раздумье проговорил Иван.

— Правду не утаишь. Все равно народ слухом пользуется. В прошлый понедельник на торге уж говорили об узнике.

— Да, брат, — вздохнул Иван. — Правда всяку дверь отворит и наружу выйдет. Она, брат, суда не боится. И не зря говорит народ, што доброе дело — правду говорить смело!

6.

Воевода и сотник по заметенной свежим снегом тропе пробирались к хоромам. Молчали. На душе у обоих было неловко. Придя домой, скинув шубы, сразу сели за стол. Захмелев от выпитого вина, взбодрились. Воевода сказал:

— Ну и задал ты мне работенку, сотник! Век буду помнить. Бывало — казнил воров, сек виноватых людишек. Но такое — не приведи господи. Страшно!..

— Государеву изменнику и поделом! Жалеть его нечего. А воеводе слюни распускать не к лицу. Али ты не муж?

— Муж-то муж, а все-таки...

— А ведомо тебе, воевода, как Ивашко Болотников дворян казнил? Ведомо, как над знатными людьми надругивался? Одних велел утопить, других вез в Путивль для казни, иных велел сечь плетьюми, а опосля полуживых с позором отправлял в Москву. А сколь велику смуту учинил по градам и весям!..

— Зло он учинил великое, верно, — согласился воевода, опасаясь продолжать разговор на щекотливую тему. — Скорей бы с ним кончать все...

— Погодим. Пушай помучается, — сухо вымолвил Петрищев. — Пушай ему глазницы огнем пожжет!

— Лют ты, сотник, да, видно, служба у ты такая...

— Государева служба! Пасти надо царский трон от лихих людей. Они люты, а мы лютей! Иначе нельзя.

Вскоре воевода уснул за столом. Сотник сидел на лавке, раскачиваясь и что-то бубня себе под нос. Из покоев вышла хозяйка, заспанная, небрежно одетая. Волосы кое-как схвачены гребнем. Сонно щурясь, она подошла к мужу, стала его расталкивать, но бесполезно: Данила Дмитрич не поднимал головы. Хозяйка махнула рукой и посмотрела на сотника. Тот, не вставая из-за стола, потянулся к ней, хотел что-то сказать. Ульяна поспешно удалилась в покои.

Марфушка видела сон — узник в железах встает с лавки и, ласково улыбаясь, говорит приветливо:

— Спасибо тебе, девица!.. Хорошо ль живешь?

Он еще молодой, высокий, красивый, такой, каких она раньше не видывала.

— А житье на житье не приходится...

Но тут из-за его спины неслышной тенью выдвигается Ефимко Киса и медленно поднимает плетль. Марфушке стало страшно. Она закричала во сне, а потом почувствовала, что кто-то будит ее, тянет за руку.

Проснулась. Перед иконой тускло горела лампада, и в ее бледном рассеянном свете де-вушка разглядела бородатое лицо Петрищева. Дыша противным винным запахом, он шептал:

— Сойди, голуба, с печи... хочу приласкать ты! Одарю богато!

Марфушка с перепугу сильно ударила ногой в ненавистное бородатое лицо. Сотник отшатнулся, остановился посреди кухни, размазывая по лицу кровь из носа. А Марфушка, как ящерица, соскользнула с печи, надела валенки, накинула полушубок и — на улицу.

Темно, метельно... Ветер принялся люто трепать Марфушкины волосы, полушубок, пронизывал до костей. Марфушка остановилась: «Куда бежать-то?» Беспокойно оглянувшись на дверь воеводского дома и мимо приказной избы, мимо стрелецких халуп побежала к избе Косого. Жена стрельца Онисья относилась к девушке хорошо, жалостливо и теперь, наверное, приютит, спрячет от воеводина гостя. И тут же Марфушка подумала: «А вдруг гость пожалуется воеводе? Тогда высекут. Но нет, жалиться он вряд ли станет. Стыдно будет: пришел к девке ночью, а она его ногой в хер!»

Марфушка еле достучалась. Заспанная Онисья всплеснула руками и увела ее в теплую избу.

...Сотник не сразу пришел в себя, а опомнившись, подошел к умывальнику и стал примачивать водой вспухший нос. Нашел утиральник, которым пользовалась Прасковья после мытья рук, и утер лицо. Кровь из носа перестала течь. Тихонько открыв дверь в покои, Петрищев пошел в горницу спать.

Полный мрак.. И боль. Сильная, мучительная. Всего ожидал Болотников от царевых холоуев, только не такого надругательства.

Если даже они сохраняют ему жизнь, зачем она ему теперь? Слепому неизмеримо труднее, чем зрячему, вырваться на свободу. А и вырвется, так куда? На паперть, униженно просить милостыню, обращая к людям изуродованное лицо?

Всю ночь он лежал на спине, стараясь не шевелиться, чтобы не усилилась боль. О приходе утра возвестила смена караульных. Стрельцы поговорили, пошумели и успокоились.

Далеко за стенами съезжей в посвист вьюги вплелись крики петухов.

И все-таки надо жить. Вырваться на волю, пойти к народу... И безглазый он должен принести ему пользу. Надо звать к борьбе, к смертной схватке с боярами и царем!..

В полдень стрелец принес ему обед — глиняную чашку со щами, хлеб, шкалик вина. Поставил все это на пол и сказал;

— Тута шти и шкалик. Не пролей!
 — Сгинь! — в сердцах сказал Болотников.
 Стрелец укоризненно покачал головой:
 — Безглазый, а гордец.
 — Пошел вон! — узник приподнялся. Он был готов броситься на караульного. Тот быстро выскочил из коморы.

А перед вечером к нему явился невысокий сухонький поп крепостной церквушки. Он стал перед узником и, подняв перед собою тяжелый серебряный крест, сказал увещательно:

— Раб божий Иване! Господь послал меня ноне к тебе: покорися царю, воздай кесарева — кесареви...

— Не покорюсь! — упрямо ответил узник.

— Отринь гордыню... покайся в грехах пред ликом всевышнего, и простит он тебе прегрешения твои...

— Мне каяться не в чем. Жил правдой. Совесть моя чиста перед народом!

— Правда едина есть у всевышнего токмо, — возразил поп.

— Правда живет в народе!

— Народ многолик и неразумен. Едина правда — у господа! Покайся, узник!

Болотников нетерпеливо махнул рукой:

— Оставь меня, отче!

Поп потоптался, опустил крест и вышел.

Воевода приказал Молчану прислать к нему Марфушку. Молчан на розыски отправил Прасковью. Накинув кацавейку и полушало, стряпуха скорой рысцой пошла к Ониське, думая, что Марфушка может быть только там.

Узнав, что ее кличет воевода, Марфушка перепугалась и сначала не хотела идти, порывалась убежать на посад, к знакомому скорняку.

— Куды побежишь? — увещевала Прасковья. — Ворота-то заперты! Поди к воеводе, он те худо не учинит.

Не без страха и душевного трепета вошла Марфушка в покои Даниила Дмитрича. Воевода сидел за столом, покрытым набойчатой скатертью. Позади, у окошка, расписанного морозом, скрестив руки на груди и набычившись, стоял гость. Марфушка и взглянуть на него не смела.

— Полы в съезжей мыла? — спросил воевода.

— Мыла.

— Узника зрела?

— Зрела. Пригладен ликом и, видать, добрый...

— Дура! — воевода гневно стукнул кулаком по столу. — Может ли быть добер и пригладен вор? Вовсе разума лишилась девка! — Данила Дмитрич обернулся к сотнику. Тот промычал:

— М-м-да-а-а...

— Дак вот, — вновь обратился воевода к Марфушке. — Штобы о съезжей никому ни слова, и об узнике тож. Иначе — подолишко задержу и запорю до смерти! Уразумела?

— Уразумела.

— Смотри, толстопятая! — ухмыльнулся сотник. — Язык вырвем!

— Никому не буду баить. Все поняла, — облегченно вздохнула Марфушка.

7.

Вьюга, наконец, утихла. Видно, иссякли запасы ветра и снега у зимы. К ночи открылось глубокое темное небо без единого облачка. Из-за лукович собора всплыла луна,

и все кругом ожило, засеребрилось, замерцало. В башне сквозь смотровое окошко пятно лунного света легло на стену, на плечо дежурного стрельца. Зеленовато-голубыми блестками вспыхивали снега. Под ногами караульчиков, расхаживавших вокруг съезжей, снег повизгивал пронзительно звонко.

Морозило.

Болотников проснулся от гулкого удара в стену — треснуло на морозе бревно в срубе. Где-то неподалеку заржал конь, заскрипели по снегу полозья, послышались голоса. Они приближались к съезжей. Захлопала дверь, в караулку входили люди.

«За мной пришли!» — подумал Иван Исаевич.

И в самом деле, засов заскрежетал, дверь в комору распахнулась, и Болотников услышал голос воеводы:

— Вставай, Ивашко! Собираться в дорогу пришло время!

Иван Исаевич молча приподнялся на соломе. Голова закружилась, сердце будто оторвалось. Подскочили стрельцы, взяв под руки, помогли

подняться. Скрутили за спиной руки, нахлобучили шапку и повели. Кандалы были так тяжелы, что узник с трудом двигал ногами. Цепи не звенели, а только тяжко бухали.

Дюжие стрельцы быстро доставили Болотникова к розвальням, стоявшим у крыльца, положили на ворох соломы, укрыли попоной. Сами сели по бокам, подняли воротники кафтанов. Ефимко Киса, сидевший в передке саней, взялся за вожжи. Тройка лошадей нетерпеливо рыла копытами слежавшийся снег.

Позади — другие сани-кресла. В них — воевода, сотник и Молчан. Вороной жеребец косил глазом на седоков.

— Трогай! — негромко сказал воевода.

Киса дернул вожжи. Тройка рванула и понеслась. Караульный стрелец заранее отворил ворота. Проводив обоз, он запер их и, поспешив на башню, прильнул к смотровому окошку. Внизу, по дороге, двумя темными пятнами скользили сани, с боков бежали плотные тени. При луне посверкивали бердыши стражей. Вот сани скрылись за посадскими избушками, а потом показались уже на просторной равнине, на реке.

Яшке велели к полуночи выбить во льду прорубь. Зачем — не сказали. С вечера он долбил и долбил пешней толстый лед, а потом, поставив веху — срубленную молодую елку, бросил пешню и сел на сугроб снега, хлопав по нему лопатой, чтобы был плотнее. Зачем ему стрелецкий десятник велел вырубить по льду тут, вдали от крепости? Не пойдут же сюда бабы полоскать белье! Яшка задумался. Он вспомнил об узнике — Иване Болотникове — и смутная, неясная догадка мелькнула в голове. Может быть, это приготовлено для того, чтобы кинуть в воду узника? Неужели так?.. Яшка встал, походил вокруг по льду, чтобы утоптать снег, потом взялся за лопату, стал, как ему велели, расчищать площадку от льда и снега.

Тревожные мысли не давали ему покоя...

Иван Исаевич лежал под попоной. Куда же его везут? Куда? Он высвободил голову и спросил стрельцов:

— Куда везете?

Стрельцы молчали. Иван Исаевич снова спрятав лицо от мороза и уже больше ничего не спрашивал.

Поехали тише. Лошади проваливались в снег, сани на сугробах мотались из стороны в сторону, а потом и вовсе остановились.

Далеко позади виднелись башни крепостцы. На правом берегу Онеги стеной темнел ельник, на левом — пустынные заснеженные поля. И над всем этим — луна в окружении отчетливо видимых звезд. Одна звезда, яркая, крупная, мерцала, как живая, над головами приехавших.

Иван Исаевич ничего этого не видел. Сомкнула над ним черные крылья вечная ночь...

Стрельцы помогли ему сойти с саней, поставили на ноги. Иван Исаевич почувствовал под но-

гами расчищенный снег, плотный, будто лед. Ему сказали:

— Иди!..

И еще раз:

— Чего стоишь? Иди!..

— А куда идти? — неуверенно спросил он.

— Иди прямо!

Он шагнул вперед, с усилием волоча тяжелые оковы. Сердце подсказывало, что, видимо, пришел ему конец. Но какой? Болотников остановился в нерешительности, но сзади его больно ткнули в спину древком бердыша. Голос стрельца как будто дрогнул:

— Иди!

Болотников глубоко вздохнул, поднял к темному небу, к ясной звезде воспаленное лицо и шагнул вперед. Нога вдруг потеряла опору, по краю проруби скользнула цепь...

Он не успел даже упасть и прямой, как свеча, камнем пошел вниз.

Вода над ним сомкнулась, дрожа. Воевода, сотник и стрельцы сняли шапки, перекрестились.

— Все! — сказал Петрищев. — Поехали!

— Яшка! — крикнул воевода. — Когда вода схватится, закидай по льду снегом и убери веху! Яшка молча стоял у проруби с непокрытой головой.

— Слышишь, что ли?

— Слышу... — отозвался стрелец.

Упряжки повернули обратно. Лошади фыркали, косили глазами назад...

Яшка все стоял у края проруби, не чувствуя холода. Шапка выпала из руки, лежала у ног...

В воде плавало, колеблемое течением, отражение яркой звезды. Но вот воду на морозе схватило ледком, и звездочка померкла.

«Кабы ведал я, што прорубь... для тебя они готовят, Иван Исаевич!..» — шептал Яшка.

Сквозь сон Марфушка услышала плеск воды. Открыла глаза и увидела, что на лавке горит свеча в подсвечнике, а сотник и хозяин моют руки из умывальника. Услышала, как сотник сказал воеводе вполголоса:

— Ну, сия забота с плеч долой! Пушай нынче кормит налимов!

Воевода, вытирая руки, отозвался шепотом: — Чегой-то муторно на душе. Идем скорей за стол!

Оба ушли, унеся свечу.

Марфушка поняла, что узника утопили, и заплакала, вздрагивая всем телом: чужой, незнакомый человек, а жалко...

Прасковья проснулась, в темноте погладила девушку по голове, приблизила к себе:

— Ты што плачешь?

— Так... — Марфушка упрятала мокрое от слез лицо в подушку.

— Успокойся, дитятко, спи! — сказала стряпуха.

На улице крепчал мороз. Возле съезжей уже никого не было, в оконце не мельтешил огонек. Дверь избы заперта на замок.

Уснул Каргополь-город крепким предутренним сном. Притих, съезжился, укутанный снегами непролазными.

ЕЛЕНА
МИРОНОВА

* * *

Совершены злодейства в Эльсиноре
Века назад.

Но нам ли их забыть?

Вот выйдет Гамлет в облике актера
И тихо спросит:

— Быть или не быть?

Задумавшись, молчанием попросит:
— Прислушайся, двадцатый век, пойми...
И вдруг взорвется реактивный грохот
Над сценой, над притихшими людьми.

Разрушена короткая минута,
А зал смущен в нечаянной вине...
Простите, принц,
В любое время суток
Все меньше в мире места тишине.

Гонись за ней по городам и весям,
Ложись лицом в ромашки и во мхи —
Гремит жестокость атомного века,
Вибрируя, гудят материи...

Мы сами создавали ритмы века,
Мы ими и крылаты, и сильны.
И все-таки бессмертна в человеке
Извечная потребность тишины.

...Вот он идет в толпе многоголосой,
Боясь в ее прибое утопить
Немую тяжесть древнего вопроса,
Того вопроса —
Быть или не быть
Поэме,
Скерцо,
Городу в пустыне,
Нелегкому признанию в любви?

Не окликай: он долго не остынет.
Назад из дальних странствий не зови.
Пушай идет сквозь уличные шумы
С желанной тишиной наедине.
Пушай молчит, додумывает думу:
Так мало в мире места тишине...

ВЕНИАМИН
ДРУЖИНИН

Хмель земли

Смятеньем трав и буйством веток
Входило в нас шальное лето.
Дурманным запахом в полянах
Цветов, самих собою пьяных.

А день сиял. И пели птицы.
И сладко пахла медуница.
И все в неистовом разгуле
Насквозь пронизывал багульник.

Я припадал к ручьям в чащобах,
Пил неотрывно, до озноба.
А губы стыли и немели.
И плыл победно запах хмеля.

Он обволакивал туманом.
Кружилась сладко голова.
И я забывчиво и странно
Шептал бессвязные слова.

И мнилось мне под шум осоки,
Что силой меряюсь с бедой.
И были мне земные соки
Живой спасительной водой.

Метались блики, будто рыбки.
Плескалось солнце под корьем...
Я в лес входил
мальчишкой хлипким.
А выходил — богатырем.

ЛЕОНИД
ИВАНОВ

Старицы

Надо мной шумит хвоя сосновая,
Я гляжу с холма из-под руки —
Синими гигантскими подковами
Старицы сверкают вдоль реки.

И звучат слова преданья старого,
И как будто сосны шепчут мне:
Это богатырь из Карачарова
Берегом проехал на коне,

Зима

Стоят горбатые сугробы,
в снегах дома,
как терема,—
и радуются хлебобобы
тому, что

снежная зима.
А ей все кажется,
что мало
снегов,

которых намела
как никогда... Она устала
и у порога прилегла.
Но ей не спится —
звезды сеет
на ослепительный покой.
И, становясь

еще щедрее
она

от похвалы людской —
опять крылатит аж под небо
крутым дыханьем февраля,
чтоб вдосталь

влагою целебной
весной насытилась земля.

* * *

Мой друг, не проклинай
жестоких бурь зимы,
и не чурайся
доброго совета:
без них понять
не в силах были б мы
всей теплоты
хмелеющего лета.

Пробуждение

Заря купается в тепле
и не жалеет людям ласки,
и проявляет на земле
свои бесчисленные краски.

Она, взмахнувшая крылом,
стекает медленно с откоса
и окунает в водоем
ультрамариновые косы.

И запекает на юру
веселым голосом рябина.
Все просыпается вокруг
и пахнет почкой тополиной.

Взлетают птицы высоко
туда, где стало голубее,
где облака, как молоко,
а, может быть, еще белее.

Едва проклюнувшись, трава
пьянящей оттепелью дышит,
и зеленеют деревья
и поднимаются все выше.

Чернеют пахотой поля,
заря купается в затоне,
и улыбается земля,
подставив дождю ладони.

Перевел с удмуртского
Леонид ШКАВРО.

ИРИНА
МАЛЯРОВА

Сонет

Вот ветер снова с запада задул...
И повисает трогательно-ломко
Дождливых дней стеклянная соломка.
О, как мне мил сентябрь —
стеклодув!

Как важно он пускает пузыри,
Неутомимый дел хрустальных мастер.
И луж зеркальность он колотит к счастью,
И умножает ночью фонари.

И мы не говорим, что дождь идет,
Не сетуем на это наводнение —
Он стал привычен, как сердцебиенье,
И станет страшно, если вдруг замрет.
И город, словно странное растение,
Пьет влагу и, наверное, растет,

ГДЕ ИСТОК МИАССА?

В нашем краеведческом музее есть карта инвентаризации золотых приисков Миасского золотопромышленного товарищества, составленная в 1892 году. Но, интересное дело — истоки реки Миасс здесь обозначены несколькими ключами на хребте Нурали, совсем не там, как это показано на более поздних картах.

Что это — ошибка или истоки изменили свое местоположение?

Старожилы говорят по-разному: в деревнях Устиново и Косачево утверждают, что Миасс начинается из Суюндуковского болота, а в башкирских деревнях Орловка и Мулдакаево — что из озера Алакуль.

Чтобы уточнить это, мы дважды — в 1961 и 1963 годах — побывали в тех местах. Что же оказалось?

Южнее деревни Косачево Миасс вытекает из обширного болота. На карте 1892 года оно называется Суюндуковским. Сейчас часть его, та, что к югу от деревни, называется Каскардинским болотом по имени озера Каскарды. Есть здесь и другие небольшие озера — Карабалык, Курушпанкуль. Видимо, это болото — остаток обширного в прошлом, но сильно заросшего озера. Вода из него стекает в Миасс по заросшим, едва заметным протокам, а кое-где под слоем торфа. Но все же русло реки здесь можно проследить на

всем протяжении. Имеется сток в Миасс из Суюндуковского озера.

У деревни Сулейманово река течет по неширокой заболоченной долине. Местные жители знают, что это Миасс и употребляют данное название. Еще выше по течению расположены деревни Мулдакаево и Орловка. В районе этих деревень в долине реки во многих местах с помощью гидромониторов и драг добывается золото. Западнее Орловки на карте 1892 года обозначено Воронцовское озеро. На его месте сейчас изрытый драгами и размытый гидравликами большой разрез, заполненный водой. В верхнем течении Миасс протекает через два озера: Алакуль и Нурали.

Неширокая долина реки привела нас к заросшему озеру Алакуль. Повстречавшиеся пастухи сказали, что ручей, вытекающий из озера, называется Миасской протокой, или просто Миассом. Следуя далее, мы случайно вышли к другому небольшому озеру. На карте оно названо Симоч-Тугуль. Рыбаки утверждают, что такое название озера неправильно и никогда здесь не употребляется. В этом небольшом озере много рыбы и... пиявок. Поэтому озеро и по-русски и по-башкирски так и называют Пиявочным (Сыликтукуль).

Заболоченный ручей, впадающий в озеро Алакуль, вывел нас к озеру Нурали. Озеро сильно заросло ситником,

тростником, рогозом. Глубина его не превышает метра. На дне такой же слой ила. Западный берег озера представляет собой торфяник. Миасс вытекает из восточной части озера и в этом месте никогда не пересыхает. Ключи-истоки Миасса впадают в озеро в юго-западной его части. Есть ключи и на дне озера. В отдельные зимы вода над ключами не замерзает. В сухие годы ключи-истоки не дают воды, но нельзя сказать, что они пересыхают совсем. Дело в том, что часть воды, стекающей с Нуралей, просачивается в грунт и только при впадении в озеро под большим напором, образуя полуметровые грифоны, выходит на поверхность. Когда мы следовали по руслу ключа вверх, то не раз встречали на дне его небольшие роднички.

Русло ключа привело нас на склон хребта Нурали. Здесь оказалось, что ручейки-истоки Миасса перегорожены плотинами. Образовавшиеся тут маленькие водоемы используются для водопоя. Отчасти этим и можно объяснить, что русло ключа у озера Нурали сухое.

Таким образом мы установили, что истоки реки Миасса находятся на юго-восточном склоне хребта Нурали, на высоте около 600 метров над уровнем океана, и проследили «первые шаги» этой значительной для Южного Урала реки.

В. ЕГОРОВ, учитель.
П. ШАЛАГИНОВ, сотрудник музея

ГЕРОИ ЖЕЛЕЗНОЙ

На третьем Всесоюзном слете победителей похода по местам революционной, трудовой и боевой славы советского народа „Уральский следопыт“ вручил свой приз ленинградской школе № 232. В этом номере мы рассказываем о делах призеров.

КОРЧАГИНЕЦ

Ему исполнилось пятнадцать лет, когда началась Великая Отечественная война. Он стал солдатом. А до этого были кружки Харьковского дворца пионеров, пионерские лагеря в Крыму и на Украине. И еще — занятия с отцом, кадровым командиром Красной Армии, который помог ему в совершенстве изучить винтовку, пулемет, автомат.

«Отцы и старшие братья с оружием в руках уходили на фронт. На их место к станкам вставали жены и дети. Станки были выше нашего роста. Приходилось подставлять ящики, чтобы мы могли работать.

Дым пожарищ, толпы изнуренных, обездоленных беженцев мы увидели в первые дни войны. Многие мои сверстники добровольцами уходили на фронт. Уходил на фронт и самый близкий мне человек — отец. Больших трудов стоило мне уговорить его взять меня с собой», — писал следопытам 232-й ленинградской школы Георгий Григоров.

В пятнадцать лет он был назначен командиром отделения автоматчиков. В пятнадцать лет он стал старшим над одиннадцатью бойцами, которым тридцать, сорок, сорок пять. Это было не так просто.

Кровопролитные бои на Калининском фронте, битва под Сталинградом. Слякоть и мороз, зной и стужа. Не прекращающийся ни на минуту огонь врага. И смерть, ежечасно, ежесекундно смотрящая тебе в лицо. Но пятнадцатилетний командир не терял самообладания. Он сумел завоевать уважение своих солдат, мужал и креп благодаря их постоянной поддержке. И отец, зорко следивший за своим сыном, помогал ему.

А Георгию так иногда хотелось быть просто мальчишкой, для которого начальник штаба 168-го стрелкового полка 24-й Железной дивизии Василий Семенович Григоров был просто папой.

В том же письме Георгий Васильевич рассказывает ребятам:

«Как-то мы находились недалеко от нашего штаба, а я так давно не видел отца. Зашел в штаб. Отец с группой командиров беседовал за картой. На правах сына я тихонько подошел к нему, прижался щекой к плечу и шепотом произнес: «Папа». Отец, извинившись перед командирами, резко повернулся ко мне и строго спросил: «Боец Григоров! Не знаете строевой устав? Как нужно обращаться к старшему по чину?»

В штабе наступила тишина. На лицах присутствующих сначала появилось недоумение, потом улыбки. Все поняли, что отец хотел разрядить обстановку и одновременно дать мне хороший урок. Но я этого не мог понять. Я был ошеломлен и со слезами на глазах пролепетал: «Знаю». — «Если знаете, прошу выйти и зайти, как полагается по уставу».

С чувством глубокой обиды я стал пятиться к двери. Вышел, всплакнул какую-то долю минуты, вернулся в штаб и строго по уставу обратился к отцу. Он подошел ко мне, обнял и тихо сказал: «Молодец, сынок! Учись в самых трудных условиях быть дисциплинированным, ни-

Георгий Васильевич Григоров.

Василий Семенович Григоров — отец корчагинца.

когда не обижайся на справедливые замечания старших».

В сентябре 1942 года на глазах Георгия погиб его отец. Последними словами Василия Семеновича были: «Береги мать, Родину». И шестнадцатилетний командир продолжал бить врага.

Почти в конце войны, освобождая Румынию, Георгий Григоров был тяжело ранен. Более трех лет пролежал он в госпитале. Перенес 47 хирургических операций. Врачи восстановили ему черты лица, зрение, здоровье. Дважды Герой Советского Союза, командовавший 65-й армией, в которую входила 24-я Железная дивизия, П. И. Батов назвал Георгия Григорова Павкой Корчагиным.

Георгий не пал духом. В госпитале он окончил десятилетку, потом поступил в финансово-экономический институт, защитил диплом инженера. Сейчас работает в Свердловске...

Об удивительной судьбе этого замечательного человека следопыты 232-й ленинградской школы всегда рассказывают в первую очередь, когда спрашиваешь у них, как и когда они начали собирать материалы о 24-й Железной дивизии.

ПО ЗОВУ ЛЕНИНА

А началось это в 1965 году. В школу пришел ветеран Железной дивизии майор запаса Евгений Иванович Промахов.

Он рассказал ребятам.

— В 1918 году, когда три четверти территории молодой Советской республики находились в руках интервентов и белогвардейцев, в районе Самары — Симбирска, из разрозненных отрядов, В. В. Куйбышевым и М. Н. Тухачевским была сформирована дивизия. Командовал ею Гая Дмитриевич Гай.

Дивизия, созданная по зову Ленина, героически сражалась на Восточном фронте. 12 сентября 1918 года штурмом был отнят у интервентов родной город Ильича Симбирск.

В тот же день Владимиру Ильичу послали телеграмму: «За Вашу первую рану взяли Симбирск, за вторую возьмем Самару».

За героизм, стойкость, мужество, за освобождение в кровопролитных боях городов и сел на Восточном фронте дивизия стала называться Железной Самаро-Симбирской.

Она с боями прошла от Урала до западных границ страны и ни разу не отступала.

Воины ее, полураздетые, полуголодные, совершали героические подвиги, в тяжелых условиях проводили марши-броски на сотни километров. Дивизия прошла с боями в гражданскую войну пять тысяч километров.

В 1941 году части ее дислоцировались в Белоруссии. 22 июня по боевой тревоге дивизия вышла навстречу врагу. Она отражала наступление гитлеровцев на дальних подступах к Минску.

«Ни шагу назад! Вперед на врага!» — таков был приказ Героя Советского Союза генерал-майора Кузьмы Никитовича Галицкого.

Немцы не смогли пробиться к Минску по шоссе и пошли в обход. Дивизия оказалась в тылу врага. В конце сентября и начале октября 1941 года две трети ее личного состава вышли из окружения. Погиб старший политрук А. Барбашев, который выносил дивизионное знамя. Знамя нашел и спрятал в селе Анютино

колхозник Д. Н. Тяпин. И хранил его 28 месяцев.

В феврале 1942 года воины дивизии сражались на Калининском фронте, а в августе — на Сталинградском.

3 марта 1944 года был получен приказ заместителя народного комиссара обороны Маршала Советского Союза А. М. Василевского.

«За сохранение Боевого Красного знамени патриота Советской Родины гражданина Д. Н. Тяпина навечно зачислить в списки одного из полков дивизии и представить к награждению орденом боевого Красного Знамени».

...После встречи с Евгением Ивановичем Промаховым в школе был создан штаб следопытов.

В него вошли ветераны Железной дивизии, учителя и командиры следопытских отрядов.

Знаменосец дивизии А. Барбашев.

ПОХОДЫ, ПОХОДЫ...

Пожалуй, нет в школе ни одного ученика, который не участвовал бы в сборе металлолома. А сколько ребят были помощниками почтальонов! Все средства шли в юбилейную копилку. На них следопыты совершили свой первый большой поход: Ленинград, Рыбинск, Горький, Ярославль, Казань, Сызрань, Куйбышев, Ульяновск, Волгоград. Здесь проходил исторический путь 24-й Железной дивизии.

В каждом городе ребят ждали ветераны. Встречи, рассказы, записи воспоминаний, экспонаты для музея. Знакомство со школьниками, создание новых следопытских отрядов.

Более двухсот километров прошли ленинградцы по окропленной кровью отцов сталинградской земле. Их сопровождали участники боев за Черный Курган — Евгений Иванович Промахов, Михаил Петрович Коваль, Геннадий Никанорович Ворожейкин. В дневниках ребят появились десятки неизвестных ранее имен бойцов.

Интересной была встреча в хуторе Вертячем. Здесь местные следопыты с учителем Иваном Ивановичем Щегловым тоже собирают материал о боевых делах прославленной дивизии. Вместе с ленин-

градскими школьниками они нашли могилу фельдшера артдивизиона Ани Бублик. Отважная комсомолка вынесла с поля боя более сотни раненых. До сих пор ее имя было неизвестно тем, кого девушка спасла от смерти. Недавно на могиле Ани Бублик был установлен памятник.

Еще один поход ребята провели по маршруту: Выборг — Вещево — Карельский перешеек, где дивизия сражалась с белофиннами. Они разыскали вдову Героя Советского Союза комбрига Вещева — Марию Васильевну, узнали, где могила комбрига.

Но особенно интересной была поездка Львов — Яворов — граница с Польшей и Венгрией — Киев.

Во Львове следопыты побывали в музее 24-й Железной, в музее партизанской славы, принесли цветы на Холм Славы, где похоронен Герой Советского Союза легендарный разведчик Николай Иванович Кузнецов. Ветераны провели ребят по местам боев в Прикарпатье, рассказали следопытам о сражениях в Румынии, Венгрии, Чехословакии. Дружеские отношения завязались у ленинградцев со школьниками Львова и области.

А как встречали следопытов пограничники! Сколько узнали ребята самых удивительных историй об их почетной службе.

И, наконец, Киев. Первая встреча во Дворце пионеров с десятиклассниками Октябрьского района. Им ленинградцы передали факел Октября, зажженный от топки крейсера «Аврора». Вместе с киевскими следопытами ленинградцы возложили венки на могилу одного из любимых командиров Железной дивизии генерал-майора Федора Александровича Прохорова.

Этот поход проходил зимой 1967 года. А летом киевляне приехали в гости к следопытам города Ленина.

Встреча следопытов с генералом армии П. И. Батовым.

САМАЯ ИНТЕРЕСНАЯ ВСТРЕЧА

17 июня 1967 года. Этот день надолго запомнят следопыты 232-й школы. Вот они, живые герои Железной! Герои Советского Союза В. П. Майборский, И. З. Дребот, бывший комиссар санполка Л. М. Дашевская, работник политотдела П. А. Устинова, летописец дивизии А. А. Исбах, дочь легендарного начдива Т. Г. Гай, бывший заместитель начальника политотдела Н. В. Куренков и многие, многие другие. Здесь же друзья ленинградцев — следопыты 52-й киевской школы.

В рассказах, выступлениях, воспоминаниях подводились итоги — итоги работы следопытов за три года. Многочисленные «трофеи» — документы, фотографии, альбомы о боевом пути дивизии, даже макеты пушки и танка, подаренные ветеранами, — все это огромный материал, замечательные экспонаты для музея 24-й дивизии, который ребята откроют к пятидесятилетию Советской власти.

А главное — благодаря ленинградцам боевой путь дивизии сейчас изучают семьдесят шесть школ сорока пяти городов России и Украины.

Наконец итоги подведены, и вот уже все присутствующие разбились на группы. Следопыты окружили ветеранов, берут у них маленькие интервью.

Друг комиссара. Лия Моисеевна Дашевская — комиссар санполка Железной — человек необыкновенной пламенной судьбы. Она рассказала следопытам о дружбе, которая связала ее с татарским мальчишкой.

— Отца Ибрагима Рахматулина убили за то, что он вступил в Красную гвардию. Ибрагим удрал из дома и почти сразу же попал в нашу дивизию. Но в одном из первых же боев его ранило.

За время болезни Ибрагим привязался к «товарищу комиссару». Даже когда выздоровел, ни в какую не соглашался уходить. Так и оставили его вестовым при санчасти. Он усиленно учился говорить по-русски. Это днем. А ночью? Ночью он пригонял красноармейцам отличных коней. Оказывается, паренек знал, где пасутся табуны богатеев.

В. П. Майборский, повторивший подвиг Матросова.

Куда только война ни бросала комиссара Дашевскую, всюду рядом с ее коном постукивали копыта скакуна Ибрагима Рахматулина.

В июне 1920 года осколком снаряда Лию Моисеевну тяжело ранило. Ибрагим на руках вынес своего комиссара из боя и доставил в киевский госпиталь. Он не отходил от раненой, пока она не пришла в себя. Узнав, что опасность миновала, Ибрагим оставил комиссара выздоравливать, а сам снова ушел воевать.

Со сцены — в бой. «Это было под Львовом в 1919 году, — рассказывает Полина Александровна Устинова. — Я состояла тогда при политотделе. Чтобы ободрить уставших ребят, решили мы поставить пьесу повеселей. Выбрали Островского «На бойком месте». Но там есть женские роли. А исполнительниц, конечно, не хватало. Тогда вспомнили о помощнике начальника штаба Ефиме Воронове. Его все звали «Вороненком» за невысокий рост и нежное девичье лицо. Загримировали Ефима, одели в платье — чем не актриса! Спектакль всем нравился, хохот до упаду.

И вдруг команда: «К бою!» Неожиданно появились белополяки. Мы, как были в гриме, сразу по коням. Враг был разбит. И вот, смотрим, слезает с коня наш «Вороненок»: парик с косами сбил-

ся на ухо, по лицу ручьями растекается грим, длинная юбка вся изрешечена пулями. Смешной был у него вид...

Так мы жили и защищали Советскую власть в гражданскую войну».

Матросовец. Под небольшой деревушкой Черемхов в июне 1944 года стрелковый батальон вел разведку боем, чтобы выявить огневую систему противника. Нужно было прорвать вражескую оборону и овладеть высотой Погары. Только поднялись бойцы в атаку, как вдруг: тра-та-та-та. Бугорок оказался замаскированным дзотом. Залегли. А фашисты все строчат и строчат. Что делать? Тогда от группы бойцов отделился солдат, подобрался к дзоту и, размахнувшись, швырнул гранату. Пулемет на мгновение замолчал. Потом застрочил снова. Боец упал, приподнялся, подполз поближе — еще одна граната полетела к дзоту. Но в это время пулеметная очередь прошла

смельчака. Невероятным усилием воли боец привстал и навалился всем телом на амбразуру.

Владимиру Петровичу Майборскому было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

А через семнадцать лет стало известно, что Владимир Петрович жив и трудится в колхозе деревни Земки Хмельницкой области. На встрече он показал ленинградским и киевским следопытам письмо, которое получил от старшего лейтенанта запаса Моложавенко из Ростова-на-Дону.

«Дорогой Владимир! Сердечный привет тебе с берегов тихого Дона. Вряд ли ты знал меня, но воевали мы в одной дивизии, и мне очень памятен тот бой в 1944 году. Хорошо памятен и твой подвиг — ведь о нем знала вся дивизия, вся армия. Я хочу крепко-крепко пожать тебе руку и пожелать много-много мужества».

СКОЛЬКО ИХ, ГЕРОЕВ?

Сколько их, героев? Десятки, сотни, тысячи! Подвиги одних еще неизвестны, еще ждут тех, кто расскажет о них людям. О мужестве и бесстрашии других можно узнать из многочисленных следопытских дневников. Вот две такие записи:

...24 марта 1944 года дивизия обороняла магистраль Проскуров — Гусятин. Противник сосредоточил здесь крупные танковые силы, смял нашу передовую линию обороны и начал продвигаться к позициям артиллеристов. Но на его пути стала батарея старшего лейтенанта Данилочкина. Командир орудия старший сержант Макаров успешно отразил первую атаку фашистов. На поле боя остались три подбитых танка и десять транспортеров.

Гитлеровцы продолжали атаковать батарею. Кончились снаряды, только орудие Макарова все еще вело огонь по противнику. Убит наводчик. Макаров остал-

ся один на один с врагом. К его пушке ползут три фашистских танка. Подбит первый, второй... Третий раздавил пушку отважного сержанта. Макарова посмертно удостоили звания Героя Советского Союза.

...Во время подготовки к прорыву обороны противника восточнее Перешовских гор 5 декабря 1944 года был тяжело контужен разведчик комсомолец Петр Битюков. Фашисты взяли его в плен. Когда боец пришел в сознание, они стали его допрашивать. Но комсомолец молчал. Тогда гитлеровцы подвергли его нечеловеческим пыткам. Они отрезали у Битюкова уши, потом кончик носа. Разведчик продолжал молчать. Тогда гитлеровцы вытащили у него язык и гвоздями прибили к столу. Юношу спасли от неминуемой смерти наши солдаты.

Разведчик Петр Битюков был награжден орденом боевого Красного Знамени.

ИДУТ, ИДУТ ПИСЬМА...

Идут, идут письма в ленинградскую 232-ю школу. Из Черновиц и Львова, Киева и Ярославля, Свердловска и

Волгограда... В них рассказывается о новых находках следопытов, идущих по пути 24-й Железной дивизии.

Вот ребята из Калача-на-Дону сообщают, что они побывали в тех местах, где части дивизии сражались в 1942—1943 годах. Разыскиали десятки могил бойцов и офицеров, завязали переписку с родными погибших.

А вот что пишет председатель Котлубанского сельсовета Александр Сафонович Шашлов.

«Дорогие ребята! Сообщаю вам, что красные следопыты нашего села свято чтут память тех, кто сражался за нашу Родину в частях прославленной Железной дивизии. Замечательные у нас ребята. Они очень хорошо помогают взрослым убирать урожай, расчищать лесосеку. Я уверен, что из них вырастут настоящие люди».

«Следопыты нашей области,— рассказывает секретарь Волгоградского обкома комсомола Т. Фролова,— проводят большую работу по изучению и сбору материалов о героях гражданской и Великой Отечественной войн. У нас уже открыто 340 уголков, музеев, залов и комнат боевой славы. 1800 следопытских отрядов прошло в 1966 году по местам боевых сражений. В 1967 году ребята открыли юбилейные копилки. На заработанные деньги мы установим памятники, обелиски воинам, погибшим за счастье советской страны».

Ленинградцы не остаются в долгу. Они рассылают описание мест боев, рассказывают о героических подвигах бойцов, сообщают, где погиб такой-то воин, просят проверить, сохранилась ли его могила.

Летопись боевого пути 24-й Железной дивизии продолжается.

Е. КОНСТАНТИНОВА

«Уральский рабочий»

15 ДЕКАБРЯ 1917 ГОДА

В Екатеринбург прибыл летучий отряд, действующий по специальной инструкции Совета Народных Комиссаров, с целью содействия продвижению грузов в столицы и на фронт, а главным образом для борьбы с Духовым.

Революционный летучий отряд 12 декабря разоружил 2 эшелона казаков, ехавших мимо Екатеринбурга по направлению к Омску... Отобрано много винтовок и пулеметы.

«Правда»

13 ДЕКАБРЯ 1917 ГОДА

Декрет об аресте вождей гражданской войны против Революции.

Члены руководящих учреждений партии кадетов, как партии врагов народа, подлежат аресту и преданию суду революционных трибуналов.

На местные Советы возлагается обязательство особого надзора за партией кадетов ввиду ее связи с корниловско-калединой гражданской войной против революции.

Председатель Совета Народных Комиссаров Вл. Ульянов (Ленин).

Народные комиссары (подписи).

Управляющий делами СНК (подпись).

Секретарь Совета (подпись).

Ко всем трудящимся и эксплуатируемым. Буржуазия, руководимая партией, подготовила к моменту созыва Учредительного собрания все свои силы для контрреволюционного переворота. На Урале и на Дону Корнилов, Каледин и Духов подняли знамя гражданской войны против Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов... Под Белгородом произошли первые кровавые столкновения с отрядом буржуазных заговорщиков.

Совет Народных Комиссаров доводит об этом заговоре до сведения всего народа. Все завоевания народа, и в том числе близкий мир, поставлены на карту... В этой борьбе Совет Народных Комиссаров твердо рассчитывает на поддержку и несокрушимую верность революции со стороны всех революционных рабочих, крестьян, солдат, матросов, казаков, со стороны всех честных граждан...

Да здравствует революция! Да здравствуют Советы! Да здравствует мир!

Совет Народных Комиссаров.

33

ПУТЕШЕСТВЕННИКИ НЕ ПЛАЧУТ

Владислав КРАПИВИН

Рассказ

У Володьки пропала собака. Все мальчишки с маленькой улицы Трубников знали, что у него потерялась собака. И жалели. Жалели рыжего Гермеса, потому что привыкли к нему очень давно: еще до того, как он стал Володькиным псом. Жалели Володьку, потому что он был неплохой парнишка, хотя немного плакса.

Впрочем, о том, что он плакса, мальчишки сами не догадались бы. Им сообщил об этом Володькин дядя, Виталий Павлович, тоже проживавший на улице Трубников. Ребята колдовали у соседних ворот над разобранным велосипедом, когда он подвел к ним племянника и полушутя, полусерьезно сказал:

— Послушайте, доблестные рыцари. Возьмите этого отрока в свою компанию. Он человек неплохой. Правда, немного плакса, но все остальное на уровне.

Сашка Пономарев (Володька тогда еще не знал, что его Сашкой зовут) вытряхнул на масляную ладонь подшипники из втулки, посчитал шепотом, затем рассеянно глянул на дядю и на племянника.

— А пускай,— сказал он.— У нас приемных экзаменов нет.

Дядя Витя коротко сжал Володькино плечо: «Оставайся»,— и ушел. Он считал, что суровые законы мальчишеской компании пойдут Володьке на пользу.

Но никаких суровых законов не было. Володьку попросили подержать колесо, пока собирали втулку и надевали цепь, потом дали прокатиться на отремонтированном велосипеде: все катались по очереди. Потом спросили, как зовут.

И уж совсем потом, когда был вечер,

маленький Сашкин брат Артур спросил без всякой насмешки, а просто с любопытством:

— Почему твой дядя Витя говорит, что ты плакса?

Володька увидел, как Сашкина ладонь поднялась для подзатыльника глупому Артуру, но нерешительно остановилась. Мальчишки молчали. И было непонятно, осуждают они неделикатного Сашкиного брата или ждут ответа.

И Володька сказал просто и честно:

— Я знаю, он сердится. Я при нем разревелся, когда с родителями прощался. Они в Крым уезжали, а меня сюда отправили... А он слез не любит.

Нельзя было смеяться над таким прямым и беззащитным ответом. Ребята помолчали немного. Сашка все-таки шлепнул Артура по шее и небрежно утешил Володьку:

— Ничего, привыкнешь...

— Наверно,— откликнулся Володька.

Ему захотелось еще сказать, что привыкнет он обязательно, он умеет привыкать. Весной он распрощался с Юриком Верховским, и первые дни после этого тоже скребло в горле, а потом уже не скребло. Только иногда. А с Юркой они были всегда вместе еще с детского сада... Но ничего такого Володька говорить не стал, потому что иногда вредно тратить много слов...

Собака у него появилась через неделю после этого разговора. Женька Лопатин, который жил через два дома от Володьки, рано утром стукнул в его окошко. Подтянулся на высокий подоконник и спросил:

— Вовка, можешь взять собаку? Хотя не насовсем, а на время?

Сонный Володька спросил, конечно, что это за собака и что он с ней будет делать. Оказалось, что делать с ней ничего не надо, только кормить и поить, чтобы не померла с голоду и не взбесилась от жары. Раньше этот пес жил у Женьки, а еще раньше — у многих других ребят. Но подолгу он не жил нигде: родители очередного хозяина непременно ругались и прогоняли собаку. Сторож из нее был никудышный, а лопала, она, как хорошая свинья.

Женькины слова не обрадовали Володьку. Но неудобно было отказываться, да и жаль собаку.

— Ну, давай, — сказал он, предчувствуя неприятности.

И Женька привел на веревке Гермеса.

Пес был величиной с овчарку, но лопоухий. Рыжий, клочкастый и тощий.

— Сидеть, — велел ему Женька. Гермес зевнул, сел, глянул на Володьку светло-коричневыми лукавыми глазами и вдруг замахал репьястым хвостом. Взлетели с земли клочки газеты и щепки, а по ногам прошелся пыльный ветер.

— Он, вроде бы, совсем не злой, — заметил Володька.

— В том-то и дело, — вздохнул Женька. — Он всех людей считает своими, потому что настоящего хозяина у него не было. Со щенячьего возраста живет беспризорный... Но он хороший. А ты собак любишь?

— Не знаю, — сказал Володька. Он в самом деле не знал. Он жалел собак, если им было плохо. И кошек жалел, и зверей в зоопарке, и птенцов, которые падают из гнезда. Но дядя Витя сказал однажды, что жалость и любовь разные вещи.

Гермеса Володька привязал в палисаднике среди георгинов. Принес чашку с водой, тарелку со вчерашними макаронами. Гермес махал хвостом и улыбался розовой пастью.

Потом, конечно, был разговор с дядей Витей и тетей Таней, его женой. Тетя Таня ахала, называла Гермеса чудовищем и вопросительно смотрела

на дядю Витю. Тот назвал Володьку странным человеком, а Гермеса бесполезным существом. Но когда узнал, что Володька обещал ребятам держать у себя Гермеса, подтянулся и бодрым голосом сказал:

— Раз обещал, держи.

— Только, ради бога, уведи его из палисадника, — жалобно сказала тетя Таня. — Там цветы.

И Володька увел собаку за сарай, в тень, подальше от пышных георгинов.

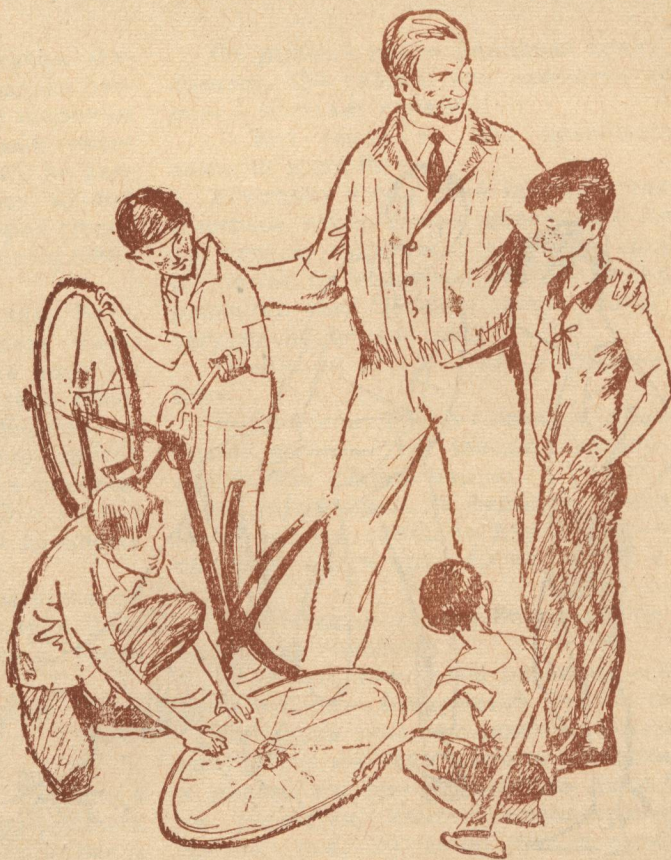
Потом он привык к Гермесу.

Однажды он завел Гермеса в пруд и намылил туалетным мылом. Бедный пес тихо выл от ужаса, но терпел.

— Чего ты собаку мучишь? — вмешался Женька. Он все еще чувствовал себя хозяином.

— А что делать? — сказал Володька немного виновато. — Мне через две недели уже домой ехать. Как я его повезу, такого замурзанного?

— С собой возьмешь? — не поверил Женька.

— Ну, а куда его девать?
— А мать с отцом что скажут? — спросил рассудительный Сашка.
— Уговорю. Живут же у других собаки...

С того дня вся улица стала знать, что Гермес — Володькина собака.

А еще через два дня Гермес пропал. Его искал Володька, искали все мальчишки. По всему поселку. Заглядывали в чужие дворы, спрашивали незнакомых людей. Потом пришли ребята с Ишимской улицы и сказали, что Гермеса сбил грузовик. Володька побежал за ними. В кювете лежала мертвая собака. Тоже большая и рыжая, но совсем не Гермес.

— Не он, — сказал Володька. И ушел домой. Вдруг почувствовал, что Гермеса не найдет.

— Ты странный человек, — сказал дядя Витя. — Как можно убиваться из-за бродячей собаки!

— Она была не бродячая, а моя, — ответил Володька и отвернулся.

— Можешь ты объяснить, зачем она? От любого домашнего животного должна быть польза.

Володька не мог объяснить. Пользы от Гермеса не было. Просто нравилось Володьке, как он тычется мокрым носом в ладони, как тепло дышит в ухо, когда они играют в пограничников и прячутся в кустах...

— Володя, — сказал дядя Витя с мягким нажимом. — Я удивляюсь, честное слово. Каждый мальчик должен быть мальчиком, а не плаксивой девчонкой. А ты все время киснешь. Чем ты недоволен?

— Всем... доволен, — тихо сказал Володька, с раздражением глядя на георгины. Их пунцовые, как петушиные гребни, головы плавно качались в открытом окне.

Дядя Витя продолжал:

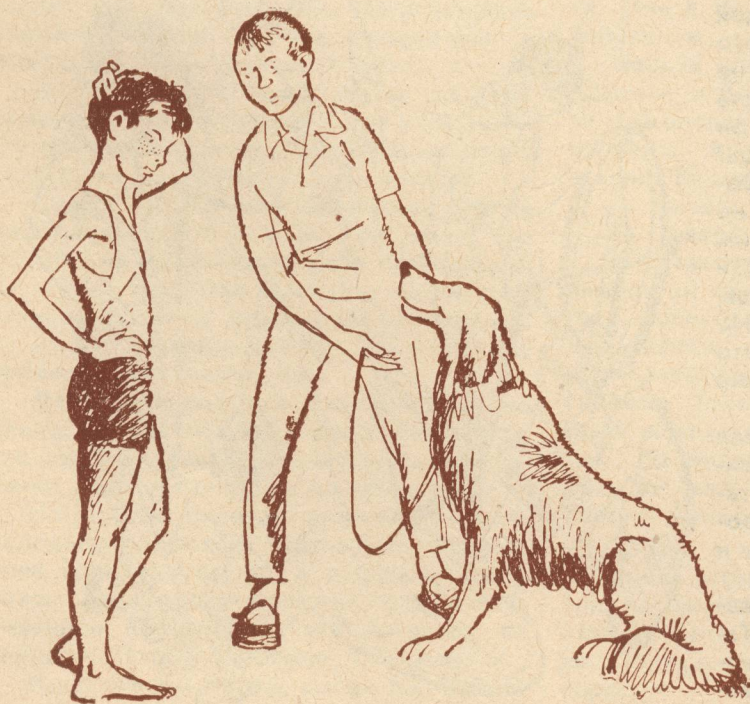
— Любой другой мальчишка на твоём месте был бы в восторге. Все к твоим услугам. Хочешь велосипед? Пожалуйста. Фотоаппарат? Бери, учись, снимай. Кататься на лодке? Попросим у Андрея, он не откажет. Из ружья пострелять? Давай, спустимся в овраг, постреляем...

— У твоего ружья отдача как у гаубицы, — хмуро сказал Володька и пошевелил плечом.

— Просто ты боишься... Почти одиннадцать лет тебе, а глаза на мокром месте. Как у пятилетнего... — Он усмехнулся и добавил, вспоминая давний разговор. — А еще собирался стать путешественником. Путешественники не роняют слезы, как горох.

— Я не путешественник, — со сдержанной обидой ответил Володька. — Я ни разу не был ни в каком путешествии. — И, чувствуя, как защипало в глазах, он торопливо вышел из дома.

У калитки ему попалась на глаза свежая сосновая щепка, широкая, как гладиаторский меч. Володька машинально поднял ее. Он пошел вдоль палисадника, щелкая по ноге липким от смолы сосновым клинком. Георгины над изго-

родью горели, как красные светофоры. Один, самый высокий, заносчиво поднял голову на прямом, словно спица, стебле. Володька не замедлил шага. Только рука его сделала молниеносный поворот, и деревянный меч, описав золотистый полукруг, чиркнул по стеблю.

Георгин не сразу понял, что случилось. Секунды две он удивленно смотрел вслед мальчишке. Потом его пышная голова качнулась, сорвалась и выкатилась на середину досчатого тротуара.

Вечером дядя Витя сказал:

— Путешественник, хочешь в глухие края? Озеро, лес, заросли. Рыбачить будем, костры жечь и открывать нехоженные места. Устраивает тебя такой план?

Володька не любил рыбачить. Но он представил костер на темном берегу, звезды в воде, смутную белизну берез в сумерках, и ему отчаянно захотелось в глухие края, к неизвестному озеру.

Они ехали на зеленом прыгучем «газике». Неровная травянистая дорога петляла по березовым рощицам и широким полянам с лиловыми разливами иванчая. Володька устал подскакивать на заднем сиденье. Рубашка выбилась из-под штанов, и жесткий ремень натирал спину.

— Долго еще ехать? — осторожно спросил Володька.

— Устал? — откликнулся дядя Витя, обернувшись. В его голосе сразу были и забота, и насмешка. Володька промолчал. Он так и знал: вместо ответа услышит что-нибудь ненужное и обидное.

Рядом с Володькой грузно трясся знакомый дяди Вити, начальник здешнего стройуправления Потапов. Это на его служебной машине они ехали к дальнему озеру.

Потапов шумно завозился на кожаной скамье и вытянул из кармана карту. Карта зашелестела и, развернувшись, упала Володьке на колени.

— Разбираешься? — спросил Потапов.

— Чуть-чуть...

Круглая лужица озера синела в сплошной зелени лесов. Дорога тянулась к нему паутинной нитью. Она пересекала коричневый шнурок шоссе, убежавшего

за край карты. Там, у края, Володька заметил мелкую-мелкую надпись: «На Крюково».

Он помолчал. Зачем-то даже потер пальцем буквы-малютки. Потом, возвращая карту, спросил у Потапова:

— Эта большая дорога прямо в Крюково ведет?

— Прямохонько, — оживился Потапов. — Именно туда, в самую точку.

— Это там строят новую электростанцию?

— Вроде бы строят... Да, строят. Точно. Яковлев, один мой бригадир, туда перевелся. Теперь дома только по выходным бывает. Каждый день ездить не будешь, почти сто верст по шоссе...

— А зачем тебе Крюково? — вмешался дядя Витя. — Озеро-то в стороне.

— Низачем. Так, — сказал Володька и стал смотреть в окно. В Крюково жил Юрка Верховский. Он уехал туда, потому что отца назначили начальником стройки. Два письма всего написал. Да и сам Володька тоже...

От рыбной ловли Володька сразу отказался. Он сказал, что займется костром и поставит палатку.

— Вот такой ты мне нравишься, — заметил дядя Витя.

Володька и сам себе нравился таким: быстрым, спокойным и деловитым. Правда, палатку ему помог поставить шофер, но потом он уехал, и костер Володька разжигал сам. Запалил такой огонь, что загудел окрестный лес.

Потом он устал и лег в стороне от огня.

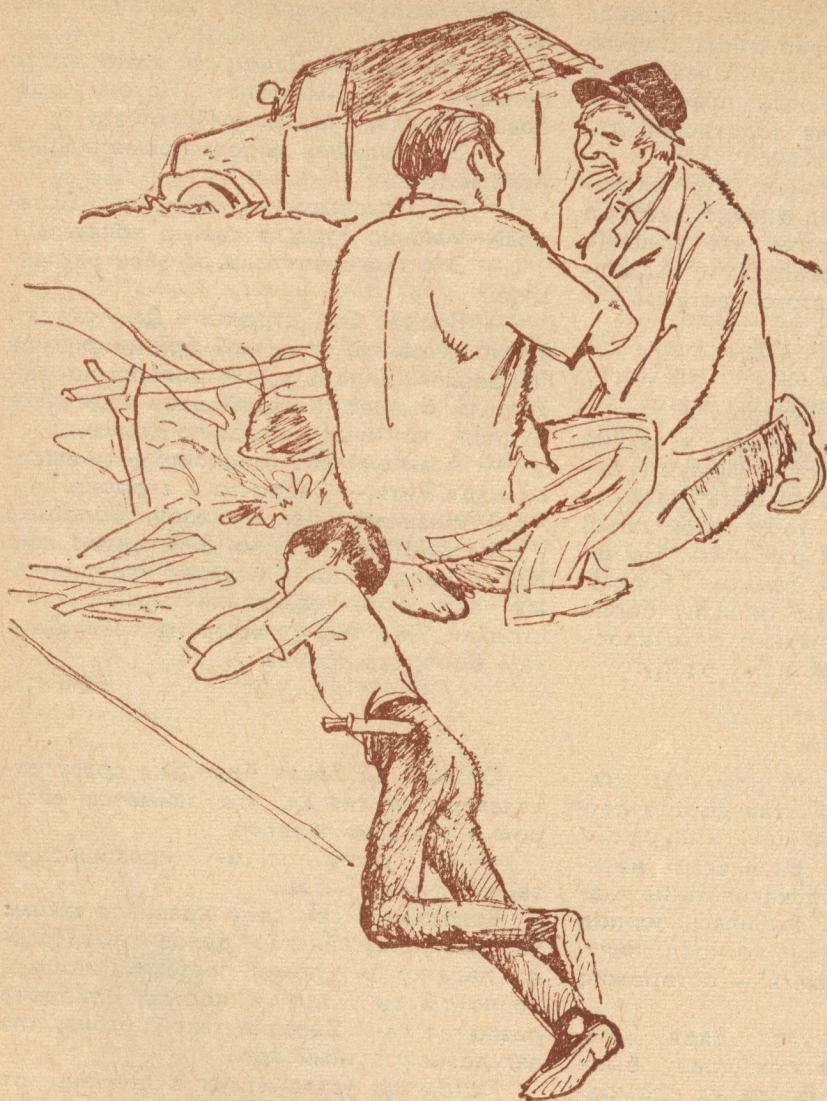
Небо стало темно-синим, а немного позже черным. Но звезды светили туманно, как сквозь марлю.

— Мы сходим на берег, — равнодушным голосом сообщил дядя Витя. — Посмотрим, как и что... Ты побудешь у костра?

— Побуду, — сказал Володька, не поворачивая головы.

— А мы, значит, на разведку, — вставил Потапов. — Быстренько. Туда и сюда.

Володька знал, что дело не в разведке. Просто им надо распить четвертинку, а делать это при племяннике дяди Вити не решается, считает непедагогичным. Кроме того, он хочет посмотреть, не боится ли Володька остаться один.

— Не заблудитесь там... в разведке,— серьезно сказал Володька.— Я пока чай поставлю.

Дядя Витя снял с пояса тяжелый охотничий нож.

— Возьми. На всякий случай.

— Зачем?

— Ты же остаешься часовым. Кстати, надеюсь, ты не заснешь. Часовому, сам знаешь, спать нельзя никак.

— Ладно,— сказал Володька.

Дядя Витя и Потапов ушли, а он повесил нож на ремешок и вытянул клинок из чехла. Лезвие было широким и кривым, как у самурайского меча. На металле дрожали оранжевые змейки отблесков. Володька перерубил ножом не-

сколько веток, бросил их в костер, повесил над огнем ведерко с водой и снова лег, развернув на траве одеяло.

Он лежал и думал о том, что небо совсем черное, но деревья, обступившие поляну, еще чернее. Их вершины хорошо различимы на этом небе. Все верхушки острые, но сразу видно, где сосна, а где ель или береза.

Вершины стали медленно кружиться над ним. «Но-но,— строго сказал Володька. — Не дурачьтесь. Часовые не спят, путешественники не плачут, деревья не танцуют. Деревья стоят и сторожат поляны». Он повернулся на бок и стал смотреть в огонь. Огонь был очень ярким, и Володька опустил веки. И тут услышал шаги дяди Вити и Потапова.

Появилась у Володьки веселая мысль: притвориться, будто спит. А по-

том, когда дядя Витя скажет что-нибудь о беспечном часовом, Володька вскочит и завопит: «Руки вверх!»

Они подошли, беседа вполголоса, и сначала Володька не разобрал слов. Но скоро понял, что говорят о нем.

— Ладно, пусть спит,— с привычной усмешкой сказал дядя Витя.— Замотался. Укачало, наверно, в машине.

— Зря ты его взял,— заметил Потапов.— Замучается. Слабоват он у тебя...

— И телом, и духом,— согласился дядя Витя. Но жестковато добавил:— Ничего. Сделаем покрепче. А то у родителей живет, как в аквариуме. В Крым не взяли, боятся, что перемена климата по-

вредит... Мне в его годы никакие перемены не вредили... Володька, спишь?

Он не откликнулся, чтобы не вступать в неприятный разговор.

— Спи, — сказал Потапов. — Давай еще по одной. У меня во фляжке есть. И на боковую...

— А чай?

— Да аллах с ним. Сними, чтоб не выкипел.

Они звякнули алюминиевыми стаканчиками. Потом дядя Витя подошел к Володьке, сунул ему под голову свернутую куртку, бросил на него жесткий тяжелый плащ.

Володька дышал ровно и тихо.

— Не простынет? — спросил Потапов.

— Да что ты... Тепло, как в печке... — Дядя Витя помолчал и немного виновато объяснил: — Куда его было девать? Пришлось взять. А то он из-за этой чертовой собаки совсем извелся.

— А что с собакой?

— Да так... Притащил откуда-то пса. Не собака, а пугало. Жрет, между прочим, как корова. Татьяна меня совсем заела... Ну, я с неделю терпел, потом сказал Андрею. Он ее увел в карьер и хлопнул из винтовочки...

«Не двигайся, — сказал себе Володька. — Теперь все равно». Он с удивлением почувствовал, что не хочется плакать, кричать, обвинять в предательстве.

Дядя Витя и Потапов забрались в палатку. Поговорили и затихли. Донесся булькающий храп.

Володька, не открывая глаз, повернулся на спину. Сейчас он не думал о своих взрослых попутчиках. Он думал о карте.

Стало чуть прохладнее. Ночь пахла осиновыми листьями, золой костра и близким дождем. Похоронно кричала незнакомая птица. Дрогнул воздух: где-то в страшной дали шел тяжелый самолет. «А у Юрика брат — бортрадист», — неожиданно подумал Володька. И поче-

му-то именно эта посторонняя мысль помогла ему все решить до конца.

Приняв решение, он открыл глаза.

Сквозь дымку душного неба пробились звезды Медведицы. Володька скользнул глазами по краю «ковша» и увидел бледное пятнышко Полярной звезды. Тогда он встал, поправил пояс и застегнул куртку.

Неслышно двигаясь, Володька взял ведро и выплеснул воду в догорающее пламя. Костер взорвался негодующим шипеньем. Взметнул вихри золы и дыма. Но тут же огонь совсем обессилел, пробежался по пунцовым головешкам и пропал. Володька ногами раскидал недогоревшие ветки и угли. Он не боялся, что проснутся дядя Витя и Потапов. Они слишком откровенно храпели, уверенные, что ничего не может случиться.

Ночь стала совсем глухой, непроглядной. Была только темнота и красная россыпь углей. Они горели, как непонятные письмена на черной странице. Слово какой-то кроссворд, нарисованный огненным пером. Володька подумал об этом и вспомнил, что сделал еще не все.

Он отыскал головешку покрупнее и при ее свете содрал с березового кругляка полоску коры. Кончиком ножа, на котором сидела рубиновая искра, он царапал на бересте:

Я УШЕЛ СОВСЕМ

Подумал и добавил:

В КРЮКОВО

Он был уверен, что прежде чем поднимется шум и перекроют дороги, попутный грузовик домчит его до дальней стройки.

Потом Володька ножом пригвоздил записку к пню, сбросил с пояса ножны, отвернулся от углей и стал смотреть на север.

Сначала в глазах плясали зеленые горошины, затем спустилась темнота. И наконец из ночи смутно выступили березовые стволы.

Тогда, словно в темные, но знакомые сени, Володька шагнул в лес.

Рисунки Н. Мооса

Л. КЛЕЙН

ИДОЛ С ОНЕЖСКОГО ОЗЕРА

Сам я беса не видел, но знаю людей, которые — своими глазами!

Обычная присказка суеверных стариков о бесах. Как это ни смешно, но я должен начать свой рассказ теми же словами.

Сам я беса не видел, но двое моих приятелей, таких же археологов, как я, шли по бесовым следам. Ярослав Ломанский и Абрам Столяр, оба кандидаты наук, целые годы посвятили делу, странному для ученых: выслеживали бесов. А до них по этим же следам прошло еще несколько исследователей — писатель А. М. Линевский, профессор В. И. Равдоникас, его ученик К. Д. Лаушкин и другие.

...Все началось с известия, что пропала Бесиха. Бес — есть, на месте, а Бе-

сиха — исчезла, как сквозь землю провалилась. Случилось это в деревне под названием Бесов Нос. Есть у этой деревни и второе имя — Бесоноска, а расположена она в Карелии, на восточном берегу Онежского озера. Носом на севере часто называют береговой мыс, деревня же расположена как раз недалеко от мыса, на котором теперь маяк и который именуется точно так же: Бесов Нос. А Бесовым он прозван именно потому, что на нем — Бес.

Нет, конечно, не реальный Бес, а изображение. Это изображение, ростом в два с половиной метра, выбито на треснувшей скале. Длинное, почти прямоугольное туловище, коротенькие ручки с растопыренными пальцами, тонкие раскоряченные ножки, прямоугольное лицо с ощеренным ртом и круглыми гла-

зами. Один глаз закрыт, другой смотрит. Вокруг разбросаны изображения животных, а сама центральная фигура повреждена: кто-то поверх всего выдолбил большой православный крест.

Этот крест служит верным признаком, что изображение Беса очень древнее: оно осталось еще от язычников.

Таких изображений, выбитых на скалах, археологам известно немало. Они так и называются — «наскальными» или петроглифами, от греческих слов петрос — камень и глифо — изображаю.

В одной Карелии их известно около 570, и каждый год открывают новые — и не только в Карелии, но и в Сибири, где их зовут «писаницами», на Алтае, на Урале, на Кавказе. Заметить петроглифы нелегко: за долгие тысячелетия ветер и вода почти стерли их, и сейчас они выступают на поверхности скалы слабыми белесыми пятнами. На ощупь пятна шероховатые, но, присмотревшись, можно разобрать, что они состоят из сотен тысяч ямок — следов ударов.

КУДА ДЕВАЛАСЬ БЕСИХА?

  нежские петроглифы открыл более ста лет тому назад географ П. Швед. У местных жителей он записал легенду об этих изображениях. Вот его запись:

«Народное предание об этом месте передает весьма незатейливую историю: Бес и Бесиха, нежные супруги, жили на берегу своим хозяйством; вдруг почему-то Бес задумал перенести свой дом подальше и, свив веревку, потащил мыс

в озеро; но, вероятно, это превышало его силы: он успел оторвать только один угол, который с ним вместе и упал в воду...»

Где жил Бес, а где Бесиха — на это указывали географические названия: деревня Бесов Нос отмечала местожителство мужа, а местожителство супруги лукавого П. Швед установил по слабому намеку — соседний мыс, обычно именуемый Пери Нос, иногда назывался и так: «Бесиха».

В тридцатые годы в Бесоносовский район приехал профессор ленинградского университета В. И. Равдоникас. Он фотографировал, зарисовывал и описывал наскальные изображения, чтобы потом заняться их расшифровкой. Он тоже отметил адреса Беса и Бесихи. Бес жил на старом месте, там, где его изображение, а Бесиха переселилась: уже не мыс Пери Нос, а небольшой островок, глыба гранита в воде напротив Бесова Носа, называлась теперь «Бесихой».

Прошло еще несколько десятков лет. На берег Онежского озера прибыл ученик Равдоникаса археолог К. Д. Лаушкин. И, к немалому изумлению, обнаружил, что Бесиха исчезла! Местные жители в один голос заявляли, что кроме изображения Беса было еще изображение Бесихи. Бесиха находилась на Перьем Носу.

А теперь?

Лет двадцать или больше тому назад из Ленинграда приехали ученые, взорвали скалу и увезли ее вместе с Бесихой в Ленинград.

Теперь Бесиха в Ленинграде.

Лаушкин хорошо знал, что действительно в 1934 году ленинградские археологи откололи с помощью взрывов целые глыбы скал с изображениями и вывезли их в Ленинград. Эти скалы были помещены в Эрмитаж, но Лаушкин хорошо знал, что никакой Бесихи среди рисунков на этих глыбах нет.

— Я не придавал большого значения, — вспоминает он позже, — рассказу о том, что Бесиху увезли в Ленинград. Отнесся к нему как к курьезу, о чем бегло отметил в своем полевом дневнике.

Но вернувшись в Ленинград и перечитав легенду столетней давности, записанную П. Шведом, в которой Бесиха все же упоминается, и разыскав старые

сообщения о мысе, а затем и об островке «Бесиха», Лаушкин пришел в недоумение. Куда же девалась Бесиха? А может, ее все-таки не было? И Лаушкин пишет письмо одному из жителей деревни Бесов Нос Александру Павловичу Журавлеву: «Как теперь называется маленький островок, который находится прямо против мыса, где маяк? Имелись ли у этого островка какие-нибудь другие названия, если Вы помните, и какие? Рассказывают, что кроме Беса, была еще и Бесиха. Это был рисунок или что-нибудь другое? Камень? Остров? Мыс? Куда девалась Бесиха?»

От Журавлева ответ пришел довольно быстро.

«Вы пишете: как называется тот островок, который возле маяка в нескольких метрах. Этот остров называется «Поршень». У этого острова больше нет никакого названия. И последний Ваш вопрос. Да! Бесиха была. Только не на маяке, а на Перьем Носе. Она была выбита так же, как Бес. В 1935 году она была увезена в Ленинград. Так мне сказал Рямзин П. А.» П. А. Рямзин — это один из старейших жителей Бесова Носа, смотритель маяка, его Лаушкин знал и не верить ему не мог. Значит, Бесиха пропала по дороге из Карелии в Ленинград? Сбежала, что ли... Впрочем, тут уж было не до шуток. Добро бы пропала мифическая Бесиха — как говорится, пропала, ну и бес с ней! А то ведь исчез исторический памятник, ради которого снаряжаются экспедиции, профессора едут в далекую деревню, гремят взрывы, перед такими «бесами» с почетом открываются двери Эрмитажа...

Но, с другой стороны, изображения Бесихи никто из ученых, исследовавших эти места до взрывов, никогда не видел, и ни разу ни в каких научных отчетах и описаниях оно не упоминается. И Швед и Равдоникас приводят только географические названия.

Было отчего поломать голову. Вероятно, — приходит в конце концов к выводу Лаушкин, — все эти сбивчивые слухи отражают какое-то замешательство умов. По-видимому, в сознании бесоносовцев прочно засела уверенность, что изображение «бесихи» существовало, но никто не может объяснить, куда оно делось. Значит, Бесихи не было?

ОХОТНИКИ — ХУДОЖНИКИ

 рубая техника выполнения рисунков — все они выдолблены заостренным камнем — позволяет предположить, что история их началась в каменном веке. Их авторы не знали еще земледелия и скотоводства — они были охотниками и рыбаками. Это ясно отразилось в тематике рисунков: нет ни лошади, ни коровы, ни свиньи, ни плуга. Зато множество дичи, рыбы и лесного зверя: лось, медведь, тюлень, утка, лебедь, налим, осетр. Есть и собака. Есть сценки охоты.

Многие изображения, особенно беломорские, очень реалистичны. Умело схвачены и талантливо переданы пропорции фигур и все характерные детали — горбатый нос лоса, ветвистые рога оленя, напряженные позы наклонившихся вперед лыжников. Длинные вереницы оленей сходятся к одному месту, а за ними человек, целящийся в них из лука. Это охота загоном — зверей гонят к одному месту... Первобытному охотнику так хотелось, чтобы звери бежали туда, куда нужно! И он прибегал к магическим средствам: рисовал то, что желательно, в надежде, что это сбывается — у всех первобытных народов была сильная вера в силу изображений, в их связь с самими изображенными предметами и существами. Только надо нарисовать как можно более реалистично, чтобы было очень похоже!

Археологам сейчас хорошо известно, как жили люди в древней Карелии. Раскопаны остатки шалашей и землянок со входом через крышу. В землянках жили зимой, в шалашах — летом. На полу жилища обычно лежат кучи че-

репков глиняной посуды, вперемешку с разломанными костями диких животных, птиц и рыб, а также кремневые ножи, скребки и просто обломки кремня, костяные иглы. В центре — очаг из камней, в котором горел костер (от костра остались уголь и пепел), а рядом — длинная куча песка: лежанка. Археологам удалось установить, что все эти поселки — возле современных Нарвы, Лавамяки, Питкяярви, близ Токсово или совсем близко от Ленинграда, у Лахты и Тарховки, а также во многих других местах — существовали в III и II тысячелетиях до н. э., то есть 3—4 тысячи лет тому назад.

Какие племена это были, на каких языках разговаривали — точно не известно. Но мы знаем, что непосредственно до русских на лесном севере жили племена, родственные нынешним эстонцам, карелам, финнам. Это упоминаемые в летописи чудь, водь, весь (остатки этого племени — вепсы — и сейчас составляют несколько деревень под Ленинградом). Подтверждение можно видеть в географических названиях нашего лесного севера — большая часть рек и озер носит названия, которые для русского уха звучат бессмысленно, как непонятные звуко сочетания, а расшифровываются с финского и эстонского языков: Нева означает «болото», «мох», Ладога — «волнистая» или «последняя», Онега — «громкая», «звучная».

Поэтому, если мы хотим понять смысл онежских наскальных изображений, лучше всего обратиться к преданиям и мифам прибалтийско-финских и, может быть, соседних с ними скандинавских народностей.

ПОЛОСАТЫЕ ЛЕБЕДИ

 реалистичны не все рисунки. Уже сами внешние особенности многих персонажей этой наскальной картинной галереи показывают, что здесь имелись ввиду не обычные, а какие-то сверхъестественные существа, и что, следовательно, изображения были священными, возникшими на поч-

ве первобытных верований, религии. Возьмем, например, фигуру лебедя. Разве бывает у реального лебедя такая длинная шея, раза в четыре длиннее туловища? А что за расцветка — откуда черный цвет, к чему полосы?

Ведь черные лебеди водятся только в Австралии, а полосатых лебедей вообще не бывает.

И вот оказывается, что у северной народности саами (по-старому — лопа-рей) известны такие образы. Но это не обычные птицы — это души умерших. Путешественник прошлого века Н. Харузин, побывав у саамов, записал, что, по их поверьям, духи из страны усопших принимают иногда вид птиц, в том числе лебедей. Но эти лебеди отличаются от обычных невиданным оперением. «Одни из них, — пишет Харузин, — были белого цвета с черными полосами, другие совершенно черные, третьи с белыми крыльями, черной спиной и серой грудью».

Именно таковы лебеди на скалах Онежского побережья!

На многих онежских петроглифах представлены изображения лодок — длинных, со скульптурной головой лоса на носу. Возможно, что так выглядели и обычные лодки — мы знаем, что позже и другие мореплаватели украшали высокие носы своих кораблей резными изображениями голов зверей и фантастических чудовищ. Но пересчитайте, сколько людей сидит в лодках (черточки обозначают, конечно, гребцов или пассажиров) — 3, 9, 14, 20, 21... Да что же это — какой же величины были эти челны каменного века?

Один челн каменного века, или даже немного более поздний, был найден при прорытии Ладожского канала и описан еще лет сто тому назад профессором Иностранцевым. Челн выдолблен из цельного ствола, и, судя по сохранившейся части, длина его не превышала 8—9 метров. Посадить в такую лодку два десятка человек — верный способ отправить их на дно. Значит, это какие-то фантастические лодки.

И снова мы находим разгадку в народных преданиях Севера: карело-финский эпос «Калевала» так описывает лодки Страны Мертвых — Похьелы:

Лодка с Похьелы подходит,
Сотней весел бьет по морю.
Сто мужей сидят у весел,
Тысячи сидят там в лодке.

Значит, черточки изображают не живых людей, сидящих в лодке, а мертвых или, вернее, души умерших. В древнем мире было очень широко распространено представление о том, что царство мертвых, куда отправляются души умер-

ших, находится за какой-то водной преградой, через которую душам предстоит переправляться. Самый раз вспомнить те монеты, которые вкладывались в рот покойникам у древних греков, чтобы умерший мог заплатить Харону — перевозчику через Реку Забвения, или те лодки, которые опускались в гробницы знатных египтян или строились из камней на могилах знатных норманнов. У карельского народа обитель смерти — ее еще звали Туонела или Манала — представлялась островом, куда можно попасть только на лодке. Когда герой «Калевалы» Вяйнямейнен решил туда отправиться,

Старый, верный Вяйнямейнен
громким голосом воскликнул
Там у Туонелы потока,
Маналы у вод глубоких:
«Дочка Туони, дай мне лодку,
Дай паром мне, дочка Маны,
Чтобы реку перейти мне,
Через пролив туда добраться».

Более того, в соответствии с таким представлением саамы выбирали места для кладбищ «за водой», лучше всего на островах. Известны их старые кладбища на специальных «могильных островах» озер Имандра и Енозеро. Но даже если они хоронили покойников не на острове, то все же клали на могилы весла.

Но зачем было жителям Онежского побережья выбивать на камне изображения лодок с покойниками? Здесь возможны по меньшей мере два ответа. Первобытные люди свято верили в силу изображений. Поэтому вполне возможно, что изображения предназначены были способствовать тому, чтобы покойники благополучно переплыли «за воду». С другой стороны, первобытные люди верили, что изображение — как бы часть самого предмета. Известно, как туземцы некоторых отсталых стран боялись зеркал, фотоснимков, рисунков и т. п. Изображение беззащитно, а испортить его — значит повредить самому человеку. Поэтому Лаушкин отвергает трактовку этих рисунков, как магических изображений реальных похорон. «С точки зрения первобытного сознания это было бы совершенно ненужное и, пожалуй, даже опасное действие: ведь души мертвых, которых специально препровождали «за воду», могли остаться на берегу, в этих

изображениях. От этого мог произойти вред как для мертвых, так и для живых».

Лаушкин предпочитает другое объяснение: это были изображения таких похорон, в которых реальных покойников не было. В случаях, когда люди бесследно гибли — в лесах, на озерах, в стычках с врагами, не было трупов, не было и душ поблизости. Но строгий обычай требовал захоронения сородичей на родовом кладбище — в рисунках. Хоронили так тех, кого нельзя было отправить туда на самом деле.

Какое из обоих объяснений вернее, пока трудно сказать. Оба возможны. Ясно лишь одно — что рисунки изображают умерших.

Но какое бы из двух возможных объяснений рисунков лодок ни предпочтешь, встает вопрос: куда же отвозили первобытные онежцы своих реальных покойников? Ведь где-то «за водой» должен так или иначе находиться действительный Остров Мертвых — вроде саамских «могильных островов» на озерах Имандра и Енозеро. В какой его искать стороне?

ОСТРОВ МЕРТВЫХ

Вход в мрачное подземное царство Похъелу, Страну Мертвых, карело-финский эпос указывает то на севере, то на западе — там же, где помещается Страна Мертвых у многих других древних народов.

Бесов Нос и другие мысы с большим количеством наскальных изображений — это восточное побережье Онежского озера. На северо-западе от них в одном-двух днях плавания лежат два небольших острова: Оленьи острова — Северный и Южный...

В мае 1936 года Карельский научно-исследовательский институт в Петрозаводске получил сообщение с Южного Оленьего острова: «При разработке известняка встречаются черепа и другие человеческие кости». Через несколько дней на остров приехал сотрудник института. В обрыве у края известнякового карьера он увидел не только человеческие кости, но и каменные орудия. Собрал небольшую коллекцию и тотчас препроводил ее в Ленинград, в Институт археологии Академии наук.

Уже в июне из Ленинграда были направлены в Карелию двое археологов на разведку, а когда они сообщили, что обнаруженный могильник каменного века превосходит многие другие своими размерами и что карьер его разрушает, из Ленинграда на Онежское озеро отправилась большая археологическая экспедиция, которую возглавил профессор Равдоникас. В ней участвовали и

студенты и даже один школьник, кстати, впоследствии сам ставший археологом.

В большинстве случаев покойники лежат на спине головой к востоку, т. е. так, что стоило бы им встать — и они оказались бы лицом к западу. Из 177 выкопанных скелетов пять оказались в стоячем положении, причем лицом к западу, к Стране Мертвых. Таким образом, найдены и сами авторы наскальных изображений с Бесова Носа, и мы видим, как они одевались — украшения из зубов бобра на голове, ожерелье из клыков хищников — и даже знаем их в лицо: известный ученый профессор М. Герасимов восстановил по черепу, как выглядели лица оленеостровцев — мужчины и женщины.

В числе вещей из могил особенно интересны коленчатые жезлы, сделанные из рога северного оленя и завершающиеся на конце головкой лося — как носы лодок с восточного берега Онежского озера. В числе наскальных изображений там, на берегу, есть рисунки таких именно жезлов (до раскопок было непонятно, что они изображают).

Эти жезлы скорее всего были магическим оружием. Но важно не это. Важно то, что они подтверждают связь оленеостровского могильника с наскальными изображениями восточного берега озера. Тем самым они подтверждают смысловую связь наскальных изображений этого берега с подземным миром — Страной Мертвых.

КТО ПРАВИТ ПОДЗЕМНЫМ ЦАРСТВОМ?

С этой точки зрения и надо подходить к изображению Беса на треснувшей скале. По правую руку от него нарисована огромная ящерица — большая лебедя, по левую — еще более огромная рыба — налим. У многих народов «ползучие гады» считались выходцами из преисподней. В «Калевале» железный частокол, которым окружен двор Похъелы, описан так:

Вместо прутьев там гадюки,
Ящерицы вместо связок,
И играют там хвостами
Да шипят все головами,
Дол шипеньем оглашают.
Головы приподнимают.

Налим — похожая на змею длинная темнокорая пятнистая рыба с тупой мордой — по всей Сибири считалась связанной с силами преисподней. И в «Калевале» Лоухи, отказывая жениху своей дочери Илмаринену, говорит:

За тебя я дочь не выдам...
Я скорее брошу дочку,
Это детище родное,
В страшный зев налима Маны...

Писатель и археолог Линеvский заметил, что трещина, расколовшая как раз пополам центральную фигуру — Беса, — образовалась не после нанесения рисунка, а до того: ее края обиты. То есть рисунок нанесен на уже существовавшую трещину, как бы оформляя ее. Другой археолог — Лаушкин — привлек к объяснению этого факта мифологию северных народов. По саамским поверьям, вход в подземное царство мертвых имеет вид трещины в земле. В «Калевале» Вяйнемейнен, приехав в Похъелу,

Видит трещину в утесе,
В камне узкую полоску.

Вяйнемейнен заглянул туда и — о ужас:

Змеи там хлеблют сусло,
Пиво пьют в скале гадюки,
В недрах этого утеса,
Что похож на печень цветом.

Итак, на скале — различные образы Царства Мертвых, на главном месте — два чудовища преисподней, а в центре между ними еще более огромное страшное человекообразное существо, разделенное как раз пополам трещиной в ска-

ле — как бы олицетворяющее собою вход в преисподнюю. Кто же это?

Очевидно, божество смерти, властвующее в Стране Мертвых. Придя в эти места, христианское население приняло этот образ за персонаж христианской мифологии и окрестило «Бесом».

Но фигура с Бесова Носа — это персонаж совсем другого круга представлений, другой мифологии. И имя у него было первоначально какое-то другое.

Но прежде чем говорить об имени, надо бы определить пол этого божества. Кто это — бог или богиня? По самому изображению это не ясно.

Остается обратиться снова к северной мифологии. Это и сделал К. Д. Лаушкин.

— У ряда народов, — говорит он, — известны представления о божестве нижнего мира как о женщине, а не мужчине. По верованиям нанайцев (гольдов) главой селения мертвецов является женщина... Эвенки рассказывают, что когда шаман приводит в мир мертвых на плоту душу покойного, ему навстречу выходит хозяйка подземного мира, от которой зависит — пустить или не пустить туда умершего. У нганасанов владычица нижнего мира рисуется как пожирательница душ умерших. Она живет в земле, под дерном и жадно разевает пасть, через которую в ее утробу попадают души умерших...

Узнаете? Вот оно, это страшное человекообразное существо с Бесова Носа! В образе женского божества смерти отразились религиозные представления людей эпохи материнского рода, когда женщина считалась главнее мужчины, когда женщины главенствовали на этом и, как видите, на том свете.

Имя этой богини узнать нелегко. У наиболее близких к Онежскому озеру народов Севера ее звали по-разному. В «Калевале» богиня смерти носит имя Кальмы:

Смерть уж пасть свою открыла,
Кальма голову склонила,
Чтоб схватить того героя,
Поглотить там Каукомьели.

Некоторые данные указывают, что карело-финский эпос считает такой богиней жену Туони, хозяйку Туонелы.

У древних германцев богиня смерти звалась Гэль («Гэль жрет людей» — говорится в их эпосе); саамы (лопари) вообще рассказывали о каких-то безымян-

ных старухах, которые в Стране Мертвых поедают людей... Во всяком случае, как бы это божество ни называть, оно — женщина.

БЕДСТВИЯ БЕСИХИ

Исходя из этих сведений, Лаушкин разгадал загадку пропавшей Бесихи. Изображение на треснувшей скале — это она и есть. Всегда было одно изображение, а не два. Зная, что старое население почитает эту фигуру как злую богиню, христиане ее и должны были назвать Бесихой, а не Бесом. Бес был присочинен потом. Зачем? Да просто потому, поясняет Лаушкин, что психология патриархального крестьянства плохо мирится с тем, чтобы женщина была без мужчины, без хозяина. Вот и Бесиху «выдали замуж». Только где же поместить мужа?

Вернемся к самому раннему варианту легенды — тому, который больше столетий назад записал П. Швед. Прочитайте его еще раз внимательно. Разве Бес в нем помещается на берегу? Нет! Там осталась Бесиха, а Бес, отломив кусок мыса, упал с ним в озеро да там и остался. Так что именно Бес и был привязан легендой к острову Поршень, а на главном месте жила Бесиха. Как видите, легенда ясно и недвусмысленно подтверждает, что фигура считалась женской.

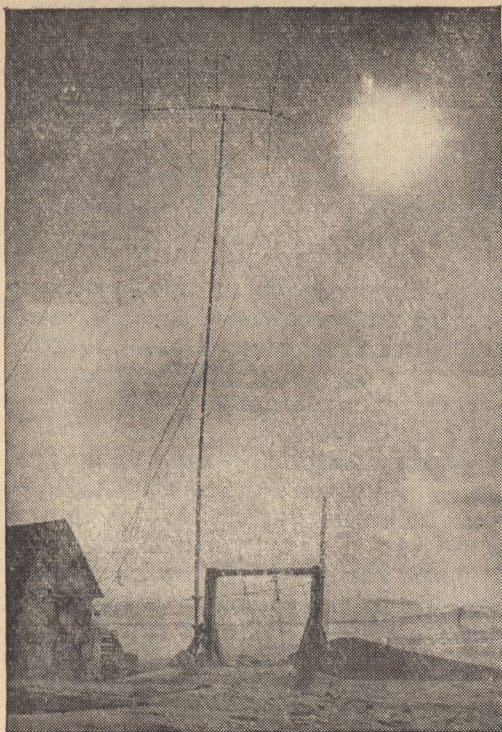
Но такое представление было чуждо понятиям старого крестьянского мира: как это так, жена на первом месте, а муж — на втором; жене — центральный участок, а муж — невеста где?! И как только забылись древние предания, все было переделано по-своему. Бес и Бесиха поменялись местами. Первое место в супружеской паре должен занимать мужчина, то есть Бес. Значит, центральная фигура — это, конечно, он. А бедная Бесиха оказалась на маленьком

островке. Только ведь ее изображения там нет, да и по легенде ей там не место. Новая версия была шита белыми нитками: в легенде все оставалось по-прежнему — Бес стащил островок в озеро... Так Бесиха осталась без места.

— Образ «Бесихи», — заключает Лаушкин, — оторвался от своего изображения, которым незаконно завладел мужской дух, и долгое время мыкался по островам и мысам Бесоносовского района. Не было ни одного подходящего изображения, в которое он мог бы воплотиться. В настоящее время эволюция предания подошла к концу. Народное сознание успокоилось на мысли: «Бесиху» увезли в Ленинград.

...Итак, Бесиха нашлась. Разыскал ее по «бесовым следам» в конце концов Лаушкин. Собственно, «бесовыми следами» зовут в народе одну из разновидностей петроглифов — изображения отпечатков большой человеческой ступни с пятью пальцами, то правой, то левой. Цепочка таких следов протянулась недалеко от водопада Шойрукша, на островке в низовьях реки Выг, близ Белого моря (островок называют «Бесовы следки»). Пересекая большое скопление фигур животных, следы приводят к человекообразной фигуре. Московский профессор А. Я. Брюсов и за ним Столяр и Доманский, авторы книги «По бесовым следам», считают ее божеством охоты, «хозяином» лосей, оленей и прочей живности, а следы имеют магическое значение — они должны околдовать животных и обеспечить удачность охоты. Очень возможно. А может, это опять Бесиха?

«ПОЛЯРНИКИ»

На острове Врангеля, на берегу бухты Сомнительной, приютился маленький поселок...

На острове Врангеля, на берегу бухты Сомнительной, приютился маленький поселок: с полдюжины домов, метеостанция, склады, а над всем этим — высокая антенна. Живут в этом поселке бородатые полярники и двое мальчишек — Олег и Сережка. А однажды под вечер, когда тусклое зимнее солнце уже наполовину спряталось за торосы, в поселке появился еще один «полярник» — Умка.

Умкой чукчи называют белого медвежонка. Где-то в торосах он, заигравшись, отстал от матери, долго брел наугад, надеясь, что холодный колючий ветер вместе со снегом донесет запах родной берлоги... Но не было ни берлоги, ни матери. А под вечер Умка свалился с сугроба в какую-то яму, долго барахтался в снегу, наконец выбрался и заскулил: ему стало совсем холодно. Ветер донес запах жилья, Умка побрел наугад, наткнулся на стену, тут было тихо. Умка поскулил и спрятал замерзший нос между лап. Там, за стеной дома, его и нашел бородатый полярник.

Когда Иван Акимович стал сдирать с его глаз и носа оледеневший снег, Умка стал кусаться и царапаться. Руки полярника пахли бензином...

Дома Иван Акимович дал Умке молока и вареного мяса, и медвежонок подобрел. Отогрелся, отоспался Умка в доме полярника, а утром Иван Акимович познакомил его с Олегом и Сережкой.

Всю зиму Умка со своими друзьями кувыркался в сугробах, нередко его брали даже в поездки по острову на вездеходе... Но пришло лето, в поселок прилетел самолет, и Умку увезли. Теперь юный «полярник» будет жить в зоопарке...

В самолете, который должен отвезти Умку в зоопарк, медвежонка встретили радостным визгом маленькие «полярники», собранные со всего острова.

*Всю зиму Умка со своими
друзьями кувыркался
в сугробах...*

*Вездеходе, конечно, пах-
нет бензином, но зато
тепло даже в самую
лютую вьюгу*

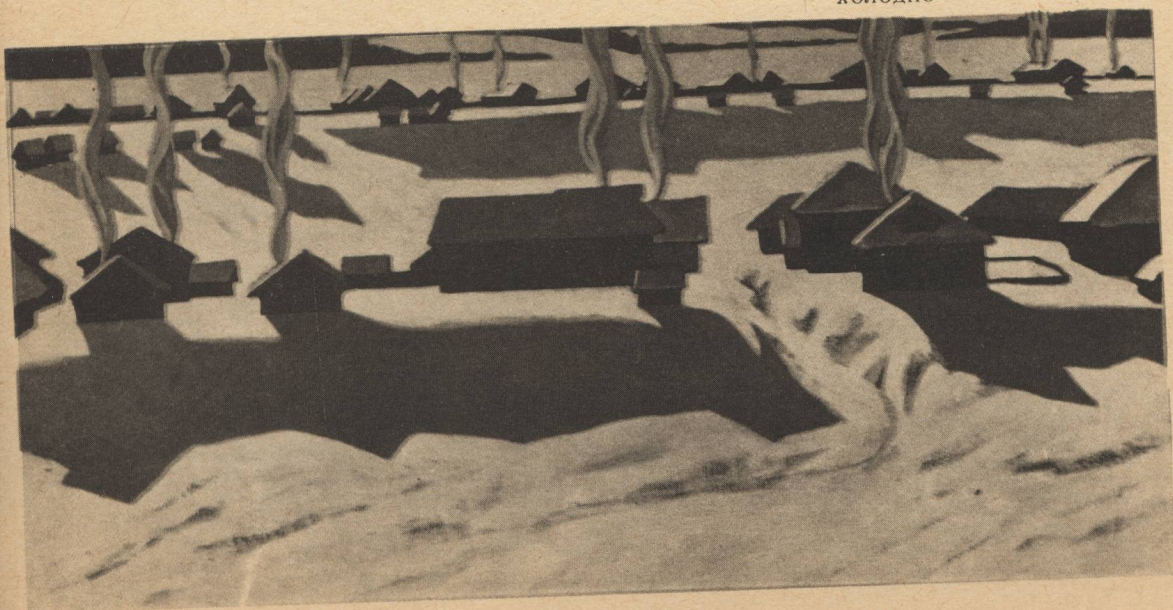

С. РОМАНОВ (Свердловск)

МОИ РОВЕСНИКИ

А. ЧЕРМОШЕНЦЕВ (Омск)
У РЕКИ

Д. ТУТУНДЖАН (Вологда)
ХОЛОДНО

А. МУРЫЧЕВ (Тюмень)

ТОБОЛЬСК. БУГОР КРЕМЛЯ

СЛЕДОПЫТСКИЕ ДЕЛА • СЛЕДОПЫТСКИЕ ДЕЛА

Четыреста пап и мам, дедушек и бабушек учащихся школы № 39 города Уфы награждены орденами и медалями. Среди них семь Героев Советского Союза и один Герой Социалистического Труда. Об этом рассказывают школьные следопыты. Сейчас обсуждается проект обелиска, который будет установлен у входа в школу в память о тех, кто погиб в годы Великой Отечественной войны.

Геологи школы № 39 прошли по маршруту: Уфа — Чилино — Красный Ключ — Павловка — Аскино — Красноуфольск — Табынск — Уфа. Они нашли много минералов Башкирии.

Домик, в котором жили Сергей Миронович Киров и Александр Евгеньевич Ферсман, восстановили следопыты Мурманской области.

Они провели поход по местам, связанным с деятельностью этих замечательных людей.

В домике открыт музей. Молодежь области знакомится здесь с жизнью тех, кто закладывал первые камни в фундамент крупнейшей в Советском Союзе фабрики удобрений.

Следопыты Минска восстановили лагерь народных мстителей, которыми командовал Герой Советского Союза генерал-майор Василий Захарович Корж. Молодежь города нашла и восстановила командный пункт и рубеж обороны гвардейской стрелковой дивизии, оборонявшей в июне 1941 года подступы к бело-русской столице.

В 1919 году, в глубоком тылу колчаковской армии, недалеко от Акмолинска, вспыхнуло восстание, получившее впоследствии название «Мариинского». Оно охватило сотни сел и деревень...

Комсомольцы и молодежь Астраханского района Целиноградской области прошли по местам восстания своих земляков. Они встречались с участниками и очевидцами восстания, записывали их воспоминания, нашли документы, оружие тех лет.

Теперь в совхозе «Красносельский» открыт музей. А 13 мая — в годовщину Мариинского восстания — у памятника расстрелянных партизан проводятся митинги, торжественные пионерские сборы.

Жители Волгограда свято чтут память погибших в борьбе за нашу Родину. Многие площади, улицы, школы носят имена героев.

Второго февраля — День памяти погибших. В Волгограде проходят митинги, встречи с участниками боев.

По предложению горкома ВЛКСМ установлен пост у вечного огня на Площади павших борцов. Каждый день с 8 часов утра до 20 вечера стоят в почетном карауле лучшие школьники города. Ребята одеты в специальную форму, в руках у них автоматы участников Великой Отечественной войны.

Пять тысяч километров — путь отряда молодых томичей. По местам становления Советской власти в Западной Сибири и Урала, по новостройкам — от Нарыма до Ленинграда — прошел их маршрут.

По местам боев 3-й гвардейской стрелковой дивизии, сформировавшейся на Урале, провели поход следопыты алюминиевого завода Каменска-Уральского Свердловской области.

Юные следопыты Стерлитамакского района Башкирии летом озеленяли села и деревни, охраняли парки, водоемы, пещеры и природные памятники.

А ребята Акъярской средней школы Хайбуллинского района республики изучали труд хлеборобов и животноводов, проводили встречи с Героями Социалистического Труда.

НАШ МУСА

Хадича ЗАЛИЛОВА

Двадцать седьмой год. Осень. Муса уезжает учиться в Московский университет. Друзья пришли проводить его. Невесело было в этот день в нашем доме. Девушки пели грустные песни о разлуке, а мама все время плакала, будто сердцем чувала, что не доведется ей больше увидеть сына.

Муса старался шутками подбодрить мать и товарищей:

— Можно подумать, что вы меня на войну провожаете.

Но глаза и у него были грустные.

Давняя, затаившаяся болезнь матери после отъезда Мусы вспыхнула с новой силой. Зайнаб увезла нас к себе в надежде, что казанские врачи помогут маме. Но и они были уже бессильны что-нибудь сделать. Мама возвратилась из Казани в Оренбуржье, в наше родное село Мустафино. Я просила ее взять и меня с собой, но она сказала:

— Нет, доченька, мне умирать, а тебе еще жить да жить. Постарайся выучиться, не жалея для этого сил. Ты не должна отрываться от сестры и брата, они помогут тебе встать на ноги.

Мама вскоре умерла. А спустя много лет в селе было найдено ее завещание детям — небольшое стихотворение. В нем мама наказывала нам быть честными и правдивыми, сокрушалась о том, что оставляет сиротами двух дочерей, Зайнаб и Хадичу, и просила Ибрагима и Мусу заменить им отца и мать. Стихи поражают задушевностью и теплотой.

В Казани я жила вместе с сестрой в общежитии рабфака, спала с ней на одной койке, и она делила со мной свою единственную тарелку супа.

Школа моя находилась очень далеко от общежития. Сестра иногда выкраивала мне немного денег на трамвай, но я отправлялась в школу пешком, чтобы в воскресенье купить билет в кино.

Муса, узнав, что в школе преподает его давний друг поэт Хасан Туфан, написал ему из Москвы: «Прошу тебя: присмотри за сестрой, не оставляй ее в трудные минуты».

Хасан Туфан занимал маленькую комнату в верхнем этаже школьного здания. Он был тихим, спокойным человеком, очень любил детей. Его уроки всегда проходили очень интересно. Я быстро привязалась к нему.

Помню, в городе шла картина «Багдадский вор» с участием Дугласа Фербенкса, а купить билет было не на что. После уроков я поднялась к своему учителю. Он встретил меня радушно, усадил за стол,

стал угощать чаем, расспрашивал о сестре и брате. Я отвечала рассеянно, никак не решаясь сказать о цели своего визита.

— На дворе темно, я боюсь идти домой пешком... — выпалила я одним духом.

О, добрый мой учитель! Он дал мне на трамвай гораздо больше, чем требовалось. Я помчалась домой бегом, а утром отправилась на первый сеанс в кино.

После этого случая я частенько обращалась с подобными просьбами к своему безотказному покровителю.

Через несколько лет Хасан Туфан стал известным поэтом. В феврале 1966 года, по случаю шестидесятилетия со дня рождения Мусы Джаляля, он приехал к нам в Оренбург вместе с группой писателей Татарии. Та же внимательность к людям, те же добрые ласковые глаза.

Я смеясь спросила у Туфана, сколько задолжала ему в далекие годы своего детства.

— За давностью долг ликвидируется, — ответил он с улыбкой.

На мизерную стипендию Зайнаб жилось нам в Казани нелегко. Муса присылал ежемесячно по десять — пятнадцать рублей, но и этого не хватало. Однажды Муса написал, что будет лучше, если Зайнаб отошлет меня к нему в Москву.

Сборы были недолгими. И вот я, обхватив руками свой сундучок, еду в общем вагоне московского поезда. Муса обещал встретить меня на Казанском вокзале в Москве. Выйдя на перрон, я стала искать глазами брата, но его не было.

Вдоль платформы стояли скамейки, на них сидели мужчины и женщины с мешками, чемоданами, корзинами.

Не зная, как сказать по-русски: «посмотрите, пожалуйста, за моими вещами», я молча поставила свой сундучок возле одной из скамеек и, ни слова не сказав, побежала со слезами на глазах вдоль платформы.

Тут ко мне подошел человек:

— Ты Залилова, да?

Оказывается, Мусе в университете дали бесплатную путевку в Крым, и он уехал отдыхать, поручив своим друзьям встретить меня.

В тот же день меня отвели в татарский детский дом в Мало-Татарском переулке. Очевидно, брат заранее там обо всем договорился.

В одну из суббот пришел Муса и увел к себе в общежитие, где для меня был приготовлен не-

обыкновенный подарок — целый ящик винограда и яблок.

Быстро прошло воскресенье. В понедельник я стала плакать: мне не хотелось возвращаться в детдом. Брат ласково упрасивал потерпеть, пока он окончит университет и получит работу и комнату.

— Мы будем встречаться каждую субботу и воскресенье, — говорил он, — да и в другие дни я буду тебя навещать.

Нередко, приходя к брату, я находила его в саду университета углубившимся в книгу. Однажды мне пришлось наблюдать такую картину: Муса сидел, склонившись над книгой, и, казалось, ничего не замечал вокруг. Временами он вскрикивал, хлопал себя по колену, и вновь замирал. Оказывается, брат читал «Цусиму» Новикова-Прибоя.

Потом, по дороге в студенческую столовую, он с таким увлечением рассказывал мне о цусимском сражении, будто сам был его участником.

Вскоре Мусу назначили редактором детского татарского журнала «Дитя Октября». Молодой редактор сумел сколотить в школах, детских домах и пионерских отрядах многих городов и сел такой многочисленный отряд юных корреспондентов, что они буквально завалили редакцию рассказами, стихами, критическими заметками. Зная, что в журнале платят гонорар, решили и мы с другой заработать немного денег — на французские булочки. Не приложив большого труда, написали стихи и отнесли брату. Стихи были очень плохие. Прочитав их, Муса сначала засмеялся, а потом вдруг посерьезнел и спросил, почему мы решили писать стихи и долго ли над ними трудились.

Мы честно сознались, что хотели заработать.

Муса долго и терпеливо разъяснял нам, что стихи нужно чувствовать сердцем, а не смотреть на них как на источник дохода:

— Если бы все поэты прежде всего думали о гонораре, то их стихи никто бы не стал читать, потому что они были бы неискренни.

Муса открыл папку и с чувством прочитал нам несколько стихотворений своих юных корреспондентов. Видимо, эти стихи брат ценил особенно высоко. Бережно закрыв папку, он любовно погладил ее рукой.

Наше стихотворение он вернул нам и... дал денег на булку. Мы ушли пристыженные.

Детдом наш был далеко не образцовый. Больше половины ребят — это недавние беспризорники и воришки. Многие из них были вооружены финками и никому не подчинялись. Муса решил повлиять на ребят печатным словом. И вот на страницах его журнала стали появляться статьи о нашем детдоме, сатирические рассказы, карикатуры на самых отчаянных хулиганов. И это не замедлило сказаться на... деткорах из числа наших воспитанников и на мне. Хулиганы били нас смертным боем после каждой такой статьи или карикатуры. Деткоров — за то, что пишут в журнал, а меня — за брата-редактора. Жизнь стала невыносимой. Ни директор, ни воспитатели ничего не могли поделать. Муса был в отчаянии. Он часами беседовал с детьми, рассказывал интересные истории, читал стихи. Словом, всячески старался отвлекать ребят от дурных дел. Но во главе хулиганст-

Муса Джалиль. 1941 г.

вующей группы стоял очень злой и мстительный переросток Хафиз. Дети его смертельно боялись и беспрекословно подчинялись ему. Лишь после того, как детдом преобразовали в школу-интернат, там стало спокойней. Но я к этому времени уже училась в школе ФЗУ: не дождавшись перемен, я убежала из детдома.

Осенью, узнав, что на станции Болшево прирядильной фабрике создана школа ФЗУ, я подала туда заявление.

Почти с первого дня учебы мне пришлось приступить брать основы русского языка. Мне помогали все. Преподавательница русского языка была внимательна ко мне и часто оставалась со мной после уроков. Придя в общежитие, я не успевала еще снять пальто, как подруги начинали «занятия»:

— Скажи «здравствуйте!» — наставляла одна.

— Что ты сейчас с пальто сделала? Повесила? Повтори: «повесила», — требовала вторая.

Если я жестом просила что-нибудь подать, меня заставляли повторить название этого предмета и только тогда выполняли мою просьбу. И даже ночью, в постели, когда я уже засыпала, в ушах у меня звенело:

— Скажи: спокойной ночи! Не ночи, а ночи. Повтори...

Через три-четыре месяца я начала сносно разговаривать, бегло читать и даже писать сочинения.

Обо всем я рассказывала брату. Он радовался вместе со мной и советовал:

— Читай больше художественных книг, это сильно тебе поможет.

На фабрике не хватало рабочих рук. Поэтому учащихся школы ФЗУ, успешно усвоивших учебную и производственную программу, выпускали раньше времени. Я тоже досрочно окончила школу ФЗУ и заняла рабочее место рядом со старыми, опытными работниками. Нам, молодым, трудно было угнаться за ними, но мы старались от них не отставать. Домой приходили смертельно усталыми и прямо-таки валялись с ног.

Брат, шутливо представляя меня друзьям, говорил:

— Вот, познакомьтесь: рабочий класс. Четыре станка обслуживает. Это вам не стихи писать!

Муса интересовался жизнью и бытом фабричных рабочих, просил меня записывать услышанные на фабрике поговорки, рассказы, песни, прибаутки и даже анекдоты. Как-то я рассказала ему об озорном мальчишке, который, пытаясь дотануться до звонка у двери, попросил прохожего нажать за него кнопку, а когда тот нажал, проговорил:

— Айда, даяд, тикать, а то нам с тобой так попадет, что ноги не унесем!

Муса хохотал до слез, заставляя рассказывать еще и еще, а спустя некоторое время снова вспоминал и опять хохотал. Каким неиссякаемым чувством юмора надо было обладать, чтобы спустя двенадцать лет вспомнить об этом в застенках страшной фашистской тюрьмы (стихотворение «Звонок»)!

У нас на фабрике существовала так называемая черная касса. Опоздавшего на десять минут рабочего не пропускали на территорию фабрики, и он попадал в число прогульщиков. Когда приходило время получать зарплату, прогульщикам выдавали ее в «черной» кассе.

Если учесть, что поселок был большой, а транспорта — никакого, особенно трудно приходилось женщинам, обремененным домашними заботами и составлявшими большинство работающих на фабрике. В дни получек в «черную» кассу, расположенную во дворе фабрики, иногда выстраивалась очередь длиной змейкой. Приходилось иногда стоять в этой очереди и мне.

Муса частенько спрашивал:

— Ну, в какой кассе нынче получала деньги?

Один раз он взял лист бумаги и тут же карандашом набросал огромную черную кассу со злыми вытаращенными глазами, с густыми, ошетилившимися бровями и ртом в виде окошечка, а у окошечка — меня, пришибленную, с падающими на землю круглыми огромными каплями слез.

Я засмеялась и сказала:

— Во-первых, я там бываю не одна, а, во-вторых, хотела бы я видеть, в какой бы кассе ты сам при твоей «аккуратности» получал бы зарплату, если бы у вас в консерватории была тоже черная касса (Муса в это время работал в татарской студии при Московской консерватории).

Брат улыбнулся и снова склонился над бумагой. Вскоре у «черной» кассы выстроилась очередь в форме скрипичного ключа: профессора с длинными бородами, музыканты со скрипками под мышкой, певицы с лисами вокруг шеи, а позади всех сам Муса — взъерошенный, с носком в руке, который он не успел надеть.

Конечно, это была шутка. Муса никогда не опаздывал на работу, хотя редко поспевал вовремя в театр, в гости и даже на поезд.

Про черную кассу он даже собирался написать юмористическое стихотворение. А над товарищами частенько подтрунивал:

— Смотри, дорогой, получать тебе гонорар в черной кассе, если не сдашь рукопись в срок.

С песней я шел сквозь пули,
С песней весну встречал,
Последнюю песню
пою я
Под топором палача...
Песни меня учили,
Как жить и как смерть встречать.
И верю я:

смерть моя
тоже
будет
песней
звучать.

«Моабитская тетрадь»

Муса приходилось жить то у одного товарища, то у другого, но больше — у типографского наборщика Абдельбара Шарипова в Неглинном переулке. Шарипов был спокойным, уравновешенным человеком. С Мусой их связывала крепкая дружба.

Брат мечтал иметь свою комнату. Пусть самую крошечную, но только чтобы он был в ней полноправным хозяином и мог, никому не мешая, писать ночами стихи.

Часто во время прогулок разыгрывались такие сценки.

Кивнув на какой-нибудь большой, уже заселенный дом, Муса требовал:

— А ну, покажи, какая квартира наша!

Я выбирала этажи повыше, с окнами, выходящими на шумную улицу. Муса отвергал мой выбор.

— Зачем нам так высоко забираться? Я и так везде и всюду опаздываю. А окна... окна должны выходить или в сад, или в тихий двор, не то уличный шум будет мешать работать. — Потом огорченно добавлял:

— Ах, как мне надо работать, как хочется работать!

Учитывая его соображения, следующую квартиру я выбирала в глубине двора, подальше от шумной улицы, но понизить этаж никак не соглашалась.

— Так и осталась у тебя любовь к лестницам! — смеялся Муса.

Вдоволь намечтавшись, мы расставались, отправляясь к своим углам в чужих квартирах.

И все же долгожданный день наступил: брату дали крошечную десятиметровую комнату на первом этаже в Столешниковом переулке. Комната была полутемная, с единственным окном, упиравшимся в стену соседнего дома. Вдобавок ко всему, в подвале был ледник. Сколько такую комнату ни топи, тепла не будет.

И все-таки мы были очень рады. Купили кровать, диван, книжный шкаф и письменный стол.

Муса работал, как всегда, по ночам. Он надевал валенки, теплый лыжный костюм. Чтобы чай не остывал, чайник приходилось засовывать под подушку.

Сунув в рот конец карандаша, Муса устремляла глаза куда-то в потолок и долго думал. В это время его лучше не окликать, все равно не услышит и не ответит. Потом, склонившись над бумагой, быстро начинала писать, смешно шевеля нижней губой. Строчку напишет и несколько раз вполголоса ее прочтет. Изменит построение фразы, подумает. И вот уже снова скрипит перо, снова Муса что-то шепчет.

Я лежу в постели и не сплю, прислушиваясь к его шепоту. Бывало, только подумаю: «как здорово у него получается!», а он уже сердито вычеркивает все написанное. Начинается лихорадочное хождение по комнате взад-вперед.

— Господи, когда ты дашь спокойно уснуть! — взмолюсь, бывало, я. — Есть же на свете нормальные люди, которые ложатся с вечера и встают утром. А ты, полуночник, сам не спишь и мне не даешь! Хотя бы днем спал побольше, а то ведь нет: подремлешь под утро часа два-три и — на работу. Разве тебя так надолго хватит?

— Что-о-о? — надвигался он на меня грозно. — Ты ворчишь на своего брата? А вот я сейчас покажу тебе, насколько меня хватит!

Я с хохотом прячусь от него под одеяло, и он, туго заперев меня, стаскивает с дивана на пол.

— Проси прощения и обещаю больше не ворчать! — требует он, наступив на меня ногой.

Я от смеха ничего не могу вымолвить, а он требует и торопит. Наконец, отдышавшись, я молю о пощаде. Муса взваливает меня, как тюк, на плечо и затем опускает на диван.

Я понимаю, что такие «развлечения» для бра-

та — необходимая разрядка. После этого он снова усаживался за стол и склонялся над бумагой.

А утром, невыспавшийся, он с одним носком в руке носился по комнате, возмущаясь пропажей второго, а когда находил его под кроватью, притворно удивлялся:

— Эй, Хадича, когда ты успела его забросить туда?

— Так ты же сам его туда кинул! — кричала я возмущенно, не понимая шутки.

— Может быть, ты скажешь, что я же и рубашку на пол бросил?

— А то я, что ли?

— Не думал, что ты будешь так несправедлива к родному брату! — сокрушался он, пряча лукавую улыбку.

А бывало и так: вдруг среди сна разбудит меня, попросит скорее встать.

— Ну, чего тебе?

— Встань — запиши, пожалуйста...

Шатаюсь спросонья, подхожу к столу и беру карандаш. Муса диктует. Кое-как нацарапав — когда целую фразу, а когда всего одно слово, — я опять бегу к постели.

— Почему сам не встанешь и не запишешь? — ворчу я.

А он виновато отвечает:

— Понимаешь: боюсь забыть, пока дойду до стола.

Днем Муса уходил на работу в татарскую студию при Московской консерватории. Студия готовила артистов для будущего театра оперы и балета Татарии. Брат в качестве литературного руководителя принимал очень деятельное участие в ее работе.

Часто вечерами к нам приходили из студии его друзья — писатели, композиторы, артисты. Они спорили, шутили, пели песни, строили планы на будущее.

Муса, как я уже говорила, играл на мандолине, но каково же было мое удивление, когда однажды у одного своего товарища (кажется, у переводчика его стихов Миниха), он вдруг сел за пианино. Я была в недоумении. Когда и где он успел научиться играть?

На рабфаке нам как-то задали на дом сочинение по роману Льва Толстого «Воскресение». Я стала просить брата написать его за меня. Он долго отказывался: мол, надо самой

ПИСЬМО ИЗ ОКОПА

Гази Кашшафу

Любимый друг!

От твоего письма

В груди моей живой родник забил.

Прочел я, взял оружие свое

И воинскую клятву повторил.

Я ростом невысок. А в тесноте

Окопной с виду вовсе не батыр.

Но нынче в сердце, в разуме моем,

Мне кажется, вместился целый мир.

Окоп мой узкий, он сегодня грань

Враждебных двух миров.

Здесь мрак и свет

Сошлись.

Здесь человечества судьба

Решается на сотни сотен лет.

Октябрь 1941 г.

уметь писать сочинения. Но потом все же пошел на компромисс: написала вступление, дала общий анализ романа, а мне предоставил охарактеризовать основных героев и написать заключение.

Когда работа была выполнена, я прочитала все сочинение брату и спросила:

— Ну, как?

Муса улыбнулся и сказал:

— Ничего.

Через неделю, когда преподаватель литературы, проверив наши тетради, стал читать вслух «мое» сочинение, студенты сразу догадались, кто мне помогал.

Один студент так прямо и сказал:

— Первую часть написал ее брат — он ведь у нее поэт!

Вечером я упрекнула Мусу:

— Если бы первая часть была похуже, тогда сочинение получилось бы ровнее. Ты меня здорово подвел.

Муса расхохотался и признался, что контраст между первой и второй частью сочинения он заметил сразу, но нарочно промолчал, чтобы мне впредь не повадно было чужой литературный труд выдавать за свой.

В 1934 году я уехала в Заполярье.

Я устроилась сотрудником местной городской газеты «Кировский рабочий».

Свои очерки я посылала Мусе на отзывы, спрашивала его в письмах, на какие темы писать.

Брат одобрял мое поступление на работу в газету. Он советовал не гнаться за количеством очерков и статей и лучше писать меньше, но интереснее.

Некоторые из моих очерков он совсем браковал, а некоторые хвалил и возвращал с исправлениями.

Во время финской войны жители Кировска шили теплую одежду для фронтовиков, вязали носки, варежки, писали на фронт письма. Я посылала Мусе копии писем, написанных мною по просьбе жильцов тех домов, в которых работала агитатором.

Брат советовал больше прислушиваться к словам матерей.

«Ласковые материнские слова лучше всего согреют душу бойцов в холодных окопах», — говорил он.

Недавно я обнаружила копию одного из тех

своих писем фронтовикам у Чулпан, дочери Мусы, и его жены Амины. Брат сохранил это письмо, а потом хранила Амина, как она бережно хранила все, что осталось у нее после мужа.

К сожалению, не долго увлекалась я журналистикой. Однажды редактор поручил мне подготовить материал о высокогорной Юкспорской метеорологической станции в Кировске. Я забралась на гору, целую неделю жила среди дружного коллектива зимовщиков, написала корреспонденцию, а вскоре навсегда связала свою судьбу с метеорологией.

Хороша твоя песня, джигит,
И любовь в ней и пламя души.
Но в годину войны, джигит,
Что ты сделал?

Что смог ты?

Скажи!

Встал ли ты, как солдат,

когда
Содрогалась в страданиях страна.
Только там, где приходит беда,
Проверяется смелость сполна.
Только в смелости воин хорош.
Пусть надежда зовет торопя!
Если мужество ты обойдешь,
То свобода минует тебя.

«Моабитская тетрадь»

Однажды к нам приехал товарищ Мусы из Казани. Когда стали ложиться спать, брат ему говорит: — Брюки у тебя, дружище, сильно помяты. Дай их мне, ночью я постараюсь погладить. Утром получишь как новенькие.

Товарищ смутился, стал отговаривать: зачем, мол, беспокоиться, заниматься глажением, да еще ночью. А брат в ответ:

— Ну что ты, какое там беспокойство, свои брюки я тоже глажу по ночам, а ты, как-никак, гость.

Словом, товарищ отдал свои брюки, и Муса, отвернув матрац на кровати, положил их на доски, придавил матрацем и улегся спать. Товарищ смотрел на эту процедуру широко раскрытыми глазами, а потом расхохотался:

— Я ведь думал, что ты и в самом деле станешь ночью гладить мои брюки!

В другой раз мы с Мусой пошли в магазин, чтобы купить мне шапку. Долго выбирали. Наконец остановились на белой плюшевой шапочке. Муса сказал, что она очень мне идет. Я тут же ее надела,

и мы вышли на улицу. Вдруг я почувствовала, что брата рядом нет. Оглянулась, а он шагает сзади и с любопытством меня осматривает.

— Что ты делаешь? — спрашиваю.

— Понимаешь, гляжу и думаю: что это за маленький мулла в белой чаалме идет впереди меня. Я обиделась.

— Ты сам выбрал шапку и сказал: «хороша», а теперь — «мулла в чаалме»?!

— Не расстраивайся. — серьезным тоном продолжал брат. — Чтобы твоя шапка не была похожа на чалму, мы приколем к ней красный бантик или,

еще лучше, перекрасим ее в черный цвет, чтобы она походила на папаху.

Однажды мы пошли с Мусой в цирк. В клоунаде выступал Карандаш. Я хорошо помню, как он пытался в паре с огромной куклой повторить танец, только что до него изящно исполненный танцевальной парой. Это было очень забавно, зрители смеялись, но больше всех, мне казалось, смеялся Муса. Он хохотал до колик в животе, по-детски вытирая кулаками слезы. Зрители оборачивались в нашу сторону и смеялись уже над Мусой.

Но вот на арену выкатили огромный ящик на колесах, и конферансье объявил, что сейчас выступит иллюзионист. Неожиданно, будто от толчка, один бок ящика отвалился, и все увидели влюбленную пару. Голова девушки была запрокинута, лицо ее закрывал козырек фуражки прильнувшего к ней мужчины.

Иллюзионист с возмущением крикнул:

— Откуда вы взялись? — и дотронулся до пары своей палочкой. Застигнутые врасплох «влюбленные» испуганно отскочили друг от друга, и... перед зрителями оказался все тот же Карандаш. Правая половина его туловища была одета в мужской костюм, а левая — в дамский. В руке он держал парик с черными локонами.

Муса был в восторге. Дома он испортил массу бумаги, рисуя позу клоуна. Он долго ломал голову над тем, как это один человек мог изображать сразу двух. На рисунке, наконец, у него начало что-то получаться, но когда он захотел проделать все сам — ничего не вышло.

Я ушла на кухню, чтобы приготовить ужин. А вернувшись, чуть не вскрикнула от неожиданности: Муса стоял посредине комнаты. Левая его рука обнимала собственную шею, правая — талию. Низко опущенное лицо скрывалось в складках левого рукава. Его ноги касались друг друга носками, как ноги двух людей, стоящих лицом к лицу. На левой был мой чулок и домашняя туфля, а задранная штанина брюк имитировала юбку.

Сходство с Карандашом было достигнуто, хотя исполнению и не хватало «чистоты».

— Откуда вы взялись? — крикнула я, подражая иллюзионисту. «Влюбленные» отскочили друг от друга, и вид у брата был, по-моему, еще уморительнее, чем у клоуна.

В конце 1935 года Муса женился. Новый, 1936 год мы — Муса, Амина и я — встречали в доме у одного писателя. За столом все смеялись, шутили, произносили тосты. И лишь Муса скромно молчал. Кто-то сказал:

— А почему Муса молчит? Пусть произнесет тост!

Все начали просить его сказать что-нибудь.

Муса встал и смущенно оглядел сидящих.

— Тосты произносить я не умею, я их никогда не произносил, но мне хочется сказать вот что: 1935 — число нечетное, и я в этом нечетном году был один. В 1936 — четном — году я тоже стал чет-

ным: у меня появилась подруга жизни, и мы с ней вместе составляем четное число — два. В нечетном — 1937 — году я мечтаю снова стать нечетным... О нет, только не подумайте, что я снова захотел остаться один! Я мечтаю, чтобы у нас появился третий член семьи — самый маленький и самый прелестный. Я прошу выпить за мою мечту! — и, нежно коснувшись губами щеки жены, Муса сел на свое место.

Тост понравился всем, а в 1937 году у Мусы и Амины действительно родилась дочка Чуапан.

В это время Муса серьезно и много работал над либретто оперы «Алтынчэч» («Золотоволосая»). Когда я приходила к ним (я тоже вышла замуж), Муса вставал из-за стола, делал несколько разминочных движений и предлагал мне сыграть партию в шахматы. Это была самая утомительная из партий, какую только мог наблюдать любитель шахмат. Я совершенно не умела играть и знала только некоторые ходы. Едва Муса передвигал фигуру или пешку, я, даже не взглянув на доску, спрашивала:

— Ну, а мне как пойти?

Он задумывался, а потом делал ход за меня.

После этого мой «противник» так углублялся в обдумывание следующего своего хода, что можно было вообразить, будто он играет с самим Ботвинником. Я, бывало, жаду, жаду. Наконец не выдерживаю:

— Ну, что ты думаешь! Ведь ты же знаешь, чем я пойду! Поставь скорее мне «мат» — и дело с концом.

Муса с разочарованным видом отодвигал шахматы и снова садился за свою работу.

При всей своей общительности Муса был очень застенчив. За столом, когда мы обедали одни или в компании его близких друзей, Муса много говорил, шутил, смешил нас. Но стоило сесть за стол кому-нибудь постороннему, малознакомому, как Мус-

У ДВЕРИ

Стоял у парадного мальчик,
Тянулся нажатъ звонок.
Его указательный палец
Кнопку достать не мог.
— Никак? —

подхожу на подмогу.

— Два раза иль три нажатъ? —
Мальчик подумал немного
И важно ответил:

— Пять!

Звоню.

А мальчик с испугом:

— Я слышу, хозяин идет...
Айда скорее за угол,
А то нам, ох, попадет!

«Моабитская тетрадь»

са смущенно замокал и в течение всего обеда не произносил ни слова. Даже забавно было смотреть на него, всего несколько минут тому назад безудержно веселого и остроумного. Белая Амина изо всех сил старалась поддержать разговор, а проводив гостей, с обидой говорила мужу:

— Люди могут подумать, что ты не рад их приходу.

Но Муса только пожимал плечами.

— Я не знаю, о чем с ними говорить, — виновато улыбался он. — Скажешь: «хорошая погода», а на дворе — проливной дождь. Ведь через наше окно не сразу разглядишь, что творится на улице!

Перебирая бумаги, оставшиеся после смерти сестры, я наткнулась на рукопись: Зайнаб писала свои воспоминания о Мусе. Видимо, какие-то дела или болезнь отвлекли ее, и воспоминания остались незаконченными. Но то, о чем она успела написать, мне кажется интересным.

В 1920—1921 годах Оренбуржье охватил голод. В нашем Мустафине, как и везде, люди целыми днями бродили по лесу в поисках съедобных трав, листьев, засохших ягод, из которых варили суп.

Так пошла собирать травы и наша соседка те-

Памятник Мусе Джалялю в Казани.

тушка Минкамаал со своей дочерью Джамилей. Не надолго хватило тетюшки Минкамаал. Истощенная, не в силах держаться на ногах, она упала и через несколько минут умерла. Бедная Джамия горько плакала над трупом матери, но принести его на руках домой у нее не хватило сил. Голодные и изуроченные односельчане тоже не смогли помочь ей. Так и остался труп лежать на земле, пока не выпал снег. Прошла зима, вернулась весна. Джамия отправилась в лес и на том месте, где умерла мать, нашла человеческий череп. Был ли это череп ее матери? Джамия не сомневалась в этом и, решив похоронить останки матери, завернула череп в свой головной платок и вернулась в село. Наша мама была первой, к кому Джамия пришла со своим горем.

Во дворе Джамия поставила свою скорбную ношу на камень и развернула узел.

Зайнаб и Муса находились тут же, как могила, утешали девушку. Под впечатлением этой тяжелой сцены Муса стал набрасывать эскиз картины.

«Камень, платок и череп получились у него удивительно хорошо, — пишет Зайнаб, — но Джамия совсем не была похожа на себя, не было даже отдаленного сходства. На рисунке Мусы она была очень красива. Золотые кудри рассыпались по плечам, по ее богатой, расшитой одежде».

— Почему она совсем не похожа на Джамия? — спросила изумленная Зайнаб.

— Это совсем не Джамия, — ответил Муса.

Кроме плачущей девушки на картине изображены белый конь с развевающейся по ветру гривой, доспехи и оружие. Вечером Муса рассказал Зайнаб, что слышал, будто в Москве есть большие сцены, куда, если это необходимо по действию, можно ввести даже коня. Вот для такой сцены он и решил написать пьесу.

...Верхом на белом коне герой-джигит уходит воевать с врагами своей страны и в неравном бою погибает. Конь возвращается без хозяина. Невеста джигита находит отрубленную голову любимого и клянется отомстить за него врагам. Она садится на коня и уходит сражаться.

«В 1930 году, — пишет Зайнаб дальше, — Муса рассказал мне еще один вариант этой пьесы:

Восемь сыновей теряет мать в войне с ненавистным врагом и отправляет девятого — последнего и самого любимого. Когда приходит весть, что погиб и этот сын, мать лишается разума».

— Это будет уже не пьеса, — говорил Муса, — а опера. Представь себе: берег реки, ветер шумит. Вот-вот ударит гром и пойдет дождь. В этот момент из-за камышей с развевающимися седыми волосами выходит безумная женщина. Протянув вперед руки, она зовет сына, ей кажется, что он идет ей навстречу. Ее безумные глаза сияют от счастья. Обняв пустоту, она с душераздирающим стоном падает на землю. И тут появляется девушка чудесной красоты — с голубыми глазами и золотыми кудрями — невеста погибшего. Она бережно поддерживает старуху и ведет в дом. Ветер и гром стихают, выглянувшее из-за туч солнце освещает двух несчастных женщин.

После долгих лет работы Муса создал, наконец, сюжет оперы «Алтынчэч».

В 1939 году в Казани на основе татарской студии при Московской консерватории открылся первый театр оперы и балета Татарии. Вме-

сте со студией перебралась в Казань и семья Джа-
лия.

Пусто стало у меня на душе. Как-то не вери-
лось, что в Столешниковом переулке мне теперь
нечего делать, что больше там не посмеешься над
шутками брата, не приласкаешь милую Чулпан.
Письма из Казани приходили редко, из них я узна-
вала, что Муса дни и ночи занят в театре (он за-
ведовал литературной частью). Кроме того, он за-
нимал пост председателя Правления Союза писа-
телей Татарии. А вскоре его избрали депутатом го-
родского Совета.

В июле 1941 года в Москве должна была со-
стояться декада татарского искусства. В репертуар
декады вошла и опера «Алтынчэч».

Двадцатого июня, всего за два дня до войны,
Муса писал мне:

«Мы ждем не дождемся твоего приезда к нам.
Об этом никаких других разговоров быть не мо-
жет... Общественные просмотры «Алтынчэч» про-
шли с большим успехом. Ты как раз приедешь к
премьере. Вообще к твоему приезду в Казани будет
много интересного, все декадные спектакли уви-
дишь. Приезжай!!!»

Это письмо я отослала перед своим отъездом
на фронт сестре Зайнаб, и она хранила его до
моего возвращения.

Я часто езжу в Казань — в город, который Му-
са после Оренбурга считал своей второй родиной.
В Казани он познал радость настоящего творчества.
Здесь живут и работают его друзья — Гази Кашшаф,
Хасан Туфан, Абзал Шамов, Сибгат Хаким, Шайхи
Маннур, Гумер Баширов и многие другие. Мне
приятно идти по улицам города, где когда-то про-
ходила мой брат, приятно ощущать, как здесь его
любят. В каждой школе, в каждом клубе, не говоря
о музеях, есть уголки, посвященные памяти поэта-
героя. Один из красивейших театров нашей стра-
ны — театр оперы и балета Казани — носит имя
поэта. 3 ноября 1966 года в Казани был открыт па-
мятник Мусе Джалялю, созданный талантливым
скульптором В. Цигалем. Муса стоит с гордо вски-
нутой головой, весь устремленный вперед. Фашист-
ы заковали ему руки, но он, величественный в
своей непокорности, всем своим существом рвется
к свободе.

Тысячи казанцев пришли на открытие памят-
ника. Море цветов принесли они к его подножью.
Одна старая, седая женщина появилась на площади,
когда люди плотной стеной стояли вокруг памят-
ника. Она держала в руках горшочек с красными
розами, горевшими как пламя. И люди расступи-
лись перед ней, уступая дорогу. Женщина поставила
цветок и стала всматриваться в фигуру Мусы, выти-
рая слезы. Может быть, в это время она подумала
о том, что где-то, в другом городе, другая мать кла-
дет цветы к ногам ее сына, павшего смертью
храбрых...

Люди будут приходить к памятнику и прино-
сить цветы, а он, их любимый поэт, всем своим
видом будет напоминать о тех суровых днях вой-
ны, в которой одержала победу его Родина ценой
жизни тысяч и тысяч таких, как он.

ГРАНЕНОЕ СЛОВО

*Дружба — самое необходи-
мое для жизни, так как никто
не пожелает себе жизни без
друзей, даже если б он имел
все остальные блага.*

Аристотель

*Мне не нужно друга, кото-
рый, во всем со мной соглаша-
ясь, меняет со мною взгляды,
кивая головой, ибо моя тень
это же делает лучше.*

Плутарх

*Искренность в отношениях,
правда в обращении — вот дру-
жба.*

А. Суворов

*Когда людей ставят в усло-
вия, подобающие только жи-
вотным, ничего больше не
остается, как или восстать,
или на самом деле превратить-
ся в животных.*

Ф. Энгельс

*Природа вложила в человека
потребность заботиться обо
всех людях.*

Марк Аврелий

*Мы не столько нуждаемся
в помощи от наших друзей,
сколько в уверенности, что эту
помощь мы от них получим.*

Эпикур

*Ищи среди своих товарищей
таких, которые знают больше,
чем ты.*

Р. Шуман

*Люди как реки: вода во всех
одинаковая и везде одна и та
же, но каждая река бывает
то узкая, то быстрая, то ши-
рокая, то тихая, то холод-
ная, то мутная, то теплая.
Так и люди. Каждый человек
носит в себе зачатки всех свой-
ств людских и иногда прояв-
ляет одни, иногда другие и бы-
вает часто совсем не похож на
себя, оставаясь все между тем
и самим собою.*

Лев Толстой

Такую необыкновенную пихту я встретил впервые, в лесах Шалинского района Свердловской области.

А. БАННИКОВ

ВЫРУЧИЛИ

Летом 1946 года нам пришлось обследовать водоемы около Нижнего Тагила, чтобы проверить — нет ли там малярийных личинок.

Кто-то из нас обратил внимание на большую стаю стрекоз, кружившую на одном и том же месте над водоемом, на высоте 10—12 метров. Когда мы подошли ближе, то увидели, что в воде трепыхалась молодая стрекоза, которая никак не могла взлететь. Время от времени от стаи отделялись две стрекозы, делали заход, одновременно с двух сторон подлетали к воде и на лету подталкивали молодую «сестру», чуть касаясь ее крылышками.

Заходы стрекоз были настолько точными, что вскоре молодая стрекоза оказалась у берега и заползла на стебель. Стая тут же улетела.

А. МАРКИН, О. ВЕЙНГАРТ.

СЛЕДОПЫТСКАЯ КНИЖКА

Недавно Башкирское книжное издательство выпустило хорошую следопытскую книжку*. Ее написал друг нашего журнала профессор К. В. Кострин.

Свой поиск автор вел, руководствуясь обычной географической картой. Он увидел на ней своеобразные памятники истории отечественной нефтепромышленности. Они — в названиях новых и старых городов, возникших на месторождениях нефти и естественного газа. К. В. Кострин приводит слова советского ученого В. А. Никонова о том, что «географические названия — это проекция истории на плоскость географической карты». Вся книга и является расшифровкой этого тезиса.

К. В. Кострин подробно описывает историю возникновения многих нефтяных центров, проводя своеобразную переключку прошлого с настоящим. Так, говоря о Сургуте — одном из крупнейших нефтяных центров Западной Сибири, он как бы «сталкивает» прошлое его (сургутцы в 1963 году праздновали 375-летие со дня основания своего поселка, а городом Сургут стал лишь с 1965 года) с будущим.

Интересные данные сообщает автор о марковской нефти — этой древнейшей на планете нефти. Ее возраст — 600 миллионов лет! Сейчас уже очевидно, что весь «Иркутский амфитеатр» — обширная зона в бассейне рек Лены и Ангары — нефтеносна! Но, оказывается, как установил К. В. Кострин, об этом знали еще в 1684 году! «Письменный голова» Иркутского острога Леонтий Кислянский писал тогда енисейскому воеводе: «Передо мною Иркутские жители словесно говорили: за речкою из горы идет жар неведомо от чего... ездил я из Иркутского того места досматривать... из горы идет пар и из далека дух вони слышать от того пара нефтяной, пахнет дух прямой сущою нефтью, а как побольше покопашешь тут знатно, что есть сущая нефть».

Книга Кострина полна подобных находок. Она призывает к следопытским поискам не только в поле, но и в архивах.

Профессор А. А. МАЛАХОВ

* К. В. Кострин. Нефть и газ на карте нашей Родины.

МОЙ ДРУГ-ФАНТАСТИКА

Фантастика исчезает с прилавков, только-только появившись в продаже, — факт, сомневаться в котором не приходится. Не залеживаются эти книги и на полках библиотек... Как же узнать рядовому любителю фантастики — что нового

появилось в этом жанре, какие книги нужно спрашивать в библиотеке, искать у товарищей и знакомых?

В этом номере мы публикуем перечень новых книг, выпущенных советскими фантастами за последние полтора — два года.

Александр АБРАМОВ,
Сергей АБРАМОВ.

ТЕНЬ ИМПЕРАТОРА.

М., Изд-во «Детская литература», 1967. 296 стр.

Герои повестей и рассказов, вошедших в книгу, путешествуют во времени, посещают миры, во многом — но не во всем — сходные с нашей Землей, воспроизводят голоса давно умерших людей. И всякий раз они переживают массу самых необычайных приключений...

ния на этот опыт заранее, так как боялся, что не получу его...»

Автор романа — известный советский хирург, лауреат Ленинской премии.

Дмитрий БИЛЕНКИН.

МАРСИАНСКИЙ ПРИБОЙ.

М., Изд-во «Молодая гвардия», 1967. 287 стр.

Нужен ли человек-невидимка в коммунистическом обществе?

Так ли уж это хорошо — заранее знать свое будущее? Всегда ли безопасно спокойствие? И вообще — не слишком ли часто привычные представления заслоняют от нас то новое, что таит в себе окружающий мир?..

Илья ВАРШАВСКИЙ.

СОЛНЦЕ ЗАХОДИТ В ДОНОМАГЕ.

М., Изд-во «Молодая гвардия», 1966. 240 стр.

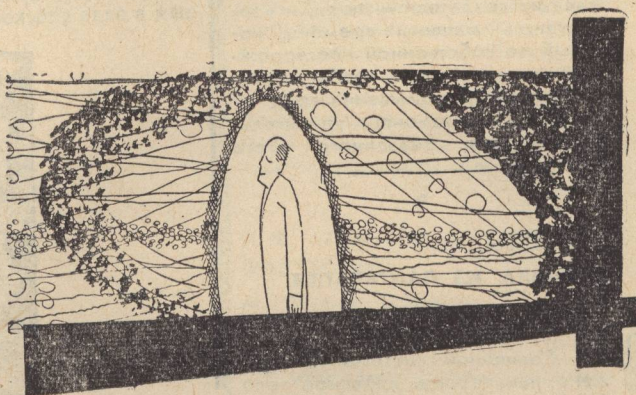
Дономага — это капиталистическое общество, каким оно может стать в будущем. Высокий уровень развития науки и техники создает здесь некую видимость благополучия. Но ведь в условиях капитализма наука перестает служить благу человека. Материально обеспеченные, обитатели Донوماги вовсе не чувствуют себя счастливыми...

Николай АМОСОВ.

ЗАПИСКИ ИЗ БУДУЩЕГО.

М., Изд-во «Знание», 1967. 198 стр.

«Учитывая полную безнадежность своего состояния, я решил подвергнуть себя длительному анабиозу, воспользовавшись установкой для искусственного регулирования жизненных функций, созданной в нашей лаборатории. Я не попытался попросить разре-

В руках изобретателя Лиденцова — вырезки из будущих газет, документы со штампами еще не существующих учреждений. Открытие? Или обман, мистификация?..

Повесть «Место для памятника» написал известный советский прозаик Даниил Гранин. Среди других авторов традиционного, пятого по счету сборника ленинградских фантастов — Ольга Ларионова, Илья Варшавский, Михаил Владимиров, Александр Шалимов.

Евгений ВЕЛТИСТОВ.

ГЛОТОК СОЛНЦА.

М., Изд-во «Детская литература», 1967. 192 стр.

Вместе с программистом Мартом Снеговым читатель станет очевидцем появления над Землей таинственного серебристого облака; в погоне за этим космическим пришельцем попадет в волшебный город Тампель; познакомится с профессором Гаргой, чьи чудачества вдруг обернутся для человечества серьезной опасностью; будет беседовать с неуловимым облаком и потом спастись от него бегством...

Владимир ГРИГОРЬЕВ.

АКСИОМЫ ВОЛШЕБНОЙ ПАЛОЧКИ.

М., Изд-во «Молодая гвардия», 1967. 160 стр.

Тематика рассказов, включенных в сборник, чрезвычайно разнообразна. Здесь и забавная цивилизация роботов, от которых сбежали их создатели — люди, и изобретатель машины времени, который по собственной неосторожности не родился, и необыкновенный способ рассасывания вредных привычек, и, наконец, удивительная история сказочного «Рога изобилия»...

Исай ДАВЫДОВ.

ДЕВУШКА ИЗ ПАНТИКАПЕЯ.

Саратов, Приволжское книжное изд-во, 1966. 159 стр.

В Солнечной системе обнаружено неизвестное небесное тело.

УДИВИТЕЛЬНЫЙ МИР

«Многочисленны и удивительны миры, плывущие, подобно пузырькам пены, по Реке Времени...» — так начинается Артур Кларк свой рассказ «Стена Мрака».

— Еще бы не многочисленны, — подумает искушенный в фантастике читатель. — Антимиры — раз. Миры двух измерений — два. Четырехмерные миры — три...

Каким же миром поразит наше воображение английский фантаст?

...В мире Шервана, главного героя рассказа, самое удивительное — это Стена. Далеко-далеко на юге тянется она могучим барьером, несокрушимая и недосыгаемая. Сплошная, без единого уступа, стократ выше человека. Проникнуть за нее — невозможно, и никому не ведомо, что лежит за ней...

Шерван, как и подобает истинному герою, решает совершить невозможное: узнать тайну Стены. Он строит огромную пологую лестницу, — последние кирпичи ее легли на место через семь лет после начала работ. И вот... В первый миг Шерван никак не мог осмыслить картину, представшую его глазам. Затем понял, что перед ним — непрерывная черная поверхность, протяженность которой невозможно определить.

Смелый ступил на Стену и решительно зашагал вперед. Вокруг становилось все темнее и темнее: по непонятной причине Трилорн — солнце, освещавшее мир Шервана, — с каждым шагом катастрофически уменьшался в размерах. Вот он обратился в точку... и уже совсем скрылся, лишь слабое зарево осталось в небесах на его месте. И вдруг исчезла надобность в этом маяке: далеко впереди виднелся на небосводе другой свет.

Вот, наконец, Шерван сквозь мрак различил черную линию, обозначающую край Стены. Скоро он будет первым, кто увидит страну, отделенную Стеной от его мира. Так ли она прекрасна, как его родина, есть ли там люди, встреча с которыми принесет ему радость?.. «И Шерван продолжал идти. Вдруг словно ледяная рука сжала его сердце, но он не остановился, как поступил бы на его месте менее храбрый человек. Полный прежней решимости, смотрел он на потрясающе знакомый ландшафт впереди...» Да, вот и равнина, откуда он начал свое восхождение, вот огромная лестница, и вот, наконец, озабоченные лица ожидающих его друзей...

Шерван пришел в ту же самую точку, из которой вышел!

В ту же самую?.. Вам не вспоминается знаменитое кольцо Мебиуса?

Возьмем бумажную ленточку и склеим из нее кольцо. Кольцо как кольцо. С двумя отдельными поверхностями, и перейти с одной стороны на другую — невозможно. А теперь склеим такое же кольцо, но предварительно один раз перевернем полоску бумаги. И уже не стало двух отдельных плоскостей, получилась односторонняя плоскость, хотя это кажется невозможным.

Точно так получилось и с Шерваном. Поистине удивительный мир, придуманный А. Кларком, оказался выполненным в виде плоскости Мебиуса...

НЕИСТРЕБИМАЯ, ВСЕПРОНИКАЮЩАЯ...

—Вы не представляете себе, каким страшным бичом является пыль. Пыль строительная, дорожная, от ремонта мостовых. А сколько ее выбрасывают ежечасно в виде дыма фабричные и заводские трубы? В кубическом сантиметре воздуха большого города содержится миллионы пылинок. С каждым вдохом мы втягиваем в легкие около пятисот кубических сантиметров воздуха. Это — сотни миллионов пылинок!.. Я утверждаю: пыль следует уничтожить раз и навсегда!

С героями повести Э. Зеликовича «Опасное изобретение», опубликованной в 1938 году журналом «Знание — сила», трудно не согласиться. Действительно, вот здорово было бы, сумей мы начисто избавиться от неистребимой, всепроникающей, поистине всемогущей пыли! Воздух — чистый-чистый; ни единой пылинки в любом кубическом сантиметре его: дышишь — не надышишься!..

Что ж, герои Э. Зеликовича так и сделали. Их не устраивают обычные способы борьбы с пылью — поливка улиц, зеленые насаждения, дымоуловители. Они прибегли к радикальным мерам — свели на нет вязкость воздуха.

Но стоп! Что такое — вязкость воздуха?

Можно завязнуть ногой в грязи, рукою в тесте... А для мельчайших пылинок и воздух оказывается достаточно вязким: он сопротивляется их движению в нем, удерживает их во взвешенном состоянии.

И вот — с вязкостью воздуха покончено. И...

Вы думаете — наступило благоденствие? Увы!..

Воздух стал абсолютно чистым, ни единой пылинки на сотни километров вокруг. Дышишь — не надышишься! Но...

Исчезли облака. Ведь они состоят из микроскопических пылинок, на которых оседают испарения почвы, растений, водоемов. Водяным парам не на чем больше оседать, и они копят, копят в атмосфере. Вот уже вся она перенасыщена паром... Дыши — не надышишься?! Как бы не так! Жара, духота, сырость — совсем как в бане... И совершенно нет дождей, только изредка — взрывообразные катастрофические ливни, не приносящие никакого облегчения. А вот и растения начинают гибнуть: их листья прекратили испарять влагу. Воздух-то и так перенасыщен ею... Растения до отказа напитаны водой, они не в состоянии больше тянуть ее из почвы. А значит — не получают и нужных им для жизни солей... И уже маячат на горизонте зловещие призраки неурожая и голода...

Мрачная получается картина, не правда ли? Оказывается, не так уж он хорош, мир без пыли, стерилизованный мир без всемогущей — неистребимой, всепроникающей — пыли...

Приближение его к Земле грозит катастрофой страшной разрушительной силы.

О том, как эта катастрофа была предотвращена, рассказывает повесть И. Давыдова «Он любил вас». Вторую повесть сборника наши постоянные читатели уже знают: «Девушка из Пантикапея» печаталась в нашем журнале в 1965 году.

Михаил ЕМЦЕВ, Еремей ПАРНОВ
ЗЕЛЕНАЯ КРЕВЕТКА.

М., Изд-во «Детская литература», 1966. 302 стр.

МОРЕ ДИРАКА.

М., Изд-во «Молодая гвардия», 1967. 460 стр.

Осужденные на смерть, они приговорены к наслаждению. Электронаркомания — вот бич, надежнее винтовок и пулеметов заставляющий этих обреченных добровольно спускаться в урановые шахты и иступленно откалывать породу кусок за куском...

Кроме рассказа «Приговорен к наслаждению», в сборник «Зеленая креветка» вошли шесть других рассказов и повесть «Бунт тридцати триллионов». А в 1967 году отдельной книгой вышел новый роман молодых фантастов.

Владимир МИХАЙЛОВ.

ЛЮДИ И КОРАБЛИ.

Рига, Изд-во «Звайгзне», 1967. 171 стр.

ЛЮДИ ПРИЗЕМЕЛЬЯ.

Рига, Изд-во «Зинатне», 1966. 326 стр.

Луч прожектора описал крикую, яркий сноп огня выхватил из темноты неподвижные длинные тела, суставчатые ноги, разинутые клешни, пристальные глаза... Повесть В. Михайлова «Пещера многоногов», герои которой столкнулись с агрессивными обитателями морских глубин, вошла в сборник его рассказов «Люди и корабли». Другая повесть рижского фантаста — «Люди Приземелья» — выпущена отдельной книгой.

**Н. Ф. АЛЬМАНАХ НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ.**

М., Изд-во «Знание», вып. 5 — 1966. 302 стр.; вып. 6 — 1967. 263 стр.

В очередных выпусках альманаха опубликованы повести «Мино-

тавр» Геннадия Гора, «Крылья Гарпии» Георгия Гуревича, «Редкие рукописи» Александра Шарова, а также многочисленные рассказы, один из которых, «Клиника «Сапсан» Генриха Альтова, уже знаком нашим читателям.

Игорь РОСОХОВАТСКИЙ.
ВИТОК ИСТОРИИ.

М., Изд-во «Детская литература», 1966. 223 стр.

В 1963—1964 годах наш журнал проводил конкурс на лучший научно-фантастический рассказ. Одно из первых мест на этом конкурсе занял рассказ И. Росоховатского «Сокровища атанов». А в 1965 году «Уральский следопыт» напечатал еще одно произведение фантаста — повесть «Дальняя звезда».

Оба эти произведения вошли в новый сборник повестей и рассказов И. Росоховатского.

Владимир САВЧЕНКО.
ОТКРЫТИЕ СЕБЯ.

М., Изд-во «Молодая гвардия», 1967. 347 стр.

«А потом он возбудил в себе рак. Опухоль разрасталась, твердела... Когда же у себя в комнате, стоя перед зеркалом, он напряг волю и чувства, опухоль рассосалась в течение четверти часа...»

Радость научного открытия и тревога за судьбу его, научный подвиг во имя счастья людей — таково в немногих словах содержание романа.

Семен СЛЕПЫНИН.
ФАРСАНЫ.

Пермь, Книжное изд-во, 1967. 162 стр.

«Меня не удивило выражение жадного любопытства на лице Сэнди-Ски. Именно таким я и ожидал увидеть лицо моего друга в этот момент. Но его глаза! Не знаю почему, но я вздрогнул, взглянув в его глаза...»

Читатели нашего журнала, конечно же, помнят повесть о бездушных биороботах «фарсанах», о благородстве и духовном величии

человека. Она печаталась в первых номерах «Уральского следопыта» за 1966 год.

Аркадий СТРУГАЦКИЙ,
Борис СТРУГАЦКИЙ.

ПОЛДЕНЬ, XXII ВЕК.

М., Изд-во «Детская литература», 1967. 319 стр.

Книга А. и Б. Стругацких — это переработанный вариант повести «Возвращение». Включены новые главы, введены новые герои. В целом же повесть по-прежнему представляет собой мозаику картин будущего, каким оно видится известным советским фантастам.

ФАНТАСТИКА, 1966.

М., Изд-во «Молодая гвардия», 1966. Вып. 1 — 416 стр.; вып. 2 — 239 стр.; вып. 3 — 383 стр.

Традиционные сборники новых произведений советских фантастов, с 1962 года выходящие в издательстве «Молодая гвардия». В выпусках 1966 года — тридцать семь повестей, пьес, рассказов, юморесок. Среди них — повести бакинских фантастов Е. Войскунского и И. Лукодянова «И увидел остальное...» и «Сумерки на планете Бюр» Обе они входят в цикл произведений о приключениях прославленного разведчика космоса Алексея Новикова (читатели нашего журнала знакомы с ним по повести «Аландские каникулы»).

ЭТИ УДИВИТЕЛЬНЫЕ ЗВЕЗДЫ.

Сборник.
Баку, Азербайджанское гос. изд-во, 1966. 296 стр.

Врач, ведущий борьбу со злокачественными опухолями, сам заболевает раком... Повесть В. Караханова «Мое человечество», наряду с другими произведениями бакинских фантастов вошедшая в сборник «Эти удивительные звезды», читается с неподдельным интересом и волнением. Ее героям сочувствуешь, за них переживаешь, радуешься их успехам, огорчаешься неудачам...

Очень кратко мы рассказали тебе, наш читатель, о двадцати двух новых научно-фантастических книгах, вышедших за последнее время.

Знатоки фантастики, возможно, упрекнут список в неполноте. Что ж, пропусков мы действительно не избежали. Нами не охвачена довольно-таки обильная переводная фантастика. Не охвачены переиздания. Да и из новинок советской фантастики кое-что пропущено: мы старались выбирать книги, по-настоящему интересные для нашего читателя. Наконец, за те два-три месяца, которые понадобились, чтобы подготовить и выпустить этот номер журнала, конечно же, появились «совсем-совсем новые» новинки...

Так нужен ли он вообще, наш далеко не идеальный список? Пригодился ли он тебе, друг-читатель! Напиши нам об этом! А прочитав книги, рекомендуемые нами, сообщи, какие из них пришлось тебе по душе, а какие, быть может, не понравились.

Ждем и замечаний по разделу «Мой друг — фантастика» в целом. Замечаний и предложений. О чем бы ты хотел прочитать под этой рубрикой? Какие проблемы фантастики тебя особенно интересуют? Какие темы ты предложил бы для очередных страничек этого раздела!

Юмореска

Ю. НИКИТИН

Рисунки Ю. Григорьева

Громадный черный звездолет медленно кружил вокруг Земли. В кают-компании шло последнее заседание.

— Я полагаю, что в разведку следует послать Рекса и Гакса, — предложил помощник командира.

— Да, это самые опытные наши разведчики, — согласился капитан и нажал кнопку вызова.

На пороге выросли Рекс и Гакс. Командир окинул их придирчивым взглядом.

— Вам предстоит проникнуть в жилище одного из туземцев, чтобы собрать информацию об их техническом потенциале и военной технике. А по возвращении подготовить доклад о сроках, которые понадобятся нам, чтобы стереть их с лица планеты. Ясно?

Рекс и Гакс закивали рогами головами.

— Выполняйте, — поднялся командир.

Через минуту разведчики уже летели к Земле на небольшой ракете. Приземлились они неподалеку от крохотного селения. Приняв по таблетке «возбудителя невидимости», разведчики направились к аккуратному маленькому домику.

— Будь осторожен, — шепнул Гакс.

Рекс молча пожал плечами и переступил через порог.

— В доме никого нет, — сообщил он минутой позже.

— Начнем осмотр по инструкции? — спросил Гакс.

— Незачем, — радостно ответил Рекс, — я тут нашел кое-что получше. Сейчас мы будем знать всю подноготную туземцев.

В соседней комнате стояли книжные полки. Наличие информария значительно упростило сбор данных.

— Начнем, — сказал Рекс и снял с полки первую кни-

гу. — Ого! «Человек-амфибия»... Они уже осваивают моря!

— Пусть себе осваивают, — беспечно отмахнулся Гакс, однако тут же настояжился: — Смотри, эта книга называется «Синтетический человек»!

— Ну и что?

— Они не такие уж профаны...

— Еще бы, — протянул Рекс. В лапах у него был «Железный человек».

— Гм, — хмыкнул Гакс. — А что значит вот это: «Человекоминимум»?.. А вот еще «Человек, потерявший свое лицо», «Человек, делавший алмазы», «Человек, который умел летать»...

— Поразительное разнообразие человеков! — не удержался Рекс. — Но эти не так опасны. Меня тревожит «Человек, который видел Антимир». У нас никто еще не видел антимира...

— Тс-с!.. — Гакс вдруг перешел на шепот.

Он показывал Рексу последнее издание «Человека-невидимки».

Рекс опасливо огляделся по сторонам, прислушался.

— Есть еще «Человек-луч». И даже «Человек, который мог творить чудеса»!

— Никогда бы не подумал, что это возможно, — прошептал Гакс.

— А вот эта книга называется «Звездный человек».

— Не пора ли нам уносить ноги?

— Сначала посмотрим, как у них с космосом. Догонят или нет?.. — Рекс взялся за следующую полку. — «Сирене-

вая планета», «Законсервированная планета», «Благоустроенная планета», «Планета под замком», «На оранжевой планете», «Сокровища сторевшей планеты», «Мир, в котором я исчез»...

— О, Великий Космос! — воскликнул Гакс.

— «Война миров», — продолжал перебирать книги Рекс, — «Лучший из миров», «Смелый новый мир», «Лавка миров»...

— Лавка миров... — простонал Гакс. — Они торгуют мирами, как яблоками!

— Да, — подтвердил Рекс, — вот «Хозяин планеты», «Властелин Галактики», «Прораб Вселенной», «Бог микрокосмоса», «Люди как боги»...

Гакс шумно перевел дыхание.

— Вот еще «Пульс Вселенной», «Разум Вселенной». Далеко они забрались...

— Уйдем, а? — жалобно попросил Гакс. — Мне страшно...

Рекс дрожащими лапами раскрыл одну из книг:

«...Когда еще не умели пробивать нуль-пространство и пользовались примитивными звездолетами...»

— Вот видишь, — прошептал Гакс. — Примитивными...

Рекс торопливо открыл еще книгу.

— «...Антон вернулся из антимира на другой день...»

Гакса била нервная лихорадка.

— «...Джон-Ей снова летел сквозь галактики...» — прочитал Рекс в третьей книге.

— Вот если вернется хозяин... — вслух подумал Гакс. — Хотел бы я знать, что он с нами сделает?

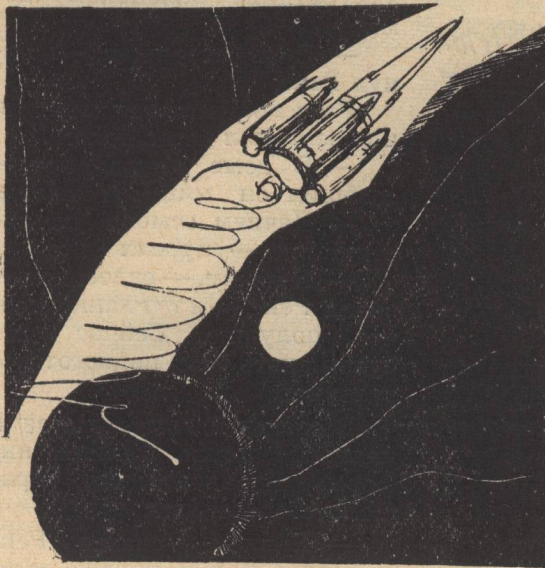
— «...Если бы я не был бессмертным и неуязвимым...» — читал Рекс.

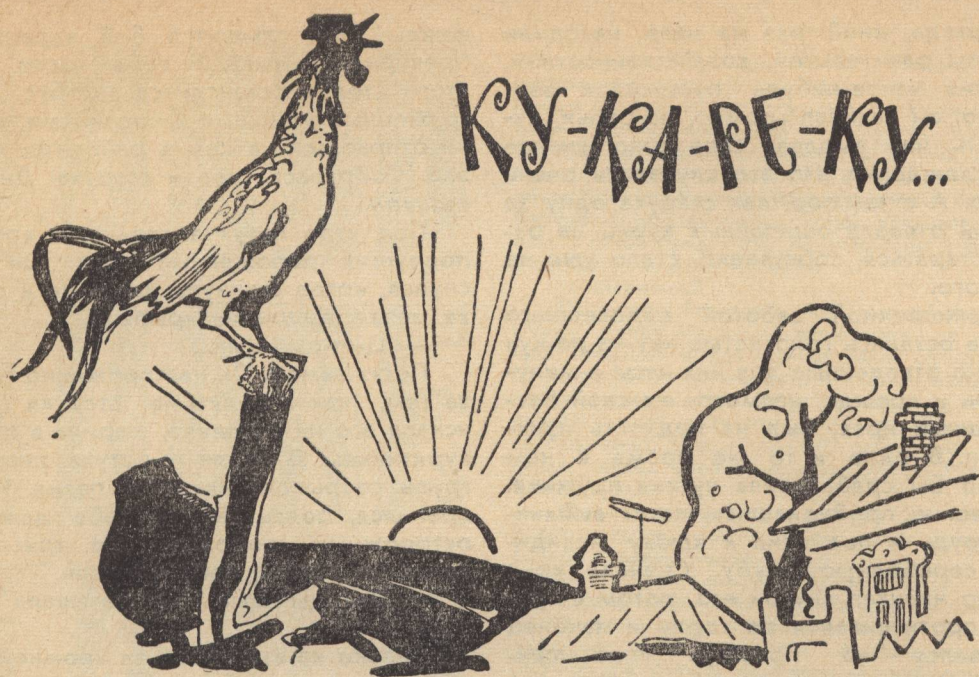
Гакс на цыпочках направился к выходу.

— «...он ударил боковыми дюзами, галактика вскрикнула и перестала двигаться...»

Тут уже не выдержал и неустрашимый Рекс. Гакс едва догнал его возле ракеты.

Через полчаса корабль захватчиков окутался силовым полем и торопливо умчался в Пространство, чтобы никогда больше не появляться в этой области. А в это время в доме, который посетили разведчики, профессор Прутиков топал ногами и обещал оборвать уши тому, кто преворошил его библиотеку.

Рассказ

— Цып-цып-цып,— позвала старуха и прислушалась. Тихо.
— Ну, погоди, шельмец! Я тебя поймаю...— проворчала она и, ухватившись за вбитые в стену сарая скобы, полезла под край замшелой крыши. Некоторое время спустя из черного проема сеновала снова высунулась босая нога... Нащупала скрюченными пальцами скобу... Потом другая.. Отряхнув подол, старуха еще раз оглядела двор, прикрыла доской лаз под воротами и засеменила в избу.

Уже часа три петух сидит под крыльцом, боясь высунуть голову. И то, что его сегодня впервые за все лето старательно угощали хлебными крошками, и блестящие резиновые сапоги, выставленные на заваulinке рядом с крытой плетеной корзиной,— все предвещает недоброе. Еще утром старуха пыталась загнать его в угол курятника, но он вырвался и вот сейчас сидит, не шелохнувшись. Под крыльцом сыро и становится все холоднее. Сквозь щели просыпались золотые зерна. Петух осторожно клюнул одно из них и ничего не почувствовал. Он клюнул еще и не сразу понял, что это искорки

заходящего солнца. Тогда он отвернулся и закрыл глаза.

Он уже давно не помнил того времени, когда был желторотым цыпленком. Смутно припоминал своих сверстников. Гораздо отчетливее вспоминались стычки с соседскими петухами, из которых он всегда выходил победителем.

Другие петухи его не любили. Обремененные многочисленными семьями, они целыми днями крутились возле своих домочадцев и считали его вертопрахом. Укоризненно косились и пожилые курицы.

Что верно, то верно. Он рожден был гусаром! С каким важным видом разгуливал он по проулку, выкидывая далеко вперед, как на строевом плацу, свои длинные украшенные шпорами ноги! Молодые курочки завистливо поглядывали ему вслед и вполголоса переговаривались: «Ах, ка-ка-ков! Какой красавец!» А он галантно кружился на одном месте и опускал до земли огненное крыло, отчего оно удивительно походило на полу гусарского ментика. Лихо приплюснутый на бок, на манер кивера, гребень довершал это сходство.

Правда, иной раз на него находили порывы рачительной хозяйственности и, заметив какое-нибудь пустяковое зернышко, он начинал громко, по-бабьи, кудахтать, чем выдавал свое крестьянское происхождение. Но это случалось очень редко. А с тех пор, как старуха одну за другой отвезла ощипанных куриц на базар, стараться, собственно, стало уже не для кого.

Единственной заботой овдовевшего петуха остались голосистые «ку-ка-ре-ку» в точно отведенные для них часы и минуты. Он и прежде, несмотря на свой бесшабашный нрав, был на редкость пунктуален. В одно и то же время в нем словно бы срабатывала чуткая пружина. Мгновенно пробудившись, петух выпячивал грудь и подносил к клюву невидимую серебряную трубу. Сначала крик словно набухал внутри его, потом с трудом протискивался по горлу и наконец вырывался на простор: «просыпайте-е-есь!» или «спать пора-а-а!» И тут же по всей деревне откликались другие петухи.

И сегодня, едва наступила полночь, петух встрепенулся, но, вспомнив о стоящей неподалеку корзинке, решил благо-разумно промолчать. Не всегда же ему быть запевалой! Пусть поют те, кто ничем не рискует...

Где-то в другом конце деревни слышалось первое неуверенное «ку-ка-ре-ку». Ему ответил еще чей-то заспанный хриплый голос. Пропел тихо, явно для проформы. Разве так надо?! Петух возмущенно вскинул голову, но ударился о ступеньку да так и остался сидеть с открытым клювом.

Петух скучно глядел на звезды. Чувство неисполненного долга мешало заснуть. Конечно, если разобраться, пользы от него теперь никакой! Куриц на дворе уже нет. Да и его исправными «ку-ка-ре-ку» нынче никого не удивишь. В деревне давно перестали считать время по петухам. В избе у старухи тихо стучат часы, а ровно в шесть утра из репродуктора на столбе посреди улицы

каждый раз слышится бой курантов и бравурная музыка. В семь часов возле этого столба остановится автобус, и, нагруженные мешками и корзинами, хозяйки отправятся на нем в райцентр, на базар. Собралась туда и старуха. Дело за петухом!

Под утро петух задремал и впервые пропустил положенный срок. Он проснулся, когда стукнула щеколда и старуха, зевая, вышла на крыльцо.

— Цып-цып-цып...

Петух замер. Он настороженно следил за тем, как в полутьме старуха снова искала его на сеновале, шарила в пустом курятнике... В горле у петуха першило, грудь разрывала неспетая песня. Но он крепился, боясь выдать себя даже неосторожным шорохом. Его трясло от холода и страха, ноги онемели.

— Цып-цып-цып... — зазывала старуха.

Далеко на вырубках, за кромкой леса зажглись первые лучи солнца. От их прикосновения закурился над озером туман. Петух не мог видеть всего этого, но он чувствовал приближение шумного, суматошного дня. Пора! Пора играть побудку! Чтобы все узнали: ночь позади!

— Цып-цып-цып...

А может быть промолчать? В конце-концов чуть позже диктор вполне официально скажет: «С добрым утром, товарищи!» И все обойдется...

— Цып-цып-цып... — совсем рядом позвала старуха.

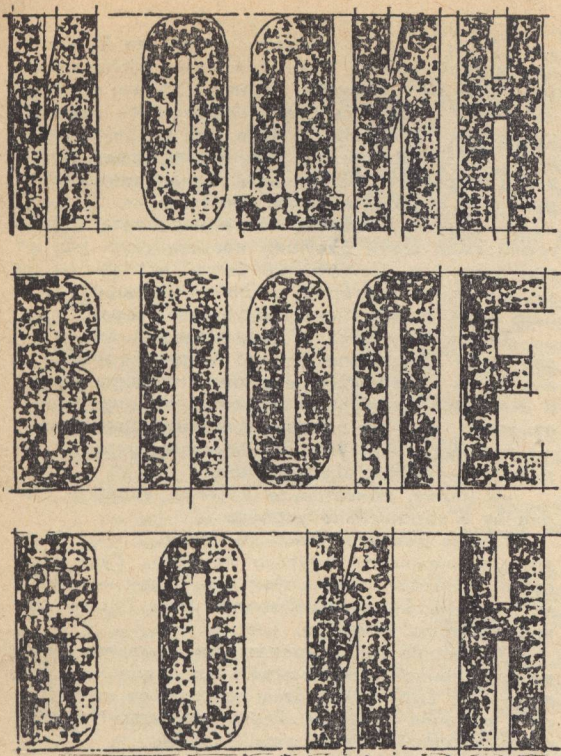
Неожиданно сквозь щели в воротах брызнуло солнце. Оно подожгло ворох свежей соломы под навесом, заискрилось на паутине, которой был затянут пролом в стенке крыльца... Петух зажмурился.

Больше терпеть он не мог. Петух вскочил, больно ударился о торчащие из досок гвозди и, ошалело забив крыльями, возвестил людям о том, что наступил новый день:

— Ку-ка-ре-ку!!!

В ВТОРНИК

Рисунок Ю. Ефимова

Приключенческий роман

Юрий ДОЛЬД-МИХАЙЛИК

Рисунки С. Киприна

Глава пятая

КОНЕЦ ОДНОЙ ЛЮБВИ

— Что случилось? — проговорил Григорий. — Да говорите же, наконец, что случилось? И, прежде всего, дайте пройти!

Он обнял побледневшую Лидию за плечи, отстранил ее от двери и быстро вошел в переднюю.

Лидия немного пришла в себя.

— Скорее, умоляю, скорее... Синьорине очень плохо! Я одна дома... она...

Не закончив фразы, Лидия бросилась в спальню Рамони.

Сквозь тяжелые темно-вишневые портьеры в комнату пробивался скупой красноватый свет. Попав сюда прямо с улицы, Григорий остановился, ничего не видя вокруг. Медленно, словно из тумана, выплывала шаткая, лишенная четких очертаний мебель.

— Поднимите шторы и раскройте окна!

Метнувшись к окну, Лидия изо всех сил дер-

гала шнурок. Но, видно, не тот, который нужно, потому что портьера не поднималась. Тем временем Григорий уже освоился с полутьмой. Теперь он отчетливо видел широченную, покрытую темным покрывалом, кровать, а на ней маленькую неподвижную фигурку в белом, замершую в неудобной позе — казалось, это лежит небрежно брошенная охапка белья. Лицо девушки пряталось в сгине руки, кисть, беспомощная и безвольная, свешивалась с кровати.

— Марианна!

Подбежав, Григорий перевернул девушку на спину. Голова Марианны откинулась на другой край подушки, прядь черных волос соскользнула со щеки. И опять — неподвижность. Пальцы Григория скользят по тонкому запястью в поисках пульса. Глухой, едва слышный удар. Пауза. Снова слабый удар, второй, третий, четвертый... Пауза, пауза, пауза... Сколько она продлится? Удар, еще один... еще...

Лидия наконец справилась со шторами. В распахнутые окна хлынули лучи заходящего солнца и свежий воздух.

— Теплой воды! И таз!.. Быстрее...

«Промывание — это ясно, а дальше что?»

На полу возле кровати валяются две раскупоренные трубочки, третью он раздавил ногой. Снотворное. Стекло, раздавленное каблуком, смешалось с белым порошком, две таблетки откатились к ночному столику.

«Не давать спать. Разбудить и не давать спать. Сколько таблеток может быть в каждой трубочке? Они длинные... Десять, двадцать? Это потом. Сейчас самое главное разбудить».

— Марианна! Марианна! — склонившись над кроватью, Григорий трясет девушку за плечи. Тело словно ватное, глаза закрыты, бледное лицо замерло, только чуть посиневшие губы приоткрываются, напрасно стараясь втянуть побольше воздуха.

«Так я только затрудняю ей дыхание...»

Какое-то неясное воспоминание возникает в мозгу Григория. А рука уже сама приподнимается, хлопает девушку по щеке, почти одновременно вторая рука опускается на левую щеку... Голова Марианны перекачивается по подушке справа налево, слева направо.

Григорий слышит, как звякает таз, стукнувшись о пол.

— Вызовите скорую помощь! — не оборачиваясь, приказывает он.

— Скорую помощь? — запинаясь, переспрашивает Лидия. — Но... но ведь завтра об этом узнает весь Рим. Скандал...

Под пальцами Григория холодная кожа на лице Марианны теплеет. Вот вздрогнули ресницы, наполовину поднялись отяжелевшие веки, и под ними, словно два лунных серпика, блеснули белки.

— У Рамони есть домашний врач?

— У такого здоровяка, как он? Погодите... О, мадонна! Я же еще не сказала вам: приехал Матини.

— Позвоните Матини от моего имени. Пусть немедленно выезжает. Скажите, тяжелое отравление снотворным. И быстрее, быстрее! Ее надо поднять, промыть желудок! Неужели, кроме вас, никого нет дома? Нужны грелки, горячее кофе... Марианна, ну, Марианна, вы меня слышите? Не спите!

Рука Григория снова тянется к пульсу. Он словно тоненькая ниточка, которая вот-вот оборвется. Камфора! Хорошо бы ввести сейчас камфо-

ру! Сколько же таблеток она выпила? Двадцать? Тридцать? Какая доза смертельна?

— Что случилось, синьор Шульц?

Джузеппе! Слава богу, появился хоть он.

— У вас в аптечке есть шприц? Камфора, или еще что-нибудь другое? — не отвечая, спрашивает Григорий. — Нашатырь? — Он уже спокойно похлопывает девушку по щекам, массирует ей виски.

— У старого графа вон в том шкафу была целая аптека. Может быть, что-нибудь и есть...

— Поставьте прокипятить шприц, воду для грелок! И сейчас же возвращайтесь сюда.

Из кабинета слышится голос Лидии. Неужели ей посчастливилось дозвониться до Матини? Она права, нельзя вызывать скорую помощь. Только в крайнем случае... Лишь бы к Марианне вернулось сознание, иначе она не сможет пить воду. Сколько же времени прошло с тех пор, как она проглотила эти проклятые таблетки?

— Матини будет через десять минут.

— Дайте нашатырь, вату. Пусть понюхает... Поддержите ее... Марианна, Марианна, проснитесь! Слышите? Откройте глаза, совсем откройте, пошире! Сейчас вам станет легче...

Девушка, поддерживаемая Лидией, сидела, покачиваясь... Веки поднимались и снова опускались, голова то запрокидывалась, то свешивалась на грудь.

— Черт подери! Вдвоем мы не справимся! Джузеппе! Джузеппе! Куда вы запропастились?

— Иду.— Джузеппе прибежал, держа две электрогрелки. Но, заметив нетерпеливый, сердитый взгляд Григория, он швырнул их на стул и бросился к кровати с другой стороны.

— Поддерживайте ей голову!

Григорий схватил с ночного столика большой конической формы, бокал, наполнил его водой и, торопясь, расплескивая, поднес к губам Марианны. Вода пролилась на подбородок, тонкими струйками побежала по шее, по груди. Рванувшись из рук Джузеппе, девушка завертела головой и открыла глаза. Искорка сознания промелькнула в их глубине и тотчас погасла.

— Пейте! Слышите, сейчас же пейте! — Григорий сжал щеки девушки повыше скул, рот ее полуоткрылся. Осторожно, боясь, чтобы она не захлебнулась, Григорий наклонил бокал. Глоток. Еще один. Можно наклонить бокал смелее...

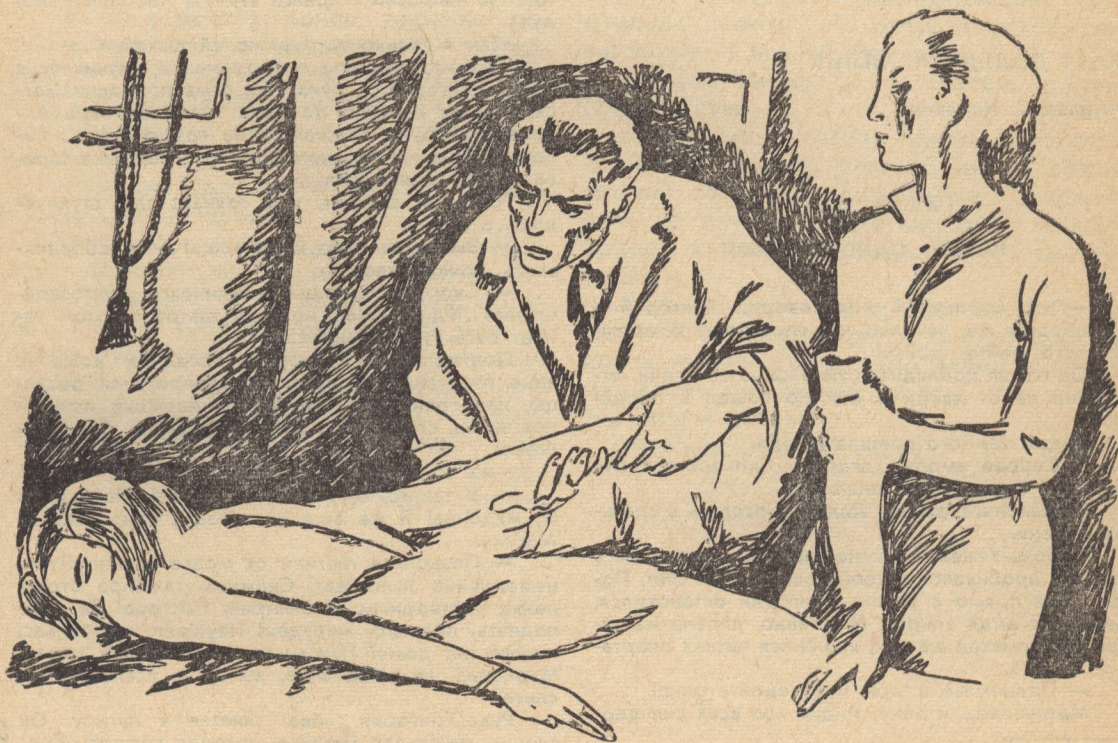
Теперь Григорий и Лидия вдвоем возятся с девушкой. Джузеппе принес шприц, коробку с ампулами и побежал на кухню готовить кофе. К Марианне вернулось сознание, но она вконец измучена, ее бьет лихорадка, ноги и руки холодны как лед. Надо уложить больную, укрыть, обложить грелками, сделать укол.

— Лидия, приготовьте постель, уложите Марианну и хорошенько укройте.

Глупая девочка! Отколоть такую штуку. Из-за этого никчемного, надутого павлина... Руки сами собой собирают шприц, большой палец нажимает на поршень, выталкивая воздух. Все. Теперь можно набирать камфору.

Марианна уже в кровати, такая маленькая на ее широченной поверхности. Под одеялом и пледом едва вырисовываются контуры ее сжавшейся в комочек фигурки. Глаза закрыты. Неужели опять заснула?

— Марианна! — ресницы затрепетали, поднимаются.— Вам нельзя спать, Марианна. Вы узнае-

те меня, понимаете, что я вам говорю? Спать не надо! Заставьте себя. Сделайте маленькое усилие. Сейчас принесут кофе, вы выпьете несколько глотков и вам станет легче. А пока... Дайте руку! Не бойтесь, я не сделаю вам больно.

С равнодушной покорностью девушка позволяет вытащить ее руку из-под одеяла. Григорий боится, что Марианна может дернуться, когда он будет делать укол. Но рука лежит спокойно. Девушка, кажется, ничего не почувствовала. Она в полусонном состоянии. Снова засыпает.

Джузеппе и Лидия приносят бутылки с горячей водой. Электрогрелку можно включить только одну — у изголовья. Григорий кладет ее на то место, куда ввел камфору. Джузеппе и Лидия завертывают бутылки полотенцами, подсовывая под одеяло, прикладывают к ногам.

Марианна спит...

Все трое тревожно переглядываются.

— Лидия, когда она это сделала? Хоть при-
близительно...

— Минут за десять-пятнадцать до вашего прихода. То есть, Марианна пришла раньше, но вначале...

— Потом, потом, не это главное. Неужели она проглотила такую огромную дозу... А вдруг мы поспешили и рано закончили промывание? Джузеппе, вы разбираетесь в таких вещах? Я — мало. Одно знаю твердо: промыть желудок и не давать спать. Надо разбудить Марианну любой ценой. Пусть кто-нибудь из вас принесет кофе.

— Я мигом, — Лидия метнулась к двери.

— Если она сейчас не проснется окончательно и не выпьет кофе, мы вызовем скорую помощь. Когда речь идет о жизни и смерти, плевать на все другие соображения, — в сердцах решает Григорий.

— Придется, хотя это и очень нежелательно. Может быть, позвонить к синьорине домой? Ведь...

— Не надо. Что это даст? Еще неизвестно, как она воспримет появление родителей. Возможно, дома был скандал, она убежала сюда, ища поддержки, и, увидев, что этот трус... Вас не шокирует такое высказывание о вашем патроне? — Я бы употребил более сильное выражение. Все это сватовство... Ага, вот и Лидия!

Аромат кофе смешался с запахом камфоры. У Григория, который утром не успел поесть, закружилась голова.

— Заставьте Марианну выпить кофе, а я на минутку выйду в сад. Джузеппе, приподнимите ее и хорошенько потрясите за плечи, не церемоньтесь!

Григорий вышел на крыльцо. Все время, пока возился с Марианной, он настороженно прислушивался, не подъехала ли к вилле машина. Гончаренко первым хотел встретить Матини, и не только для того, чтобы наедине поздороваться с давним другом, а главное затем, чтобы сказать ему свое новое имя, чтобы тот не назвал его в присутствии секретаря Рамони Генрихом или Гольдрингом.

Возможно, такая предосторожность излишня. Рамони ведь мог рассказать Джузеппе, как Лидия ненароком раскрыла Фреда Шульца. Скорее всего это так, но на всякий случай... Мысль обрывается, Григорий сбегает с крыльца:

— Матини!

Лишь миг они стоят посреди дорожки, до боли сжимая друг другу руки. Это безмолвное рукопожатие красноречивее всяких слов...

Джузеппе ушел варить кофе. Григорий про-

шелся по кабинету, прислушиваясь к звукам, глухо долетавшим из спальни. Там Матини приводил больную в чувство. Григорий вспомнил вечер, когда он впервые увидел Марианну. Уже тогда ее взаимоотношения с Рамони показались Григорию противоестественными. Раздражительность Марианны, вызывающая манера держаться, слезы, когда она увидела свой подарок — нож сломанным. После того вечера Григорий еще несколько раз видел девушку в обществе Рамони, и между Григорием и ею установилась та полудружба, которая иногда возникает между людьми разного возраста, ни к чему не обязывая ни младшего, ни старшего. Он не решился спросить Марианну, что ее угнетает, а она, должно быть, тоже побаивалась довериться ему.

Григорий вытащил из кармана записку Витторио, которую тот оставил ему в пансионате, и еще раз перечел ее:

«Милый Фред! Вернулись родители Марианны, и над моей головой может разразиться буря с громом и молниями. Мечтаю укрыться подальше от ее эпицентра. Вечером позвоню вам, может быть, Марианне удастся подать о себе весточку. Передайте ей, чтобы придерживалась нашей версии. Непременно. Иначе ее высокомерный папаша не даст согласия на нашу свадьбу. Я вернусь через пару дней, пока считайте мой дом своим, а в случае каких-либо личных затруднений — обращайтесь к Джузеппе. Искренне преданный вам Витторио».

Кратко, зато красноречиво! Вместо того, чтобы самому договориться с родителями девушки... — Фред, можете войти!

Григорий вздрагивает и вопросительно глядит на Матини. Тот делает успокаивающий жест. Все, мол, хорошо. Но тут же добавляет:

— Я настаиваю на больнице. Больную нельзя оставлять без наблюдения. Уговорите ее!

— Подождите, Матини! У нее очень сложная обстановка дома.

— Тем более. Дополнительная психическая нагрузка лишь ухудшит ее состояние. Кто ее родители?

— Не знаю. Сейчас спросим у Джузеппе. Кстати, вот и он. Да еще с кофе. Выпьете?

— С удовольствием. Но не больше двух глотков. У меня пошаливает сердце. Так кто же родители вашей невесты, синьор... кажется, Джузеппе? И как это вы не уберегли девушку от...

Джузеппе с удивлением глядит на Матини, слегка краснеет.

— Я в этом доме лишь скромный секретарь Марианны Висконти — невеста синьора Рамони.

— Простите, — Матини тоже смутился. Он взял из рук Григория чашечку кофе и, медленно помешивая в ней ложечкой, задумчиво повторил: — Марианна Висконти... Висконти... Скажите, а как зовут ее отца?

— Умберто. Умберто Висконти. Это имя и фамилию знают не только в Риме...

— Да, да... Один из популярнейших лидеров левого крыла христианско-демократической партии. Я знаю синьора Умберто, и меня всегда восхищала его деятельность. Он ведет себя последовательно, невзирая на немилость Ватикана... Гм-м, как же быть?

— Отвезти ее домой и тем самым избежать скандальных слухов. Это будет лучший выход для Рамони, для отца Марианны, для нее самой. Матини, она транспортальная! — спросил Гончаренко.

— Да. Но как это отразится на ее душевном состоянии?

— Синьор Умберто — культурный человек, — вмешался Джузеппе. — Если вы, синьор Матини, как врач, или вы, синьор Шульц, как непосредственный свидетель того, что произошло, предупредите семью Марианны о том, как важен для ее здоровья покой...

— Вы правы, — Матини утвердительно кивнул. — Пусть еще часик полежит, выплечется — такая разрядка пойдет на пользу. А тем временем вы, Фред...

— Хорошо. Миссия не из приятных, но что поделаешь! Пойду, попробую уговорить ее вернуться домой. А заручившись согласием, можно ехать к ее родителям.

В спальне, на сдвинутых с места стульях, валялись салфетки, полотенца, плоские бутылки с остывшей водой, кое-как брошенное платье и прочие принадлежности девичьего туалета.

Лидия, стоя на коленях у изголовья, гладила плечи и голову Марианны, что-то тихо приговаривая.

— Марианна, — осторожно позвал Григорий, кивком показывая Лидии, чтобы та вышла.

Услышав голос Григория, девушка уткнулась лицом в подушку, плечи ее вздрогнули от нового приступа рыданий.

— Ну, хватит, хватит... Давайте вместе подумаем, что теперь делать. Вы же не захотите тут остаться?

— Мне все равно, все равно, все равно... мне теперь все, все равно...

— Если бы вам действительно было все равно, вы бы не плакали так отчаянно. Горе, сразившее вас, пронесется, как гроза, и только очистит душу от всего наносного. Вы по-новому взглянете на все, самые обыденные вещи обретут для вас новую цену. Я ваш друг, Марианна, старший и более опытный, и мне бы так хотелось, чтобы вы вдумались в мои слова...

Девушка притихла, потом робко повернула к Григорию заплаканное лицо.

— Фред, не смотрите на меня, только дайте свою руку! Я расскажу вам все, все. Обещайте, что не будете на меня смотреть.

— Не надо, Марианна, не надо. Я приблизительно догадываюсь.

— Нет, нет! Вы даже не можете догадаться... Он уговорил меня сказать дома, что я с ним... что я с другими... О, Фред, вы даже не можете представить... Когда отец мне сказал... когда он назвал меня... когда я поняла...

— Не надо, не надо об этом. Я запрещаю вам, слышите? Слишком много чести, чтобы так о нем горевать... Никто не должен знать, и никто никогда не узнает, что тут произошло. Мы все здесь ваши друзья и заботимся о том, чтобы вам было лучше. Если вы не будете плакать, послушаетесь врача — а это мой друг и очень хороший человек! — то через час я сам отвезу вас домой... Обещайте мне больше ни о чем не вспоминать и не плакать.

Обливаясь слезами, Марианна уверяла, что она не плачет, что у нее совершенно сухие глаза, и утвердительно кивала, соглашаясь на

все, только бы поскорее ее отсюда забрали. Минут через пять Григорий и Джузеппе уже ехали по вечерним улицам города.

Опустившись на сиденье, Григорий сразу же закрыл глаза. Он хотел немного отдохнуть перед разговором с Умберто. Григорий понимал, что разговор будет нелегким. Мягкое покачивание и шорох убаюкивали. На какой-то миг его действительно одолела дремота, поэтому Григорий не сразу понял, почему стоит машина, а он сам, подавшись всем телом вперед, уперся головой в ветровое стекло. И только взглянув на руки Джузеппе, вцепившиеся в руль и побелевшие в суставах, Григорий понял, что неприятный звук, долетевший до него, словно сквозь вату, был скрежетом тормозов. Впереди, сцепившись крыльями, стояли две машины, а их автомобиль остановился буквально на нескольких сантиметрах от багажника машины, которая шла на обгон.

— Ху-у! — Джузеппе вытер вспотевший лоб ладонью. — Сегодня мы второй раз заглядываем в потусторонний мир. Не слишком ли часто?

— Для одного дня частенько, — улыбнулся Григорий. — Но оцените, оба раза нам повезло. Хотелось бы мне, чтобы так же счастливо закончились мои дипломатические переговоры с отцом Марианны. Кстати, почему именно на Марианну обратил свой взор Рамони? Из слов Матини я понял, что идеалы Умберто Висконти и взгляды вашего патрона диаметрально противоположны. Почему же тогда Рамони мечтает обручиться именно с Марианной?

Джузеппе некоторое время молча вел машину.

— Приданое, — бросил он вдруг. — Синьор Умберто — человек богатый, и Марианна у него единственная...

— Но ведь покойный граф Рамони тоже был богатым человеком, и все это унаследовал его племянник, то есть Витторио?

— Не так много, как все думают. Старик предпочитал держать свои акции и наличные при себе, в замке.

Разговор оборвался. Джузеппе явно не хотелось его продолжать, а Григорию и так все стало ясно. Теперь он знал, как и о чем разговаривать с Умберто Висконти.

В ту ночь Григорий заснул лишь под утро. Дела Марианны они с Матини уладили еще до полуночи, но взбудораженные только что пережитым, радостью встречи после долгой разлуки, друзья говорили и говорили, даже погасив свет и лежа в кроватях. В чем-то очень разные, в чем-то очень похожие, они, как и всегда во время своих споров, забрались в дебри философских и моральных проблем, говорили о судьбах человечества, которое стремились звергнуть в новую бездну темные силы.

Глава шестая

ВСТРЕЧА У ТАЙНИКА

Матини и Григорий торопливо завтракали, не замечая недовольных взглядов Стефании.

Старая экономка, узнав вчера вечером, что у них будет ночевать лучший друг Матини, — спозаранку сбегала за продуктами и, не считаясь с затратами, накупила столько всякой всячины, что едва дотащила до дому. Зато завтрак получился

королевский: салат с креветками, жареная рыба, цыплята, пышные булочки прямо из духовки, мягкий, словно масло, овечий сыр, душистый мед... И такую роскошь, с такой любовью приготовленные кушанья, они глотают, совершенно не замечая вкуса, будто все это лакомство — приевшаяся обычность, словно сейчас не послевоенное время с его безумными ценами и черным рынком, а те далекие благословенные дни, когда вас за полы тащили к палаткам с мясом, птицей, овощами, молоком, и лира оставалась лирой сегодня, завтра, послезавтра и через десять лет.

Впрочем, Матини хитрил, притворяясь, что не видит обиженной Стефании. Воспитавшая его служанка давно стала для него родным человеком, и сейчас он думает о том, как бы поделикатнее уговорить ее уехать раньше, чем они намечали еще вчера утром.

— Стефания, я еще не успел рассказать вам, как мне вчера неслыханно повезло! — весело, но не очень искренно воскликнул доктор. — Представьте себе, не успел я открыть больницу, а у меня уже есть первая пациентка!

Старая женщина подозрительно взглянула на Матини. Она чувствовала — разговор этот затеян неспроста.

— А почему бы ей не быть? На даровщинку кто не побежит! Всем известно, что к синьору доктору можно прийти, не имея песа в кармане, да еще лекарство получить, — на всякий случай язвительно бросила она.

— Не то, Стефания. На этот раз речь идет о настоящей синьоре. Я даже получил часть денег, — не совсем уверенно солгал Матини.

— С чего бы это она так расщедрилась?

— Хочет как можно лучше устроить больницу дочку. Возможно, нам завтра же придется выехать.

— Завтра? — Стефания упала на стул. — Все бросить, сняться, словно птицы небесные, которые не сеют и не жнут!.. Вы как хотите, а я не поеду! Капнем сяду, и никакая сила не сдвинет меня. Из-за каприза привередливой синьоры бросить все, нажитое честным трудом!..

— Что ж, — Матини поднялся, вытирая губы салфеткой. — Придется ехать одному. Ради этой чепухи, — он обвел комнату рукой, — я не могу ставить под угрозу свою практику на новом месте. Такая реклама для больницы, и вдруг лишиться ее!

— Реклама? — теперь уже голос Стефании звучал неуверенно.

— Конечно! Вы же не думаете, что я ради денег решил ломать свои планы? — Матини произнес это так небрежно-гордо, что Григорий едва удержался от смеха.

Стефания, совершенно сбита с толку, что-то бормоча себе под нос, ушла на кухню. Матини весело подмигнул другу.

— Теперь все в порядке. Ручаюсь. Итак, я сейчас заеду к Умберто Висконти, погляжу на Марианну, потом двинусь на Кола да Риенца. Когда мы встретимся?

— Чтобы не связывать себя по рукам, давай-те вечером.

— Хорошо. У меня сегодня масса дел. Надо еще отправить кое-какое оборудование и мягкий инвентарь.

— Не могу себе представить вас в роли владельца больницы.

— Я тоже. Эти деньги свалились на меня, словно с неба. Внезапно умер дальний родственник, настолько дальний, что даже имени его у нас

в семье не аспоминали. Он умер в Бразилии бездетным, и юридически я оказался единственным наследником. Поначалу я не хотел брать эти деньги, но когда узнал, что они станут достоянием нашего милого правительства, решил — э, нет! До смерти не забуду, сколько я натерпелся от всех тех, кто пришел к власти. Теперь открою собственную небольшую больницу-санаторий и смогу заняться научной работой.

— Рамони рассказывал мне, что охота на участников движения Сопротивления была запланирована неофашистами. Сразу после войны. Один выстрел — две цели: отвлечь внимание от настоящих коллаборационистов и убирать с дороги людей прогрессивных взглядов. И вы попали под этот огонь... Да, Матини, чтобы сломить врага, надо бороться, а не самоустраняться от борьбы, как стремитесь сделать это вы.

— Мы возвращаемся к вчерашнему спору. И если продолжим его...

Стефания появилась на пороге, вся уже охваченная азартом предтожездной суеты. Пока она советовалась с Матини, что упаковывать в первую очередь, Григорий позвонил на виллу Рамони.

Как он и думал, Витторио еще не приехал. Джузеппе по телефону предупредил горничную, что появится только к вечеру. Все складывалось наилучшим образом: впервые Григорий и Лидия окажутся на вилле одни, и у них будет достаточно времени, чтобы разыскать списки, а возможно и еще какие-либо интересные документы, относящиеся к деятельности МСИ. Лидия знает, кому и куда все передать...

Сегодня с утра, впервые с тех пор как Гончаренко приехал в Италию, небо над Римом не то чтобы потемнело, а просто утратило прозрачную ясность, и казалось выцветшим, мутноватым. Неприятный, обжигающий ветер хлестал по лицу, куда ни повернись. У Григория разболелась голова. Вообще после контузии в Сен-Реми он тяжело переносил ветреную погоду. Пришлось заехать в аптеку, купить патентованные порошки от головной боли и тут же принять.

— Сирокко! — сочувственно сказал провидзор. — В такие дни выручка увеличивается. Радоваться бы надо, но как порадуешься, если сам не находишь себе места...

В саду возле виллы горячий ветер трепал деревья и кусты. Потеряв упругость, обмякшие, увядшие, даже кое-где свернувшиеся листочки свисали с веток. Цветник наклонился в одну сторону, чашечки цветов низко припали к земле, пряча яркие головки в гуще прикорневых лапчатых листьев. Только войдя в дом, Григорий вздохнул с облегчением.

— Лидия, пять минут отдыха и стакан воды! За время своей работы в комендатуре Кастель-ла-Фонте Лидия хорошо изучила привычки Гольдринга. Она знала: десять-пятнадцать минут полного покоя действуют на него магически. Поэтому и теперь, подав воду, она тихонько вышла.

Григорий глотнул, полускрыл глаза и вытянулся в кресле, расслабив мышцы... Сон и не сон. Бытие и небытие... Подспудная мысль бьется так далеко, что не поймешь, откуда долетают ее едва слышные импульсы: из глубины существа?.. из внешнего мира?..

Такую способность абстрагироваться от своего «я» Григорий выработал еще в спецшколе путем длительных тренировок. Толчком послужил один эпизод — случилось так, что курсант Гончаренко оказался на операционном столе. Григорий

долго не обращал внимания на болезнь, и обычный аппендицит превратился в гнойный, начался перитонит. Операцию пришлось делать под общим наркозом. Все, что ей предшествовало, Григорий воспринимал с апатией и равнодушием измученного болезнью человека.

Но вот накладывают маску. Он пробует шевельнуться, чтобы сбросить ее. Начинает задыхаться. Запах эфира. Приказ считать. Один, два, три, четыре... Он досчитал до шестнадцати, потом сбился. Восемнадцать... Двадцать три... Пробует исправить. Двадцать... девятнадцать... семь... Провал. Небытие...

И вдруг свершилось чудо. Тело оставалось мертвым, даже не мертвым, — оно просто не существовало. И вообще ничего не было. Только глубокий черный мрак, в котором пульсировала мысль Григория. Предельно четкая, совершенно свободная, единственная реальность в темной бездне, существующей за границами привычных для нас измерений времени и пространства.

Вероятно, все это длилось миг, а может минуту. Мрак стал рассеиваться, посерел, до слуха донеслись короткие властные приказания хирурга, торопившего ассистентов. Григорий все еще не ощущал собственного тела, но только что пережитое чувство безгранично свободного полета мысли уже не возвращалось.

Поправившись, Гончаренко не раз пытался восстановить удивительное состояние, в котором оказался к концу операции. Постепенно он приучил свое тело подчиняться велениям разума, а потом стал управлять и работой мозга, как ему того хотелось. Как бы настраивая его на нужную волну то интенсивного мышления, то полного покоя.

Вот и сегодня. Несколько минут самоотключения, и он чувствует себя совсем иначе. Голова не болит, мысли — четкие, ясные.

Лидия, услышав шаги Григория, быстро появилась в дверях смежной комнаты.

— Вот! — молодая женщина протянула связку ключей. Они тихонько звякнули, и горничная зябко передернула плечами, словно ее обожгло морозом. — Должны подойти. Слепки оказались удачными, а у Марио золотые руки.

— Спасибо! И не волнуйтесь. Ни одной булавки я не возьму. Только фотографировать.

Лидия была права, расхваливая какого-то Марио. Ключ, вставленный в прорезь первого же замка, повернулся легко, и Григорий осторожно выдвинул средний ящик письменного стола. Внимательный взгляд зафиксировал порядок, в котором все лежало. Толстая тетрадь в сафьяновом переплете... Какие-то перечеркнутые странички, очевидно, черновики Рамони. Несколько счетов. Записная книжка. Две зажигалки — одна в виде пистолета, другая — совсем непристойного рисунка. На длинном листочке какие-то заметки. Сломанный нож, тот, над которым несколько дней назад плакала Марианна...

Методически, один за другим Григорий рассматривает все листочки, тщательно укладывает их в том же порядке, в каком они лежали. Ничего интересного. Даже намек нет на то, что он ищет. Может быть, в записной книжке?.. И здесь ничего. Телефоны, записи расходов. Несколько цитат из д'Аннунцио, Юлиуса Эвола. Ого! Не зря эти деятели считаются идеологами неонацизма: бредовые мечты о создании единой монолитной фашистской партии, глубокомысленные рассуждения о роли спартано-романской расы, которая

совместно с германской должна стать господствующей. На отдельной страничке пометки, относящиеся к каждому из тридцати шести томов полного собрания «сочинений» Муссолини: том такой-то, страница такая-то... Цитаты из статей Муссолини, Гитлера, Эвола. Мемуары самого Рамони, тоже сплошь нашпигованные этими цитатами. Как же он, бедняжка, пыжится, чтобы прикрыть громкими словами убожество мыслей!

Осмотр остальных ящиков стола тоже ничего не дал. Они были забиты любовными письмами, сувенирами от дам сердца и счетами, счетами — горы неоплаченных счетов. Да, очевидно, Джузеппе сказал правду: только приданое богатой невесты могло спасти Рамони от неминуемого краха. Вот почему он и выбрал Марианну.

Раздраженный неудачей, Григорий швырнул ключи на стол.

— Заберите, чтобы я больше их не видел. Только зря потратил время. Но где-то он должен же прятать документы! Сейфа нет, значит... — Гончаренко несколько раз прошелся по комнате, задумчивым взглядом ощупывая стены. — И все-таки, тайник где-то здесь. Может, в спальне, но нет, скорее здесь... Только где? За одним из портретов? — рассуждал он вслух, то останавливаясь, то снова шагая по комнате.

— Недавно я делала генеральную уборку, снимала и протирала все портреты и картины. Будь за ними тайник, я бы заметила, потому что и по стенам прошла тряпкой, — сказала Лидия.

— А панели, стеллажи?

— Панели я протирала скипидаром, книжки на полках...

Григорий вдруг замер напротив простенка, у которого стоял письменный стол, потом немного отошел, не отрывая взгляда от заставленного книгами стеллажа. Что-то в нем показалось ему подозрительным. Стеллаж не очень широк, зачем же он разделен на три части: среднюю, широкую, и два боковых узких крыла? Середину отделяют от крыльев слишком уж массивные бронзовые стержни с причудливо витиеватым орнаментом. Что это, только украшение? Слишком тяжелое и совсем не подходит к прямым линиям обычных книжных полок. На других стеллажах подобных стержней нет...

Быстро шагнул вперед, Гончаренко прсвел рукой по стержню, ближайшему к окну. Как он и думал, секрет таился не здесь: полка тут не могла отойти в сторону, так как вплотную примыкала к стене. Зато с другой стороны, если закрыть дверь... Теперь пальцы Григория двигались по орнаменту медленно, ощупывая каждый завиток, каждую выпуклость, то нажимая на рельеф рисунка, то стараясь сдвинуть какую-либо отдельную деталь вверх, вниз или в сторону. Вот пальцы коснулись какого-то бутона. В орнаменте он повторялся не раз, но пальцы Григория словно прикипели именно к этому.

— Лидия, закройте двери! — попросил он глухим от волнения голосом.

«Это должно быть здесь... Это должно быть здесь, — уверял он себя, — именно на уровне вытянутой руки удобно все брать и класть... Ну!»

Медленно, очень медленно Григорий нажал на бронзовую выпуклость. Палец скользнул по металлу, словно смоченный водой. Гончаренко вынул платок, вытер руку. Снова осторожно обхватил пальцами бронзовый бутон. Попробовал повернуть по ходу часовой стрелки. Безрезультатно. Тихонько подвинул бутон вниз. Неужели он

сошел с места? В орнаменте возник маленький, чуть заметный зазор. И все. Только и всего... Можно снова повернуть, теперь уже кверху? Ага, наконец-то! Бутон поворачивается легко, словно скользит по маслу. Еще... еще... механизм звонко щелкнул! Полка отошла в сторону, открыв прямоугольное зияющее отверстие.

Лидия, пораженная, вскрикнула. Григорий вытер вспотевший лоб.

— Ну, вот и все! Надеюсь, теперь нам повезет больше. На всякий случай прикройте вторую створку двери и станьте так, чтобы было видно, если кто-нибудь войдет в дом. А я тем временем...

У Рамони были все основания прятать эти бумаги. Тайник Витторио, даже при беглом знакомстве с документами, хранившимися здесь, напоминал дьявольскую кухню. Записав на листочке порядок, в котором все было уложено, Григорий отобрал то, что считал самым важным, засек время. Половина одиннадцатого. За час он успеет все сфотографировать, навести порядок в тайнике и закрыть его невинной на первый взгляд полкой. Рамони даже в голову не придет, что тайник раскрыт и кто-то хорошо похозяйничал в нем.

Фотоаппарат щелкает безостановочно. Страничка сменяет страничку, и вот весь длиннющий список уже заснят. В нем фамилии тех, кто бежал через Италию на ее самолетах и осел в Испании, Португалии, Бразилии, Аргентине, Уругвае или в других уголках земного шара, под своими или вымышленными именами. Штабс-кавалеры, бригад-фюреры, группен-фюреры, обергруппен-фюреры, убийцы, запятанные кровью тысяч жертв, перевоплотились в коммерсантов, ученых советников, юрисконсультов, журналистов, проповедников слова божьего, владельцев ранчо, плантаций, в пайщиков различных концернов и монополий. Рядом с некоторыми фамилиями стояли восклицательные знаки, а в скобках какие-то пометки, правда, зашифрованные.

Спрятав кассету со списком, Григорий стал просматривать документы, относящиеся уже к непосредственной деятельности МСИ. Директивные указания «центру». Инструкции касательно методов работы. Ого! Дислокация расположения подпольных групп и схема тайных складов оружия... Сводки с отчетами руководителей «клеток» и «десяток», расположенных по территориальному признаку. Список прогрессивных деятелей — возле одних фамилий крестики, возле других восклицательные знаки. Должно быть, это фамилии провокаторов, пробравшихся в рабочие организации... Копия письма на имя князя Боргезе, подписанная «смирненным братом Хуста Переса да Урбель». Любопытно! Смирренный настоятель аббатства под Мадридом разговаривает с руководителем итальянского неофашизма чуть ли не в тоне приказа. Из текста видно, что речь идет о слиянии всех неофашистских сил Европы, и «смирненный брат» не прочь руководить ими из своего аббатства «Валье дос Кандос».

Григорий, увлекшись чтением письма, не заметил, как испуганно вытянулась Лидия, и обернулся, лишь услышав ее взволнованный голос:

— Прячьте, ради бога прячьте! Хлопнула калитка, кто-то идет к крыльцу... Джузеппе!

— Скорее, через черный ход! Я послал вас за сигаретами. Вернитесь через полчасика! — скороговоркой приказал Григорий, торопливо вытаскивая вторую кассету и пряча ее в карман.

— Я помогу вам собрать бумаги,

— Говорю вам — быстрее! — крикнул Григорий, да так зло, что Лидию словно ветром сдуло. Одним взмахом руки Гончаренко сгреб все документы, разложенные на столе.

«Придется засовывать как попало, а уж потом... Эх, черт, не успею, поздно!»

Швырнув бумаги на стол, Григорий бросился к двери.

«Как быть? Спрятаться в спальне? Запереться? Глупо! Выдам себя с головой. Только принять бой! Дверь открывается во внутрь. Если стать за портьеру...»

Созревает какой-то еще неясный план.

Джузеппе приближается к кабинету, нависывая «Кукараччу». Вот его шаги как будто отдаляются, затихают. Вероятно, он остановился, раздумывая, идти дальше по коридору или подняться наверх, в свою комнату.

«Неужто пронесет?..— Григорий затаил дыхание.— Нет, все-таки идет сюда».

Продолжая нависывать, Джузеппе открывает дверь, не спеша делает несколько шагов, и вдруг свист обрывается.

Григорий понял: Джузеппе бросился к столу. Теперь он возвращается, подбегает к стеллажу с открытым тайником.

— Силы небесные! Что это значит?

Григорий потом сам удивлялся, как в критический момент сливаются воедино мысли и движения.

Джузеппе стоял у стеллажа, а Гончаренко, шагнув из-за портьеры, уже навел фотоаппарат.

— Вы сошли с ума! Что вы делаете? — вскрикнул пораженный секретарь Рамони, не успев даже отнять руки от дверцы тайника.

— Хочу увековечить вашу фигуру на фоне этой пикантной обстановки, — с издевкой бросил Григорий и дважды щелкнул аппаратом. — Уверю вас, снимок будет очень эффективным.

— Я только что вошел.

— А успели немало.

Лишь теперь Джузеппе окончательно пришел в себя и сообразил, в какую сложную ситуацию попал.

— Вы негодай, Шульц! Это дело ваших рук. Одно ваше присутствие в пустом доме говорит само за себя. Где Лидия?

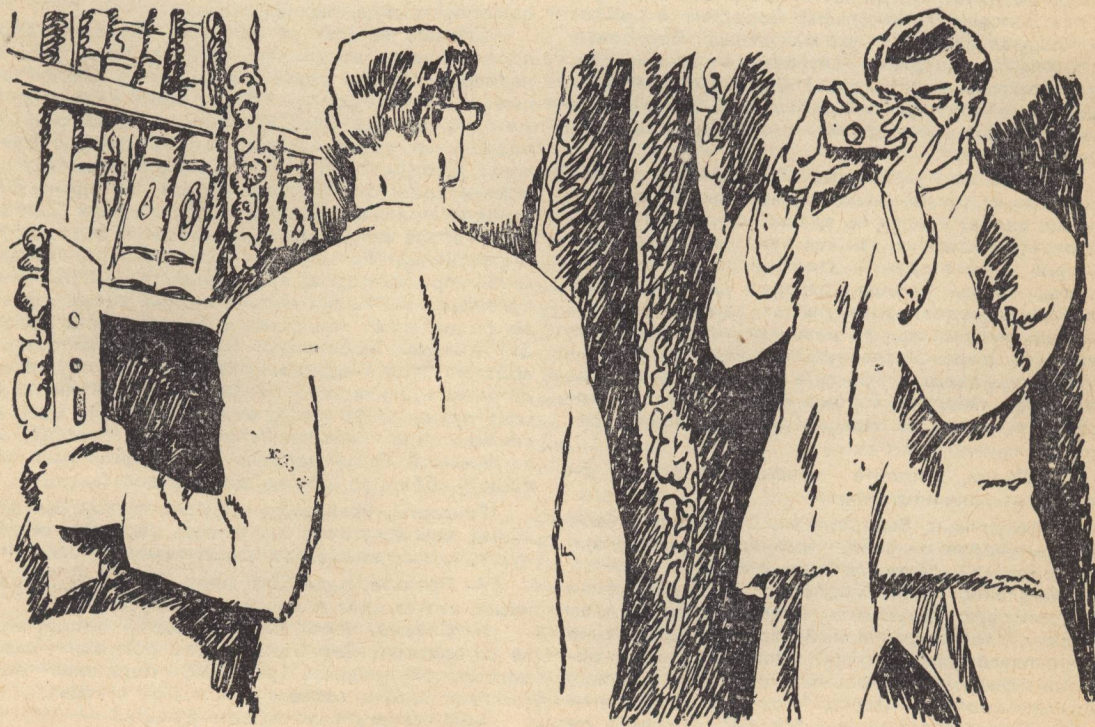
— Я послал ее за сигаретами. Только и всего.

— Ага! Выходит, вы нарочно удалили ее из дому. Еще одно доказательство вашей вины.

— Вы плохо разбираетесь в юриспруденции, Джузеппе! Доказательство — вот оно. — Григорий поднял фотоаппарат. — Как бы это сказать, вещественное, зафиксированное на пленке. А у вас что? Слова! Одни слова, их легко опровергнет фотоснимок.

— Вы мерзкий шантажист, Шульц! И я докажу это! Существует еще логика событий...

— Но-но... потише на поворотах! Что касается

ся логики, то это оружие обоюдоострое. В наше время некоторые документы — те же деньги. Почему же вам не воспользоваться удобным случаем?

— Ага, вот оно что! — сжимая кулаки, Джузеппе вплотную подошел к Григорию. — Я сейчас вас этими вот руками...

— Довольно! Надоело! У меня пистолет, понимаете? И если дойдет до насилия...

Они стояли почти вплотную друг к другу, бледные, разъяренные.

«Черт побери! Так сгоряча я действительно могу... Пора переводить разговор на другие рельсы... Бедняга, какого дьявола ты свалился мне на голову!»

— Вот что, Джузеппе! — Григорий вынул руку из кармана и отошел к столу. — Наша словесная перепалка ничего не даст ни вам, ни мне. Мы можем договориться, не прибегая к кулакам и пистолету. Предлагаю сейчас, пока не вернулась Лидия, привести все в порядок. А потом побеседуем о наших взаимоотношениях. Предупреждаю, нападения с тыла я не прошу!

Спокойно повернувшись, Григорий стал складывать документы. Джузеппе мрачно наблюдал за его неторопливыми движениями.

— Ну вот, можно прятать. Уложите, пожалуйста, все в тайник и поставьте полку на место.

— С какой стати? Чтобы вы еще раз сфотографировали меня?

— Два снимка или три, какое это имеет значение? Впрочем, если вы так боитесь... — Григорий сам спрятал бумаги, осторожно положил руку на секретный замок.

Позади послышалось тяжелое дыхание Джузеппе.

«Неужели хочет ударить?»

Гончаренко быстро оглянулся. Нет, секретарь стоит спокойно. Во взгляде нескрываемое любопытство. Глаза прикипели к рукам Григория. Выходит, он не знал секрета тайника.

— Все! Теперь можно сесть и побеседовать. Представьте себе, в замке у старого графа, где я жил, был точнехонько такой же тайник. Старик сам мне его показал, предоставив одну из комнат в полное мое распоряжение. Совершенно ясно, что этот тайник сделан по уже готовому образцу. Вот почему я так быстро сообразил, как он запирается.

— Вас выдало не только это, Шульц! Вы уложили документы в определенном порядке, значит, вы видели их раньше.

— Слова, милый Джузеппе, слова. Я легко мог бы их опровергнуть, сославшись на ваше разгоряченное воображение...

Взгляды двух людей скрестились: спокойный, насмешливый Григорий, и лихорадочный, преисполненный ненависти — Джузеппе.

— Вы, Шульц, очевидно, любите игру в кошки-мышки?

— Наоборот, терпеть не могу! И поэтому признаюсь: тайник открыл я.

— Какое смелое признание! Можно подумать, что я не знал этого с самого начала. Непонятно другое: зачем вы разыграли весь этот фарс?

— Неужели не догадываетесь? Чтобы обезвредить вас. И если вы обмолвитесь хоть словечком Рамони или кому-либо еще о том, что виде-

ли здесь, два снимка — учтите, в разных ракурсах...

— Это моральное насилие, Шульц!

— Это вынужденная предосторожность. И чтобы не обременять вашу совесть излишними раздумьями морального порядка, могу объяснить свое поведение.

— Знаете, Шульц, вы начинаете меня интересовать. Так лозко свалить все с большой головы на здоровую и держаться так самоуверенно и спокойно...

— Профессия, Джузеппе! Как вам известно, выпускник школы «благородных рыцарей». Кстати, мой чрезмерный интерес к документам синьора Рамони связан именно с нашей школой. Видите ли, даже интересы единомышленников, к сожалению, не всегда совпадают. Так произошло и у меня с вашим уважаемым патроном. Наша разведка сильно обеспокоена тем обстоятельством, что Рамони несколько легкомысленно хранит у себя список фамилий видных деятелей национал-социалистической партии райха, в свое время переправленных с помощью итальянцев за границу. Нам желательно, чтобы эти списки были уничтожены, а след наших людей затерялся. Этого требуют правила конспирации и планы, которые мы составляем, исходя из наличия сил на местах. Вот почему мистер Думбрайт возложил на меня это не сложное, но очень важное задание. Оно несколько не задевает интересы вашего подпольного движения МСИ и разных других организаций того же толка, а наши защищает... Итак, заключим джентльменское соглашение о молчании или нет?

— Вряд ли такое соглашение можно назвать джентльменским. — Тень усмешки промелькнула в глазах Джузеппе, и это обеспокоило Григория.

— Называйте наше соглашение хоть пиратским, как угодно... Меня интересует одно — ваше молчание. Если вы его нарушите, я буду безжалостен, предупреждаю честно!

— Вы взяли списки. Рамони может заметить. Тогда подозрение падет на меня. Все равно меч повиснет у меня над головой.

— В школе мне вручили фальшивые списки, и я заменил ими подлинные. Рамони не заметит подмены, — убеждал Григорий, зная, что сфотографированные списки лежат на месте.

Джузеппе снял очки и потер виски. Без стекол глаза его казались совсем беспомощными. Часто моргая веками, как все близорукие люди, когда они без очков, секретарь после минутного раздумья выдал из себя согласие.

— Что же, буду молчать. Иного выхода вы мне не оставили.

...Неподалеку от виллы Рамони Григорий встретил Лидию. Вид у нее был встревоженный.

— Все хорошо. Не волнуйтесь! Он ничего не заметил. Мы побеседовали и дружески распрощались... Вечером загляните к Матини, вместе с ним поедете к Агнессе Менендос и поможете ей собраться. О том, что я в Риме, ни гу-гу! Эти касеты передайте вашим друзьям. Я считаю, что самое важное мы с вами сфотографировали.

— Правда? — обрадовалась Лидия.

— Конечно! — так же радостно ответил Григорий, хотя на сердце у него скребли кошки.

Только он знал, что в аппарате, направленном на Джузеппе, не было пленки.

Продолжение следует

СКОЛЬКО СТОИТ ПУСТОТА?

Смешной вопрос! Ничего не стоит! Пустота и есть пустота. Разве не так?

Нет, не так. И чтобы доказать это, я расскажу о том, как несколько десятков инженеров и научных сотрудников института «Унипромедь» в течение пяти лет работают над проблемой, чем заполнить... подземные пещеры. То есть пустоту.

Но немного истории.

Самый, пожалуй, древний металл, который человек взял себе на вооружение, — медь. Медная руда обычно залегает мощными наклонными пластами. Как правило, для ускорения разработок руду сначала добывают открытым способом — в карьерах. Но углублять карьеры до бесконечности нельзя — это уже будет не карьер, а колодец, из которого не выберется ни самосвал, ни экскаватор. Поэтому одновременно с открытым способом добычи на медных месторождениях почти всегда используют шахтный.

Так добывают медную руду на Среднем Урале — под Красноуральском и в Дегтярском, так сейчас разрабатывают знаменитое Гайское месторождение на Южном Урале.

Из вертикальных шахт горнопроходчики пробивают го-

ризонтальные штольни, которые затем, по мере выборки руды, превращаются в гигантские подземные залы. Горняки зовут их камерами. Высота такой камеры достигает двадцати пяти метров, а длина — до пятидесяти. В такой камере можно свободно разместить семи-восьмизэтажный дом. Естественно, для того чтобы зал не завалился, не надо забывать, что руду добывают при помощи взрывчатки, — его кровлю приходится подпирать мощными колоннами — целиками, увы, из той же самой руды, которую с таким трудом геологи находят и до которой с таким трудом добиваются шахтеры. Пустота требует жертв, да еще каких! В некоторых шахтах на целики оставляется до половины всей руды.

А нельзя ли, все-таки, обойтись без целиков? Завалить камеры и выбирать на-гора остатки руды...

При одном слове «обвал» у горных инженеров портится настроение. «Ведь погибнут подъездные пути, шахты — все! Целики трогать нельзя!» Да и как, в самом деле, тронешь эти самые целики, если на них стоит, например, треть города Красноуральска!

Выход один: пустоту надо заложить. Но чем? Породой? Это все равно, что пытаться построить дом из одной штукатурки. Развалится такой дом, — чудес в природе не бывает. Разрыхленная пустая порода по прочности почти равноценна штукатурке.

Как это часто бывает в науке — определили «вилку»: если не годится порода, бетон выдержит все. Да, тот самый бетон, из которого строят дома и заводы. Именно так поступают в Финляндии и считают, что это выгодно.

Выгодно? Когда в лаборато-

рии крепления горных выработок, которую возглавляет В. А. Рубцов, подсчитали, схватились за головы. Только в одну камеру надо заложить почти десять тысяч кубометров! Двадцать тысяч тонн! Десять составов! Целый поселок можно построить из этого бетона...

Итак «вилка»: бетон, который очень дорог, и пустая порода, которая никуда не годится. Выход? Искать «золотую серединку», искать материал, который бы обладал качествами бетона и был бы чуть дороже песка.

Начали с того, что из всех имеющихся в распоряжении строителей материалов выделили те, которые имеют стоимость «не выше песка»: глина, суглинок, обыкновенная пустая порода. Все эти материалы исследовали, рассортировали и... оставили в покое. Ни глина, ни даже отходы обогатительных фабрик сами по себе не могли обеспечить достаточной прочности. Нужна была добавка, которая могла бы связать рыхлые компоненты в монолитную массу.

Взялись за доменные шлаки. Но в каких дозах надо их смешивать, чтобы получилась масса, способная за три месяца приобрести прочность не

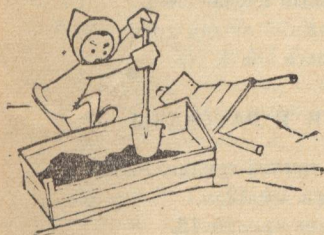

ниже чем у кирпичной кладки?

На опытный завод института, расположенный в поселке Елизавет, в южной части Свердловска, со всех уральских заводов стали приходить необычные посылки: в каждой — доменный шлак. За два года перемололи до двух тонн всевозможных доменных шлаков — нижнетагильских и орско-халиловских, с Саткинского металлургического завода и с Верхне-Салдинского, из Челябинска и Алапаевска. Каждый образец шлака мололи до различных по величине зерен, потом смешивали в различных пропорциях с песками и суглинками, сушили и измеряли полученные образцы на прочность. Искали материал, который бы активизировал, заставил смесь твердеть быстрее.

Такой активизирующей присадкой оказалась известь.

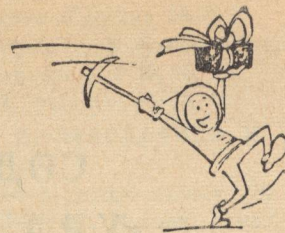
Известь оказалась хорошей присадкой, но... Где взять такое огромное количество извести? Привозить? Целые составы? Только в одном Гайском месторождении нужно было заполнить тысячи кубометров

пустоты. Кто может поручиться, что при таком варианте «пустота» не окажется слишком дорогой? Стали искать другие активизаторы. Кто-то из группы К. Ю. Реппа предложил попробовать хлорное железо. Попробовали. Получилось. А проверили себестоимость, опять вся работа насмарку. Пробовали работать и с жидким стеклом — прекрасные результаты. Но опять очень дорого...

В конце концов все та же всеильная экономика определила «золотую середину»: триста шестьдесят килограммов шлака, тысяча двести — песка, воды и сорок килограммов активизирующих присадок. Таков состав одного кубометра того самого «материала-икс», который позволит почти вдвое увеличить добычу меди. Когда подсчитали, сколько потребуется материалов, стало ясно: надо строить завод. Прямо на самом месторождении, рядом с шахтами. И вот пришлось строить целый завод, который дробил и просеивал шлаки, инертные материалы, все точно отвешивал в определенных пропорциях и по трубам отправлял готовую смесь под землю, в камеры. Полторы тысячи кубометров отличного строительного материала в сутки — такова производительность Гайского завода твердеющих масс.

Сто двадцать тысяч кубометров бетонной смеси накачали в гайские камеры. Теперь уже исследователей мучила не себестоимость, а прочность.

В лабораторных условиях прочность была достаточно, но одно дело лаборатория и другое — шахта.

И вот начались контрольные бурения. Пробы брали из второй камеры. После трех скважин в Свердловск полетела телеграмма: сто два килограмма на квадратный сантиметр! Тверже кирпича!

Это была победа. И какая! Едва разнеслась весть об успешной закладке новых твердеющих масс, как Гай стали осаждать делегации. Необычным заводом, его удивительным «бетоном» заинтересовались и за рубежом — побывали на Гае делегации инженеров из Германской Демократической Республики и Чехословакии. Да и было чем заинтересоваться: по сравнению с финским методом закладки эта установка, разработанная коллективом Уральского института «Унипромедь», дала только в 1964 году почти полтора миллиона рублей экономии. Это стоимость четырех многоэтажных домов.

Б. ТИМОФЕЕВ

ТЕРМЕНВОКС

Первый в мире электромузыкальный инструмент сделан у нас в стране в двадцатые годы. Это — «терменвокс». Известно, что создал его инженер Л. С. Термен.

Самое интересное, что к терменвоксу даже не надо прикасаться. Две антенны создают электромагнитное поле, которое можно изменять кистью руки и даже отдельными

пальцами, двигая ими вблизи одной антенны. Вторая служит для изменения громкости. Звук очень плавный и певучий, напоминает виолончель (в нижних регистрах) и даже человеческий голос (в верхних регистрах).

В первые годы Советской власти Л. С. Термен с триумфом выступал со своим инструментом по всей стране. Сейчас изобретателю 72 года, он

работает в акустической лаборатории Московской консерватории, где хранятся другие электромузыкальные инструменты, созданные им. Например, электровиолончель без единой струны и смычка. По возможностям виртуозной игры электровиолончель не уступает обыкновенной, а кое в чем даже и превосходит ее.

Б. ШАЛАГИНОВ

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ» ЗА 1967 ГОД

СЛАВНОЕ 50-ЛЕТИЕ

- БАЙРАМОВ Н. Как создавался памятник. № 4.
ДОЖДИКОВ Н. Встречи в Смольном. № 4.
КОСТИНА Е. Родному Ленину. № 5.
По Ленинским местам. № 4.
САЛЬНИКОВ П. Облакат. № 10.
АЛЬТОВ В. На рассвете. № 7.
БАРАНОВСКАЯ М., ПОХОДОВ А. Октябрь на карте. № 11.
БЕЛОГУБЕЦ С. И. Таманцы. № 9.
БЕЛЯЕВ И. Красным Орлам. № 3.
БУРЛАК Б. Точка опоры. № 11.
ЗАЛИЛОВА Х. Наш Муса. №№ 11—12.
КОЗЫРЕВ А. Челябинская листовка. № 1.
ЛЕВИН Ю., ШМЕРЛИНГ С. Живут на Урале авроровцы. № 11.
БАНТИКОВ А., ЕРМИЛОВ С. На Уфу ведет Чапаев красные полки... № 6.
НЕСТЕРОВА А. Ф. Комсомольская юность. № 2.
ПАРАМОНОВ А. И. Февраль — месяц выюжный. № 3.
ПЛОТНИКОВ И. В тылу Колчака. № 5.
РЕЗНИК Я. Мекка металлургов. № 11.
СУХАЧЕВСКИЙ С. Алеша. № 4.
ФЕДОТОВ В. Алексей Серебряков. № 12.

РАССКАЗЫ О БОЕВОЙ СЛАВЕ

- АЛЬТОВ В. Вечный огонь. № 5.
ГЕНДЕЛЬ В. Полный кавалер Славы. № 8.
ЗАХАРОВ С. Радист огненного бомбардировщика. № 6.
МУРЗИН А. Снежный рейд. № 10.
МУХИН О. Схватка у Хан-Тенгри. № 4.
«Нас не победишь!» № 4.
ПРУСАКОВ В. Горсть земли. № 8.
ТОЛСТИКОВ П. Танкист Мария Октябрьская. № 8.
ШАХОВ А. Комсомольский билет № 22460467. № 10.
ШВЕЦОВ А. Поединок. № 5.

ТВОЙ СОВРЕМЕННИК

- АКУЛОВ И., СОРОКИН Л. Тропой Кравченко. № 1.
ВАДИЛЬЕВ Я. SOS отменяется. № 8.
ВЫГОН С. Александровский дневник. № 10.
ВЫГОН С. 95-й упал в тайгу. № 6.
ЕВЛАДОВ Б. Вызывает Таймыр. № 3.
ЕВЛАДОВ Б. Доктор ты мой, Юрка. № 7.
ЕГАРМИН В. Тридцать лет в тайге. № 2.
КАЛАБИН Г. Кросс с Юридея. № 1.
САПОВ В. Шурпа и «наваристые» парни. № 9.
СМИРНОВ Н. Первые рельсы Северсиба. № 8.
СПЕХОВ Е. Кем держится земля. № 4.
ТУРУНТАЕВ В. Особый случай. № 6.
ХРОМОВ К. Подаривший людям город. № 9.
ШУШАРИН А. Уренгя. № 4.

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

- АСТАФЬЕВ В. Ночь темная-темная. № 10.
БОГДАНОВ Е. Выюга. № 12.
ВТОРНИК В. Ку-ка-ре-ку... № 12.
КВИН Л. Севрюга, Серега, Сергей... №№ 1—2.
КРАПИВИН В. Путешественники не плачут. № 12.
КРЮГЕР К., БАСТИАН Х. Приказано участвовать в расстреле. № 7.
ЛАВРИНАЙТИС В. На выючной тропе. № 10.
НИКОНОВ Н. Островишко. № 5.
НИКОНОВ В. Сабля Лазо. №№ 8—9.
ОСОКИН Е. Тумадан и Капишка. № 10.
ПАЦИЕНКО Г. Где рождается ветер. № 11.
ПРАГА С. Борькина карьера. № 5.
РАЕВСКИЙ Б. Найдите! Найдите, если возможно... № 8.
СТАРИКОВ В. Гривенник. № 9.
ФОМИН Л. Матрена. № 8.
ЯРОВОЙ Ю. Варькина яма. № 3.

ПОЭТИЧЕСКИЕ ПОДБОРКИ

- БАЙРАМОВ Н. «Я прячу ноги теперь от пыли...»,
«Вновь июнь тяжелеет плодами...» и др. № 3.

ЕРАНЦЕВ А. Степь. Журавли. и др. № 10.
 КОНСТАНТИНОВ Е. Агитация. «И снова утро в
 черточках особых...». Дорога. № 9.
 ЛИСЯНСКАЯ И. «Постель из листьев постелю...»,
 «Вот — заскучавший воробей...» № 1.
 МЕРЕЖНИКОВ Н. Кувшинка. Снегирь. «Да,
 столько раз...» № 5.
 РОЖДЕСТВЕНСКИЙ Р. Горы. Дальний рейс.
 Самолетное. № 3.
 РУМЯНЦЕВ Л. Как слышите, земляне?.. Не надо!
 и др. № 4.
 СОРОКИН Л. Баллада о пропавшем пилоте. В му-
 зее. и др. № 8.
 ТАТЬЯНИЧЕВА Л. Верность. «У кустов пообст-
 риженных...» В заповеднике. № 10.
 ТРИФОНОВ Ю. «Есть у природы собственные
 часики...», «У мечты — пьедестала...» и др.
 № 1.
 ЯШИН Д. Зима. «Мой друг, не проклинай...»,
 Пробуждение. № 12.

ПОИСКИ, НАХОДКИ, ОТКРЫТИЯ

АЛЬТОВ В. Как продавали гору. № 8.
 БОЛЬШАКОВ Л. Новое о Николае Островском.
 № 1.
 БОРЧЕНКО А. Уралочке — 5000 лет. № 5.
 КАЗАНЦЕВ П. Участь изобретателя. № 1.
 КЛЮЕВ П. Как выросли крылья. № 3.
 КОЗЫРЕВ А. Подарок Н. К. Крупской. № 4.
 КОСТРИН К. В. 333 штуфа с Урала. № 7.
 КУЧЕРОВ Е., БАЙКОВ Г. Ель Мичурина. № 5.
 МОГУТИН П. Началось с открытки. № 5.
 НИКИТИН А. Неизвестное послание уральских
 рабочих писателю А. Серафимовичу. № 10.
 НИКИТИН А. Петр Заломов в Перми. № 6.
 НИКИТИН А. Скорбный посох Наполеона. № 2.
 ПЕТРОВ М. Коллекция «для всех». № 9.
 РАППОПОРТ Е. Легендарный сундук. № 5.
 РАППОПОРТ Е. Редкая фотография. № 1.
 РОЗЕНФЕЛЬД Р. На древней земле. № 9.
 РЯБОВ Ю. Тобольская пушкиниана. № 8.
 СНИЦКИЙ М. Дегтярская старина. № 1.
 ФИЛИМОНОВ М. Инкунабуле — пять столетий.
 № 10.
 ФИЛИППОВА Э. «Красный галстук». № 5.
 ШАРЦ А. «Юный пролетарий Урала». № 3.
 ШАРЦ А. Ученик Черепановых. № 2.
 ШЕИН В. «Лил мастер Логин Жихорев». № 3.
 ШЕРСТЮК И. «Окна УралРоста». № 11.
 ЯРОВОЙ Ю. «Незевай» и прочие. № 6.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ И ФАНТАСТИКА

АЛЬТОВ Г. Мечта... Гипотеза... Реальность? № 11.
 АЛЬТОВ Г. Девять минут. № 9.

АЛЬТОВ Г. Клиника «Сапсан». № 3.
 БУГРОВ В. «В серебристой лунной мгле...» № 8.
 БУГРОВ В. От бересты к...? № 10.
 ВАЛЕНТИНОВ А. Экзамен. № 10.
 ВОЙСКУНСКИЙ Е., ЛУКОДЬЯНОВ И. Аланд-
 ские каникулы. № 7.
 ГУРЕВИЧ Г. Итак, о происхождении... № 9.
 ДОЛЬД-МИХАЙЛИК Ю. И один в поле воин.
 №№ 9—12.
 ЗОРИН В. Глаза Зевса. № 5.
 ЗУЕВ-ОРДЫНЕЦ М. Сказание о граде Ново-
 Китеже. №№ 2—7.
 ЛОММ А. Тасли Куми. № 6.
 ЯРОВ Р. Седьмой круг ада. № 1.

НАУКА И ТЕХНИКА

БИРЮКОВ Е. Звездочеты. № 6.
 ЖИТНИКОВ В. Откуда это слово. №№ 3—5,
 10—11.
 ЖУКОВ А. Золото в вине. № 2.
 КИЗЕВЕТТЕР И. Море горит. № 5.
 КЛЕЙН Л. Фараоны и физики. № 1.
 КЛЕЙН Л. Пропала Бесиха! № 12.
 КОМАРСКИХ Е. До разгадки еще далеко. № 2.
 ТИМОФЕЕВ Б. Сколько стоит пустота? № 12.
 ФИНКЕЛЬШТЕЙН Д. Самоцветная химия. № 5.
 ЯРОВОЙ Ю. Алюминий вместо... угля. № 10.

РАССКАЗЫ О ПРИРОДЕ

БЕЛЬДЯГИН Г. Венерины башмачки. № 5.
 БОЛЬШАКОВ В. Находки в пещерах. № 4.
 ГРЕБЕННИКОВ В. Загадки белых скал. № 10.
 ЕГОРОВ В. К. В гости к кедром. № 3.
 ДИЖУР Б. Птичье собрание. № 7.
 КЛЕЩЕВ Д. Из книги природы. №№ 6 и 10.
 ЛЕОНТЬЕВ В. Коварство Куйменской губы. Три
 эльпа. № 10.
 МАЛАХОВ А. Каменные симфонии. № 7.
 МАЛАХОВ А. Новеллы о камне. № 2.
 МАЛЬЦЕВ А. Пять историй о воде. № 4.
 ПОЛУЭКТОВ Е. Будет ли у Вишеры хозяин? № 2.
 СЕРГЕЕВ Б. Ищу Жар-птицу. № 11.
 СМЕРНОВ Н. Из книги природы. № 8.
 Славный народ — собаки. № 6.
 ТУМБАСОВ А. Курьинский календарь. № 4.
 ФЕРСМАН А. Е. За недра! № 6.
 ФЕРСМАН А. Е. Люди камня. № 8.
 ФОМИН Л. Из книги природы. № 1.
 ХРОМОВ К. Песня Зоро. № 4.

НА ПРИЗ НАШЕГО ЖУРНАЛА

О подвигах, о доблести, о славе... № 2.
 Новоселье состоялось. № 5.
 Будем достойны славы отцов. № 6.

Однополчане откликнулись. № 7.
 Дорогами подвигов. № 8.
 «Ясность будущего — моя сила». № 9.
 Н. К. Крупская на Урале. № 10.
 Легенда о танкистах. № 11.
 Герои Железной. № 12.
 Во всех номерах — информации под рубрикой:
 «Следопытские дела».

В МИРЕ ИСКУССТВА

ДОЛМАТОВСКИЙ Е. Как создаются песни. № 5.
 ЗЫРЯНОВ А. Мастера древней Чуди. № 3.
 ПАВЛОВ В. Его называли русским Роденом. № 4.
 РУЖЕНЦЕВ С. В. Фашисты стреляют в Толстого.
 № 2.
 СЕВРЮКОВ О. Художник из мастеровых. № 1.
 ТУРУНТАЕВ В. Портреты и судьбы. № 9.
 ЧЕСНОКОВ Н. Художник гражданской темы.
 № 6.

БИБЛИОГРАФИЯ

КРАСНОВ Г. Он лиру взял рукой нетерпеливой...
 № 9.
 МАЛАХОВ А. Следопытская книжка. № 12.
 СЕЛЕЗНЕВ Б. Истины и легенды. № 1.
 УТКОВ В. «Умная, хорошая и во всех отноше-
 ниях полезная...»
 ШИШОВ В. По дорогам истории. № 6

ЮМОР И САТИРА

ВАЛЕНТИНОВ А. Проверка возможностей. № 4.
 ЛАЗАРЕНКО М. Любитель природы. № 6.
 ЛОМАННЫЙ В. В поисках разума. № 4.
 НАРКИНСКИЙ В. В гостях у Сайто. № 5.
 НИКИТИН Ю. Где же справедливость, коллеги?!
 НИКИТИН Ю. Страшный мир. № 12.
 ОЛЕКСА В. Ловите на отражение. № 1.
 Поганый гриб-колчак. № 7.
 СЕЛЕЦКИЙ Н. И через сто лет... № 11.
 ТАРАБУКИН И. Если пес гений. № 8.

В НОМЕРЕ:

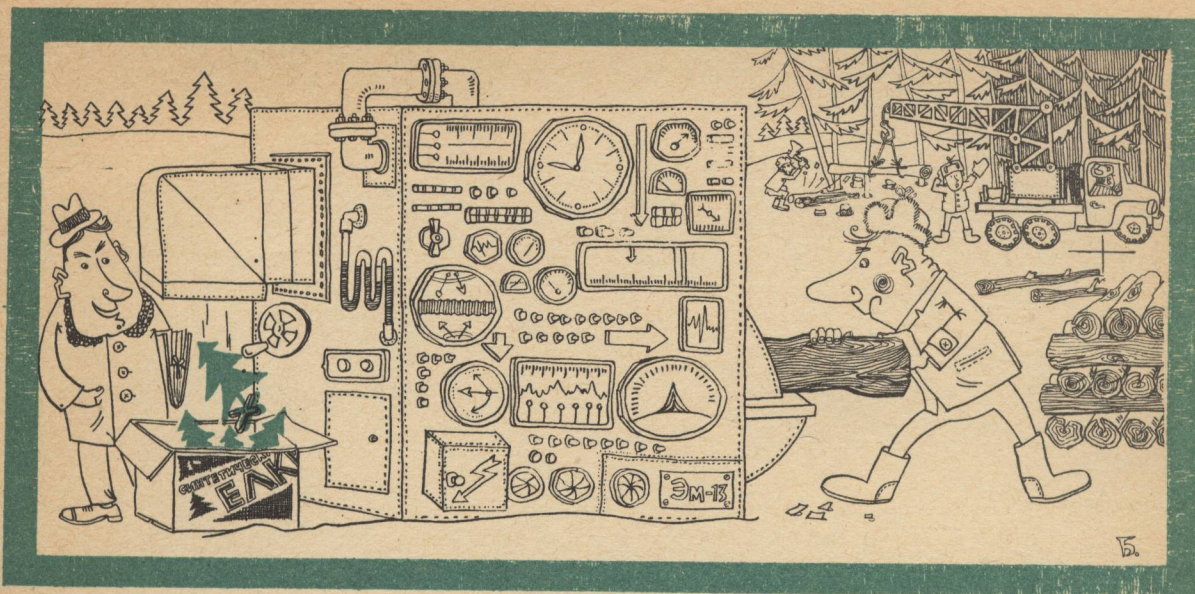
ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ В. Федоров, П. Чирухин	1
ВЬЮГА Е. Богданов. Повесть	6
НОВЫЕ СТИХИ Е. Миронова, В. Дружинин, Л. Иванов, Д. Яшин, И. Малярова	24
ГЕРОИ ЖЕЛЕЗНОЙ Е. Константинова	27
ПУТЕШЕСТВЕННИКИ НЕ ПЛАЧУТ В. Крапивин. Рассказ	34
ПРОПАЛА БЕСИХА Л. Клейн. Очерк	40
НАШ МУСА Х. Залилова. Воспоминания	50
МОЙ ДРУГ — ФАНТАСТИКА	59
СТРАШНЫЙ МИР Ю. Никитин. Юмореска	63
КУ-КА-РЕ-КУ... В. Вторник. Рассказ	65
И ОДИН В ПОЛЕ ВОИН Ю. Дольд-Михайлик. Приключенческий роман	67
СКОЛЬКО СТОИТ ПУСТОТА? Б. Тимофеев	76

РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

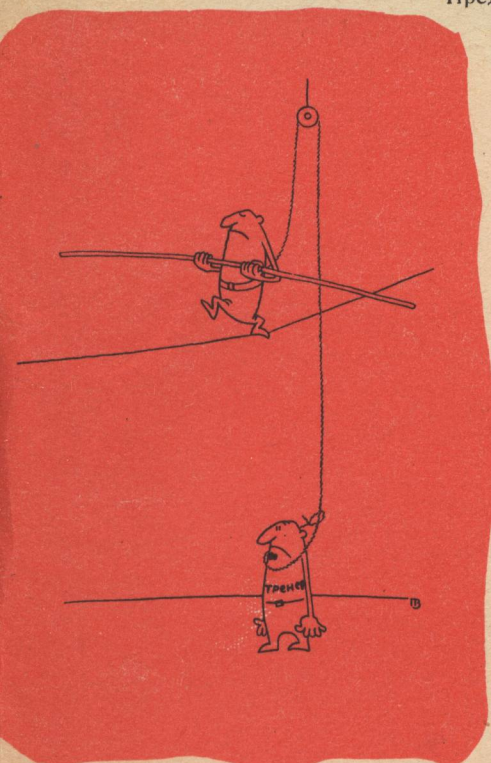
Технический редактор Э. Максимова
 Адрес редакции: Свердловск, ТСП-353, ул. Малышева, 36, комн. 79 и 87. Телефон Д1-22-40.
 НС 18547. Подписано к печати 8/XII 1967 г. Бумага 84×108/16—2,62 бум. л.—8,82 печ. л.
 Уч.-изд. л. 10,45 Тираж 110 000. Цена 30 коп. Заказ 559.

Типография издательства «Уральский рабочий», Свердловск, проспект Ленина, 49.

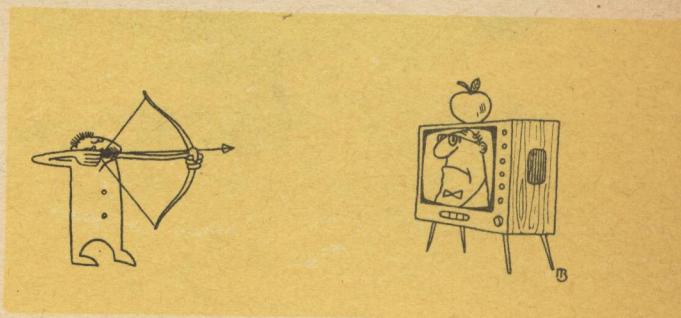
Обложка и вклейка отпечатаны на Свердловской фабрике офсетной печати.

Предновогодняя заготовка елок

Без слов

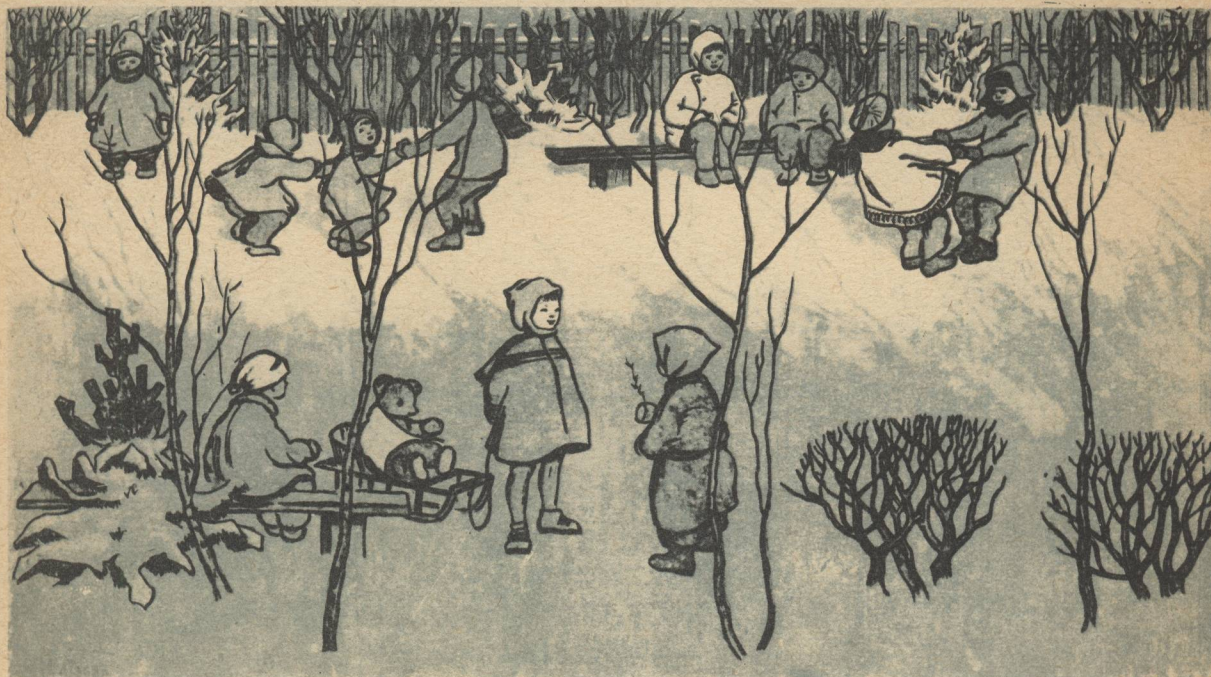
„Вильгельм Телль“

Ю М О Р
Ю М О Р
Ю М О Р

Рисунки
В. Пескова,
В. Баранова
и Б. Слукина.

Каждому — свое..

Н. НИКУЛИНА (Свердловск)

В СКВЕРЕ

30 коп

73413

Главный редактор И. АКУЛОВ

Редколлегия: В. АЛЬТОВ, А. АСС, В. АСТАФЬЕВ, А. БОГАЧЕВ (зам. главного редактора), М. ГРОССМАН, О. ЛЕОНОВА, А. МАЛАХОВ, МУСА ГАЛИ, В. НИКОНОВ, Н. НИКОНОВ, Л. РУМЯНЦЕВ, И. ТАРАБУКИН (ответственный секретарь), Ю. ХАЗАНОВИЧ, В. ШУСТОВ